

СРАЖЕНИЯ И БИТВЫ
ПРОЕКТ 100СБ-2

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

фотоиллюстрированное периодическое издание 2-2001

БОИ В РАЙОНЕ РЕКИ ХАЛХИН-ГОЛ

11 МАЯ - 16 СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА

БОИ В РАЙОНЕ РЕКИ

ХАЛХИН-ГОЛ

11 мая – 16 сентября 1939 года

Эта книга посвящена операции советско-монгольских войск против японских агрессоров, посягнувших на территорию Монгольской Народной Республики. Бои, продолжавшиеся с 11 мая по 16 сентября 1939 года, завершились полным разгромом японских войск, что убедительно продемонстрировало превосходство Красной Армии в тактическом плане и в технической оснащенности вооруженных сил. В работе показан советский и японский взгляды на различные события боевых действий, обобщен опыт использования стрелковых войск, танков и авиации противоборствующих сторон. Книга содержит 108 фотографий, 6 схем, 12 цветных иллюстраций.

ПРИЧИНЫ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА

Проба сил на озере Хасан вынудила высшее японское командование признать самому себе в том, что ранее выработанные стратегические планы наступательной войны против СССР "устарели" по времени. Японцы летом 1938 года смогли убедиться в неожиданно прочной обороне советской границы в Приморье, и поэтому императорский Генеральный штаб решил найти такое место для нового удара, "где бы противник ни ожидал наступления".

В Токио не теряли времени даром. В течение осени "хасанского" 1938 года были разработаны два варианта плана наступательной войны против Советского Союза. Сам сверхсекретный план получил кодовое наименование "Хати - го" (план операции №8).

Вариант "Ко" ("А") предусматривал одновременный удар на восточном и северном

направлениях. После этого намечались решительные действия против Забайкалья.

По варианту "Оцу" ("Б") первоначальный главный удар планировался на западном направлении с целью выхода к южным берегам озера Байкал и перекрытия Транссибирской железнодорожной магистрали. Таким образом, Забайкалье и Дальний Восток "отрезывались" по суше от остальных районов СССР и перед японской армией "открывались" хорошие оперативные возможности для разгрома восточной группировки Красной Армии.

Разработанный в строгой секретности план в двух вариантах был направлен в штаб Квантунской армии для изучения. Именно ей предстояло во второй раз попробовать крепость советской границы. После тщательного анализа ее командование пришло к выводу о наибольшей

1. Личный состав 11-й танковой бригады готовит укрытия для танков. На переднем плане танк БТ-7 (с конической башней и пулеметом для обороны задней полусферы). Район реки Халхин-Гол, конец мая 1939 года (АВЛ).

1. The 11th tank brigade personnel prepared tanks shelters. In the foreground there is a BT-7 tank (with conical turret and machine-gun for a backward hemisphere defense). The Halha region, late May 1939.

целесообразности сосредоточения основных наступательных усилий на западном направлении. То есть там, где сходились границы трех государств: Маньчжоу-Го, Монголии и СССР. Квантунские штабисты-аналитики считали его наиболее уязвимым для оборонительных действий советских войск.

Доработанный вариант "Оцу" ("Б") был одобрен в Генеральном штабе Японии уже в мае 1939 года. Для реализации этого варианта предусматривалось использовать 40 пехотных и 5 механизированных дивизий с привлечением других армейских сил. В целом план "Хати - го" предусматривал достижение полной готовности к нападению на Советский Союз лишь в начале 40-х годов.

План "Хати - го" предусматривал создание на территории Маньчжурии 3 фронтов - Западного, Северного и Восточного и одной воздушной армии. То есть планом предусматривалось проведение широких фронтовых наступательных операций, что отвечало современным требованиям военного искусства.

Каждый фронт имел конкретную задачу. Так, войска Северного фронта (10 пехотных дивизий) должны были начать наступление из района западнее китайского города Хайхэ и оказывать поддержку войскам Западного фронта, наступавшим из района Калган - Баотоу во Внутренней Монголии. Перед Северным фронтом стояла задача нарушения движения по Транссибирской железнодорожной магистрали и разгрома противостоящих ему советских войск. После прикрытия движения по Транссибу войска фронта выдвигались в район Рухлово (Сковородино) и далее к городу Хабаровску.

В состав Восточного фронта тоже выделялось 10 пехотных дивизий. Первоначально он должен был принять оборонительное положение и сдерживать советские войска на территории

Приморья. После их разгрома Восточному фронту предписывалось оккупировать основные районы Приморья с городом Владивостоком (туда намечалось высадить морской десант) и развивать наступление вдоль реки Уссури на Хабаровск.

Наиболее мощным по японским планам должен был стать Западный фронт, состоящий из 20 пехотных и 5 механизированных дивизий. Главный удар он наносил по району города Нерчинск в Забайкалье, где ему предстояло разгромить советские войска восточнее Читы. Далее фронту предстояло развивать наступление в сторону Улан-Удэ и Рухлово, одновременно оккупируя советское Забайкалье и Монгольскую Народную Республику.

В докладе командования Квантунской армии Генеральному штабу Японии заявлялось, что Советскому Союзу для ведения боевых действий на западном направлении придется "затратить усилий в 10 раз больше, чем японской армии".

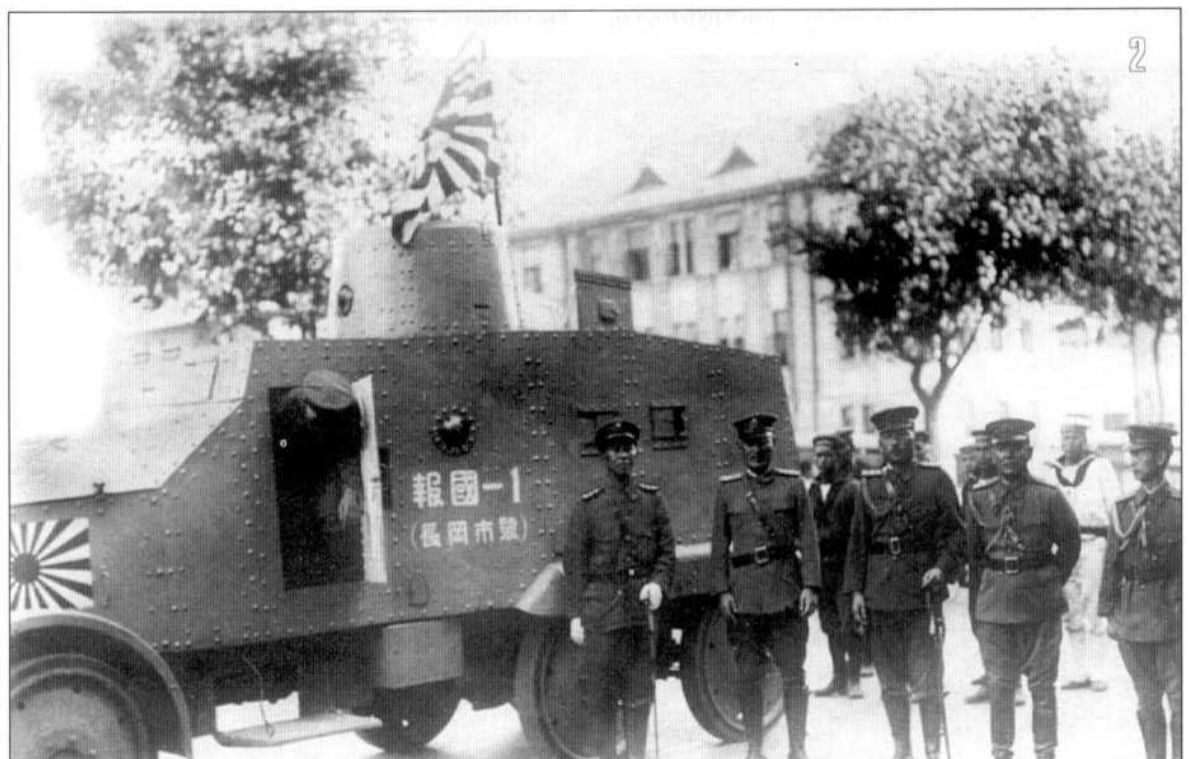
В Маньчжурии к началу войны должны были закончить сосредоточение 35 авиационных эскадрилий, сведенных в воздушную армию. Ей предписывалось в самом начале боевых действий уничтожить советскую авиацию в Приморье и оказать наибольшую поддержку с воздуха наступающему Западному фронту.

В период проведения наступательной операции Квантунской армии против СССР намечалось приостановить активные действия японских экспедиционных войск в Китае. Часть их, переброшенная по железной дороге на север, должна была привлекаться для поддержки Западного фронта. Кроме того, японское командование опасалось прорыва советских мобильных (механизированных) войск в Южную Маньчжурию.

Причины, толкавшие правящие круги Страны восходящего солнца на новый, гораздо более крупномасштабный военный конфликт, было

2. Группа японских офицеров флота у броневедомителя Тип 2593. Автомобили подобной конструкции использовались в боях на реке Халхин-Гол. Верхняя группа иероглифов обозначает, что этот броневедомитель построен на народные средства. Нижняя группа - называет город ("Нагаока"), выделивший средства на покупку броневедомителя. Судя по флагам броневедомитель принадлежит Императорскому флоту. Япония, середина 30-х годов (АВЛ).

2. The group of Japanese fleet officers stands near to a Type 2593 armoured car. The cars of the same design were used in the Halha battles. According to the flags this armoured car is organic to the Japanese Fleet. The middle thirties, Japan.

3. Бронеавтомобиль Тип 2593 "Сумида" из состава сухопутных вооруженных сил Японии. Бронеавтомобиль имеет двухцветный камуфляж, тактические и регистрационные знаки расположены на бортах и "номер" машины. Дословный перевод надписи – "боевое подразделение 2". Маньчжурия, 1936 год (АВЛ).

3. A Type 2593 "Sumida" armoured car of the Japanese land armoured forces. This armoured car has two-coloured camouflage, tactical and registration insignias are put on the side and car number. Manchuria, 1936.

несколько. Но стремление взять реванш за Хасан было явно не самым главным. Важно было ценой "большой войны" вынудить СССР отказаться от помощи Китаю или, по крайней мере, значительно ослабить ее. Победа давала Токио хорошую козырную карту в дипломатическом противостоянии Вашингтону и Лондону.

Была и еще одна немаловажная причина – требовалось поднять авторитет Императорской армии, подорванный поражением на озере Хасан и невозможностью завершить войну в Китае. Помощь ему со стороны Москвы все возрастала. К середине февраля 1939 года в Китае находилось 3665 советских советников, инструкторов,

военных летчиков и техников. Летом того же года туда прибыло более 400 летчиков-добровольцев и авиатехников (свыше 200 советских летчиков погибло на китайской земле).

Эту последнюю причину японские историки определили следующим образом: "Лишившись уверенности в победе, армия находилась в состоянии сильной раздраженности и нетерпения – как в отношении военных действий против Китая, так и в отношении операций против СССР".

Однако ни плану "Хати – го", ни его второму варианту "Оцу" ("Б") не суждено было сбыться. Начавшиеся военные события "в полосе

4. Японская пехота на надувных плавсредствах переправляется через реку Халхин-Гол. Май 1939 года (РГАКФД).

4. The Japanese infantry using an inflatable rubber dinghy is floating through the Halha. May 1939.

5. Монгольские солдаты-цирики из состава 6-й кавалерийской дивизии Монгольской Народно-революционной армии. Май 1939 года (АВЛ).

5. Mongolian soldiers of the 6th cavalry division Mongolian People's Revolutionary Army. May 1939.

6. Советский солдат из состава сводного отряда Быкова выносит с поля боя раненого товарища. Район реки Халхин-Гол, середина мая 1939 года (РГАКФД).

6. A soviet soldier of the Bykov combined detachment carries his wounded comrade out of the battle-field. The Halha region, middle May 1939.

наступления Западного фронта" стали развиваться совсем по другому сценарию, в разработке которого японский императорский Генеральный штаб участия не принимал. Новое столкновение японских и советских войск произошло несколько ранее спланированного и утвержденного в Токио.

Это столкновение вошло в мировую военную историю под названием "Халхин-Голский конфликт" на границе Монголии (МНР) и Маньчжоу-Го, или Китая. Но он больше напоминал локальную, пограничную войну, которая шла с мая по сентябрь 1939 года. Однако конфликт на реке Халхин-Гол в истории войны так и не назвали, хотя было немало войн, в которых были задействованы гораздо меньшие силы.

В зарубежной историографии термин "Халхин-Гол" дается лишь как географическое понятие, а сами четырехмесячные военные события называются локальным "инцидентом у Номонхана (Номон-Хана)" по наименованию одной из возвышенностей на маньчжуро-монгольской границе.

Командование Квантунской армии постаралось "отвлечь" как можно больше внимания советского военного руководства от берегов Халхин-Гола. С этой целью на советско-маньчжурской границе действиями "местного" командования Квантунской армии и маньчжурских войск преднамеренно обострялась обстановка. Нарушение границы следовало одно за другим. Вот лишь некоторые из их перечень.

14 февраля 1939 года японские военнослужащие нарушили государственную границу СССР на участке Ханкайского пограничного отряда в Приморье. В результате боевого столкновения был убит японский унтер-офицер Эситами Кимамура.

23 февраля нарядом 53-го (Даурского - в Читинской области) пограничного отряда был ранен при нарушении советской границы на

7. Солдаты Красной Армии отражают атаку японо-маньчжурских войск. Конец мая 1939 года (АВЛ).

7. The Red Army soldiers are repulsing the Japanese-Manchuria forces attack. Late May 1939.

острове № 268 на реке Аргунь и взят в плен унтер-офицер Томигава.

26 февраля в боевом столкновении на советской территории японскими военнослужащими был захвачен раненым пограничник красноармеец Моков, захвачен также труп красноармейца Гузеватого. С этими "трофеями" нарушители смогли беспрепятственно уйти на свою сторону, в Маньчжурию.

5 марта японцы вновь нарушили советскую государственную границу в Приморском крае на участке Гродековского погранотряда. В ходе боевого столкновения были убиты капитан Такисабуро Хосисукэ, ефрейтор Оцуба и солдат-маньчжур Ли Люнцзин...

Советская сторона никак не могла быть заинтересована в новом обострении ситуации на своей дальневосточной границе. Показателен факт, что уже после начала военного конфликта на реке Халхин-Гол в ответ на запрос японских дипломатов А.П. Берия сообщил им, что подлежащие обмену лица и трупы могут быть доставлены в любой пункт сухопутной границы между СССР и Маньчжоу-Го к 20 мая 1939 года

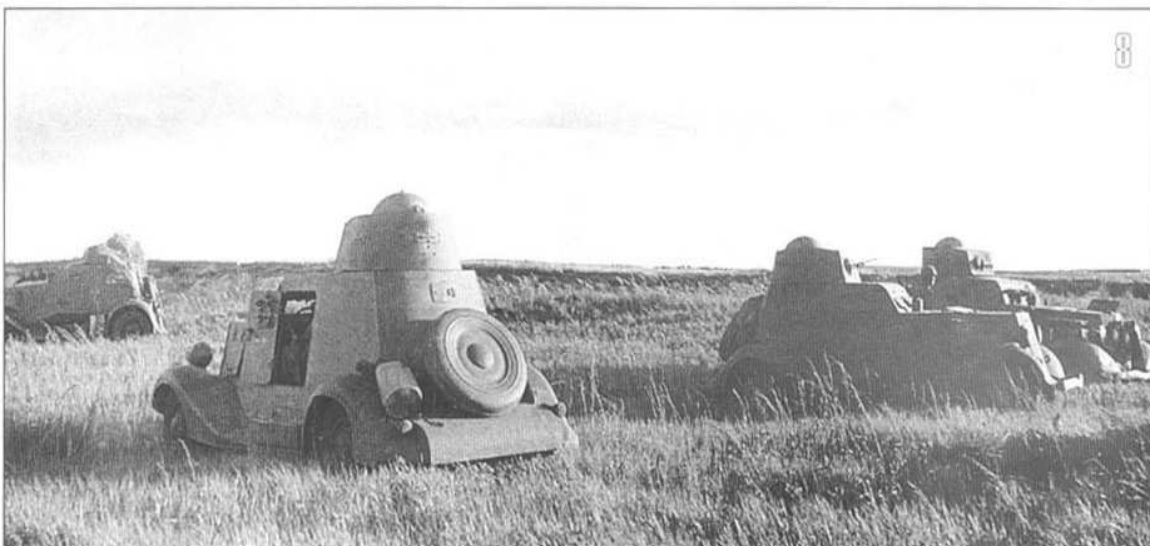
или другому сроку, который устраивает противную сторону. Ставилось лишь одно условие - японские власти должны были предупредить советскую сторону о месте и дате такого обмена за 5 суток.

События на берегах реки Халхин-Гол стали как бы более широкомасштабной копией событий на озере Хасан. Причиной маленькой необъявленной войны, в которой с одной стороны участвовали советские войска и армия Монгольской Народной Республики, с другой - войска японской Квантунской армии, стал пограничный конфликт. Связан он был с необоснованными требованиями японских и, естественно, маньчжурских властей об односторонней демаркации государственной границы между двумя странами.

Вопреки официальным картам, на которых ранее была зафиксирована государственная граница (Внешней) Монголии и Китайской империи (МНР и Маньчжоу-Го) восточнее реки Халхин-Гол на 20-25 километров, японские власти стали настаивать на демаркации границы - на признании реки Халхин-Гол пограничной чертой между Монголией и Маньчжоу-Го. Многочисленные документы на сей счет, которые

8. Бронеавтомобили ФАИ и БА-20 различных периодов выпуска. На переднем плане бронеавтомобиль БА-20М. Данная техника принадлежит разведподразделению 8-й моторизованной бронетанковой бригады. Конец мая 1939 года (АВЛ).

8. A FAI and BA-20 armoured cars of different production periods. In the foreground there is a BA-20M armoured car. These vehicles belong to the 8th motorized armored brigade reconnaissance unit. Late May 1939.

имелись в монгольской столице Улан-Баторе, японо-маньчжурской стороной во внимание не принимались.

Более того, линия государственной границы в районе реки Халхин-Гол на японских картах начиная с 1935 года стала переноситься вглубь Монголии на расстояние до 20 километров. На картах же до 1934 года такого не было вовсе.

На границе начались военные столкновения. 24 января 1935 года японо-маньчжурские войска совершили нападение на монгольскую пограничную заставу в Халхин-Сумэ и затем захватили близлежащую к ней территорию. Это было только началом агрессивных действий Японии, ее Квантунской армии против МНР.

31 января японо-маньчжурская пехота на 41 грузовике и кавалерийский отряд в 50 сабель

совершили новое вторжение на монгольскую территорию. Нападавшие сперва заняли пограничную заставу в Халхин-Сумэ, потом погранзаставу "Монголрыба". Монгольские пограничники, выполняя инструкцию военного министра МНР, главнокомандующего Монгольской Народно-революционной армией Гэлэгдорижайна Дэмида, не ввязываясь в перестрелку с противником, отошли на 6 километров и остановились в районе Нарийн-Нур (Узкое озеро). В Улан-Баторе считали, что из политических соображений это было сделано правильно.

Переговоры о демаркации государственной границы между Монголией и Маньчжоу-Го (по сути дела, для предотвращения назревавшего пограничного конфликта) начали вестись уже в

9. Группа бойцов и командиров 8-й мотобронебригады Красной Армии. На переднем плане бронеавтомобиль БА-20М. Конец мая 1939 года (АВЛ).

9. The group of the Red Army the 8th motorized armored brigade soldiers and commanders. In the foreground there is a BA-20M armoured car. Late May 1939.

10. Танки БТ-7 различных периодов выпуска из состава 11-й танковой бригады на позициях перед атакой. Май 1939 года (АВЛ).

10. A BT-7 tanks of different production periods from the 11th tank brigade are on its positions prior to an attack. May 1939.

начале июня 1935 года на железнодорожной станции "Маньчжурия". Однако позиции сторон сразу же разошлись. Делегат Японии Каики в своем заявлении от имени правительства Маньчжоу-Го поставил перед монгольской делегацией следующие требования:

"Маньчжоу-Го откомандирует в соответствующие пункты на территории МНР (в том числе и в Улан-Батор) для постоянного проживания своих уполномоченных, которые будут держать связь со своим государством, отправлять нужные донесения и будут пользоваться правом свободного передвижения. Если с этими требованиями не согласятся, наше правительство... потребует отвода всех войск МНР, находящихся к востоку от Тамцак-Сумэ (то есть Темчик-Булака)..."¹

Требования Каики дополнил японский военный атташе в Маньчжурии Какура, который предъявил к монгольской делегации новые требования, но уже от имени штаба Квантунской армии. Он настаивал на допущении своего представителя в назначенный им пункт монгольской территории и на проведении телеграфной линии для связи с ним.

На эти требования правительство Монгольской Народной Республики 13 июля 1935 года дало ответ, в котором подчеркивалось, что "требования правительства Маньчжоу-Го о командировании уполномоченных в подходящие

для них пункты для постоянного проживания и установки телеграфных линий для связи с ними правительство МНР отвергает как прямое покушение на суверенитет и независимость МНР"².

Переговоры были сорваны в ноябре 1935 года. Правительство Маньчжоу-Го, по указанию Токио и штаба Квантунской армии, заявило: "...в дальнейшем все вопросы мы собираемся решать по своему усмотрению". Такое правительственное заявление одной из сторон за столом переговоров было ничем иным, как прямой угрозой применения силы для "исправления картографической ошибки".

Таким образом, создавались дипломатические предпосылки для халхингольской "картографической" агрессии Императорской армии Японии против бесспорно слабейшего противника, но имеющего военного и политического союзника в лице Советского Союза.

Необъявленная война, начавшаяся первоначально на дипломатическом поприще, уже вскоре обернулась боевыми столкновениями на монгольско-маньчжурской границе. Только в первом квартале 1936 года японо-маньчжурские войска совершили более 10 вооруженных налетов на сопредельную сторону. Это свидетельствовало о том, что в штабе Квантунской армии к такого рода враждебным действиям на границе с Монголией были уже готовы. В марте 1936 года начальник

11. Танк БТ-7 (с конической башней) выдвигается к месту атаки. 11-я танковая бригада. Май 1939 года (АВЛ).

11. A BT-7 tank with a conical turret is moving towards an attack site. The 11th tank brigade. May 1939.

12. Начальник Генерального штаба Монгольской Народно-революционной армии комдив Ж. Цэрэн наблюдает за ходом воздушного сражения. Район реки Халхин-Гол, май-июнь 1939 года (АВЛ).

12. The Chief of General Staff of the Mongolian People's Revolutionary Army division commander J.Tseren is observing the course of air combat. The Halha region, May-June 1939.

13. Министр военных и внутренних дел, главнокомандующий армией Монголии маршал Х. Чойбалсан. Район реки Халхин-Гол, май 1939 года (АВЛ).

13. Military and Home Secretary, Commander-in-Chief of the Mongolian Army, marshal H. Choibalsan. May 1939, the Halha region.

этого штаба генерал Итаки заявил, что Монголия занимает важное место в японо-маньчжурской внешней политике. Или, говоря иначе, в планах командования Квантунской армии.

Так, 24 марта 1936 года в 15 часов отряд японских и маньчжурских военнослужащих напал на монгольскую пограничную заставу Монгол-Дзагас у озера Буир-Нур. Завязалась перестрелка. К нападавшим прибыло на 4 грузовиках подкрепление, однако монгольские пограничники отбили нападение. На следующий день под вечер японо-маньчжурский отряд численностью около 200 человек повторил нападение. Поскольку силы были неравные, то монгольским пограничникам пришлось отойти на 7 километров вглубь своей территории.

На рассвете 26 марта нарушители границы, обнаружив отход монгольских пограничников, переправились через реку Халхин-Гол и заняли помещение заставы. Однако появление над заставой военных самолетов с монгольскими опознавательными знаками заставило японо-маньчжурский отряд переправиться обратно через реку и уйти на свою территорию.

После двухдневного затишья 29 марта в 12 часов дня большой японо-маньчжурский отряд напал на монгольскую пограничную заставу Адык-Долон, которая находилась в 45 километрах от границы. Объяснялось это тем, что впереди нее тянулся совершенно пустынный незаселенный район. Одновременно нападение было совершено на другую монгольскую пограничную заставу - Булан-Дерсу, расположенную на 50 километров севернее и в 8 километрах от линии государственной границы. Получив подкрепление, монгольские пограничники отразили нападение и заставили противника укрыться на сопредельной территории.

Наиболее сильное нападение состоялось в 9 часов утра 31 марта 1936 года. Японо-

маньчжурские войска на 72 грузовиках при поддержке 12 танков, бронемашин и 4 самолетов вновь напали на пограничную заставу Адык-Долон. Монгольским пограничникам пришлось отступить, и противник дошел до высоты 652 и дороги, связывавшей Баин-Тумен и город Тамцзяк-Булак. На сей раз в бой пришлось вступить регулярным частям армии Монголии и агрессор был вынужден отступить за Адык-Долон.

В ходе боев 29 и 31 марта на монгольской границе были захвачены пленные. О результатах их допроса и положении на восточной границе МНР начальник Разведывательного управления РККА С. Урицкий сообщал Наркому обороны:

"На границе спокойно.

Результаты опроса пленных.

1. Захваченный в бою 29.3 подполковник Ивамото, японец, 46 л., дворянин, инструктор артиллерии и вооружения бригады. Имеет пулевые ранения в левую ногу и бок. Ивамото прибыл в Маньчжурию из города Хух-Хото из 5-го артполка в августе 1935 г. и служил в Мукдене, в Хайлар прибыл 25.3 и 27.3 уехал на границу с целью инспекции. На допросе держит себя спокойно, ничего существенного не говорит... Утверждает, что ехал на охоту (на волков) и не знал, что попал на территорию МНР...

2. Капитан Юро, японец, 36 л., дворянин, зав. оружием 4-й баргутской кавбригады, здоров, прибыл в Хайлар из офицерской школы в Мукдене в феврале 1936 г. 1 марта выехал в Булун-Дерсу, где замещал командира 1-го эскадрона 7-го баргутского кавполка японского капитана Сато, выехавшего на короткий срок в Хайлар. Свое появление на границе объясняет поездкой с целью ознакомления с районом. Заход на

территорию МНР объясняет случайностью и неясностью границы...

6. В бою 31.3 захвачен в плен рядовой Ямада Танзо, японец, по специальности шофер, 23 л. Служил и участвовал в бронечасте капитана Ивадзаки (номер части не знает, говорит, это засекречено от солдат). Ранен в левую руку, осложнений нет; охотно отвечает на все вопросы. В бою 31.3 участвовал на танкетке... Беседует исключительно радушно и просит отправить его в Москву.

7. У японского подполковника отобрана секретная схема, включающая Баргу и северную половину восточного аймака МНР, а также часть границы СССР; масштаб карты 1:2 000 000. На территории СССР изображены частично пограничные пункты. Северная половина восточного аймака МНР изображена схематично. Граница Маньчжоу-Го и МНР проведена по южному берегу р. Халхин-Гол и далее сворачивает по р. Тулай-Гол, отрезая территорию МНР в направлении на Халун-Аршан на 60 км...

9. Ход событий, по данным опроса пленных, рисуется в следующем виде: отряд подполковника Ивамото в количестве 7 грузовых и одной легковой машин выступил в Булун-Дерсу на рассвете 29.3 и направился на границу. Заставу Адык-Долон солдаты видели около 8 час. утра. Говорят, что обошли ее на расстоянии ок. 8 км, продолжая двигаться по дороге на юго-запад, и ошибочно углубились на территорию МНР. Между 13 и 14 часами неожиданно подверглись бомбардировке самолетов и ответили на их обстрел огнем двух станковых пулеметов, двух ручных пулеметов и винтовок. Все пленные заявляют, что случайно попали на территорию МНР, и объясняют это неясностью границы. Солдаты цели поездки не знают. Ивамото говорит,

14. Советские танкисты 11-й танковой бригады с интересом рассматривают японские 6,5-мм пулеметы Тип 11. Район реки Халхин-Гол, май 1939 года (АВЛ).

14. The 11th tank brigade soviet tankmen are examining with interest Japanese captured Type 11 6,5-mm machine-guns. May 1939, the Halha region.

15. Кавалеристы легендарной 6-й монгольской кавалерийской дивизии на построении. Район реки Халхин-Гол, май 1939 года (АВЛ).

15. The formation of the legendary 6th Mongolian cavalry division cavalymen. The Halha region, May 1939.

что ехал охотиться на волков. Всего на машинах было 60 японских солдат, 6 японских офицеров и 2 баргута. При нападении самолетов машины рассыпались и пошли на север. Во время бомбометания люди спешили, одна машина остановилась на поле боя, под ней укрылись от огня подполковник, капитан, шофер и баргутский солдат, которых и захватили в плен в 2-3 км юго-западнее заставы Адык-Долон на территории МНР в глубине до 2 км.

31.3 в бою на территории МНР участвовали:

1) Отряд капитана Ивадзаки в составе 9 грузовых машин (рота мотопехоты - 100 бойцов) 10 танкеток. Этот отряд прибыл в Хайлар из Гунчжулина в начале марта 1936 г., откуда 2 марта был направлен в Ассыр-Сумэ.

2) До полка мотопехоты на 50 грузовых машинах выступили в ночь 30.3 из Ассыр-Сумэ. В полку около 500 бойцов. На каждой машине - одно отделение в 10 бойцов. По всем данным, этот полк - из Гунчжулина и часть капитана Ивадзаки из его состава.

3) 7 самолетов, прибывших на поле боя (эти самолеты за несколько дней до боя прибыли из Хайлара).

4) Кавалерийский эскадрон 7-го баргутского кавполка.

Наступало: грузовых машин - 50, танкеток - 10, бойцов - 660, самолетов - 7, сабель - 100.

Начальник Разведывательного управления РККА комкор С. Урицкий³.

В сентябре 12 пленных, в том числе подполковник Ивamoto и капитан Юро, были переданы на берегах реки Керулен властям Маньчжоу-Го. Отказался вернуться только ефрейтор Ханьюан Конинену, кореец по

национальности. Правительство МНР разрешило военному служащему Квантунской армии остаться в своей стране. Все задержанные пленные были переданы совершенно здоровыми. Они оставили прощальные письма, в которых благодарили за хорошее к ним отношение.

В обмен делегация Маньчжоу-Го передала 12 монгольских солдат, входивших в состав заставы Булун-Дерсу, которая была окружена японцами и уведена на сопредельную территорию. 4 остальных бойцов заставы умерли в плену. Их трупы были переданы делегации МНР с отдачей воинских почестей.

Своеобразной прелюдией этих боев на монгольско-маньчжурской границе стало подписание 12 марта 1936 года в Улан-Баторе между СССР и МНР Протокола о взаимопомощи. В нем правительства двух дружественных государств обязывались в случае нападения на одну из договаривающихся сторон оказать друг другу всяческую, в том числе и военную, помощь. Об этом советская сторона поставила в известность посла Японии в Москве.

После этого бериевский аппарат "почистил" руководство Монгольской Народной Республики, освободив его от людей "нерешительных", не способных твердо отстаивать государственную границу от японского милитаризма. В конце июля 1937 года в СССР был арестован как "враг народа" премьер-министр МНР Пэлжидийн Гэндэн, который был расстрелян 26 ноября того же года.

Верховным судом СССР 15 декабря 1956 года П. Гэндэн был посмертно реабилитирован.

В том же 1937 году не стало военного министра МНР, главнокомандующего ее армией, Гэлэгжорижайна Дэмида, который за два года до этого приказал монгольским пограничникам не ввязываться в бой с нападавшими японо-

16. Танки БТ-7 11-й бронетанковой бригады готовятся к атаке. Район реки Халхин-Гол, май 1939 года (АВЛ).

16. The 11th armored brigade BT-7 tanks are preparing to an attack. The Halha region, May 1939.

маньчжурами. Он ушел из жизни 22 августа на станции Тайга в Кемеровской области, куда по приглашению Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова прибыл, чтобы принять участие в качестве наблюдателя на армейских учениях. Официальной причиной его смерти стало пищевое отравление.

Однако этим бериевские "чистки" среди командного состава армии МНР, и прежде всего в Улан-Баторском гарнизоне, не ограничились. В феврале 1937 года Народный комиссар внутренних дел Союза ССР А.П. Берия сообщил Наркому обороны маршалу К.Е. Ворошилову о проведенных массовых арестах среди начальствующего состава монгольской армии по инициативе министра военных и внутренних дел маршала МНР Чойбалсана и полномочного представителя Советского Союза в этой стране Скрипко.

Среди арестованных оказались заместитель военного министра командарм Дамба, начальник запасов штаба армии МНР Намсарай, заместитель начальника политуправления Амор Сайхан, начальник военно-воздушных сил Шагдыр Сурун, начальник его штаба Мунко, командир 1-й дивизии Тохтохо, командир бронетанковой бригады Ахасрун... и секретарь Чойбалсана Баир Сайхан. Все они были объявлены участниками контрреволюционного заговора в руководстве монгольской армии. На очереди стоял арест некоторых членов правительства...

На территории Монголии в соответствии с Протоколом о взаимопомощи от 12 марта 1936 года с сентября 1937 года находились части Красной Армии. Это была крупная подвижная группировка войск: 30 тысяч человек рядового и командного состава, тысячи ручных и станковых

17. Танкисты и артиллеристы из состава сводного отряда Быкова перемещают 76-мм пушку Ф-22 образца 1936 года. Район реки Халхин-Гол, май 1939 года (АВЛ).

17. Tankers and gunners of the Bykov combined detachment are moving a F-22 76-mm gun vinture 1936. The Halha region, May 1939.

18. Старший лейтенант Д.Г. Можайский ставит боевую задачу пулеметчику А.П. Додину. На заднем плане легкий броневомобиль ФАИ из состава 7-й мотобригады Красной Армии. Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

18. First lieutenant D.G. Mojaisky is setting a machine gunner A.P. Dodin a combat task. In the background there is a FAI light armoured car of the Red Army the 7th motorized brigade. The Halha, June 1939.

19. М. Сви́рин - командир танка БТ-7 (с конической башней) у своей боевой машины в перерывах между боями. 11-я танковая бригада. Район реки Халхин-Гол, июнь 1939 года (АВЛ).

19. BT-7 (with a conical turret) tank commander stands close to his fighting vehicle between the combat breathers. The 11th tank brigade, the Halha region, June 1939.

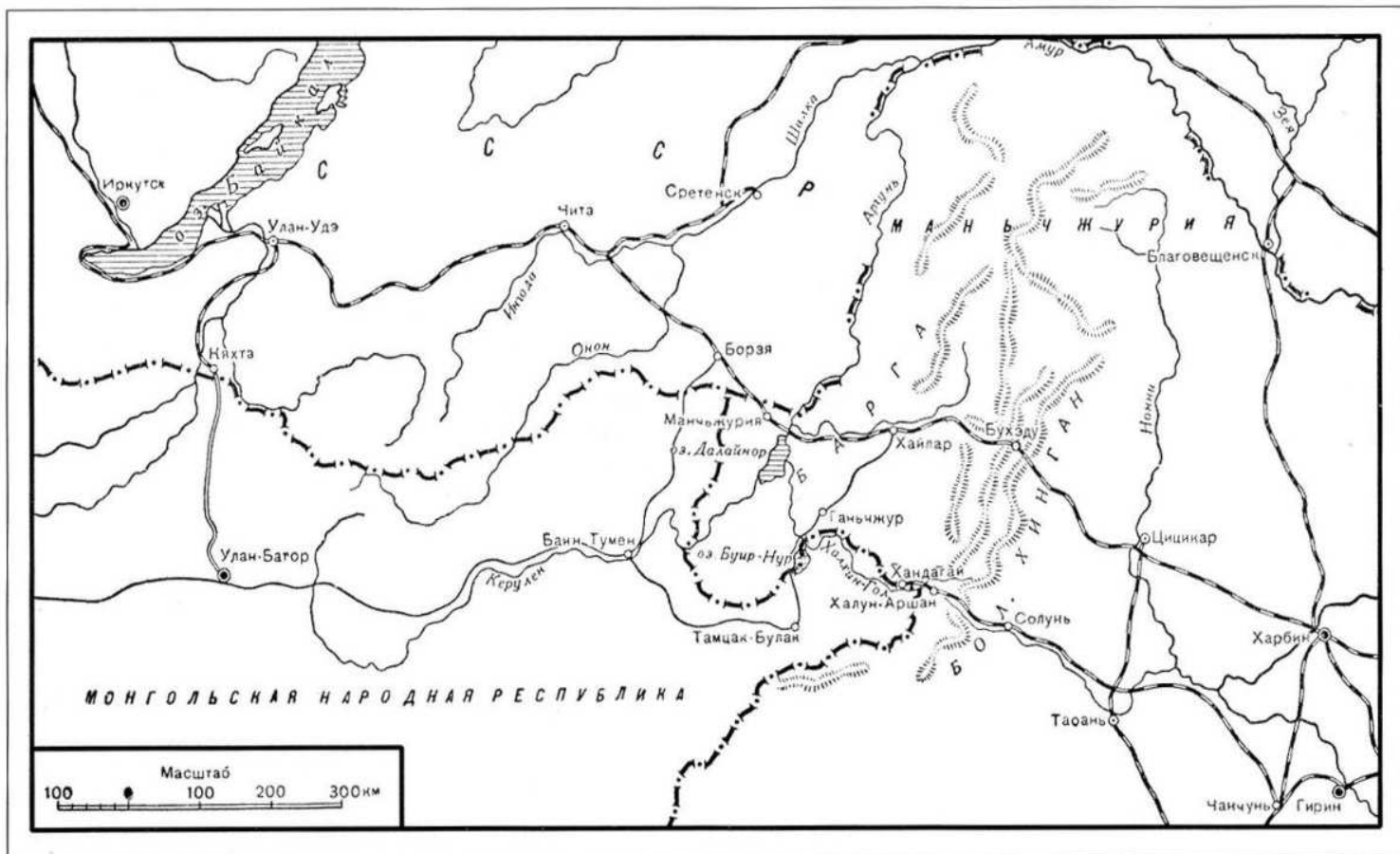
пулеметов, сотни орудий, 280 бронемашин и 265 танков. Подвижность группировки обеспечивали 5 тысяч автомашин всех типов. На аэродромах и посадочных площадках было сосредоточено 107 самолетов различных типов.

В монгольской столице Улан-Баторе был сформирован штаб корпуса советских войск, получившего наименование 57-го особого. Перед началом конфликта дислокация советских частей на территории МНР была следующей.

В Сайн-Шанда, расположенном на старинном тракте Калган - Улан-Батор, были расквартированы полки 36-й мотострелковой дивизии, в Ундурхане дислоцировались 9-я мотоброневая (согласно штату имевшая 80 броневомобилей БА-6, БА-10) и 11-я танковая (до 278 танков Т-37А, БТ-5, БТ-7 и ОТ-26) бригады, в Баин-Тумене - 8-я, в Дзамин-Удэ - 7-я

мотоброневая бригады (по 80 броневомобилей в каждой). Каждая мотоброневая бригада имела в своем составе один броневомобильный, один разведывательный батальоны, 2 стрелково-пулеметных батальона и артиллерийский дивизион. Танковый батальон 36-й мотострелковой дивизии согласно штату состоял из 3 рот, управления и подразделений обеспечения. Линейная танковая рота состояла из 3 взводов по 5 танков в каждом. Всего в батальоне насчитывалось 50 танков Т-26⁴. Южную границу Тамцзяк-Булакского выступа в районе Югодзырь прикрывала 6-я кавалерийская бригада РККА. Расстояние от этих пунктов до Халхин-Гола измерялось сотнями километров, которые нужно было в случае необходимости пройти по безводной пустынной степи без дорог и ориентиров.

ХАРАКТЕРИСТИКА РАЙОНА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Карта театра военных действий.
The Theater of War Map.

На характер боевых действий оказывали большое влияние особенности местности, на которой развернулись боевые столкновения между советско-монгольскими войсками и японцами.

Бои наземных войск проходили на территории, ограниченной с востока государственной границей Монгольской Народной Республики с Маньчжурией, с запада - рекой Халхин-Гол. Глубина этого пространства достигала 20 км, ширина по фронту 60-70 км.

Местность к востоку от реки Халхин-Гол покрыта песчаными буграми, барханами и изрезана котловинами, лощинами, ямами до 40 м глубиной. Высота барханов достигала 40-50 м. Многочисленные песчаные бугры и ямы чрезвычайно затрудняли ориентирование и способствовали скрытному расположению огневых точек. Действия танков и бронемашин на отдельных участках были весьма затруднительны, а транспортных колесных машин - почти невозможны.

Приток Халхин-Гола - река Хайластын-Гол - делила весь этот район на два участка: северный и южный.

Река Хайластын-Гол имела ширину 3-4 м и глубину до 2 м. Долина ее достигала в ширину 1500 м и была сильно заболочена. Скатy долины песчаные, крутизна их 15-30°, а в отдельных местах 45°. Эта речка неизбежно разделяла действующие здесь войска на две группировки и чрезвычайно затрудняла маневр, в особенности танков и артиллерии.

Река Халхин-Гол протекала вдоль всего района параллельно фронту. Ширина реки достигала 120-130 м, глубина 2 м, а местами и глубже. Скорость течения 0,8 м/сек. Долина реки представляла собой глубокую впадину шириной 1-3 км, на некоторых участках сильно заболоченную.

Северо-восточные берега долины имели крутизну 25-30°; крутизна западных берегов достигала местами 75°.

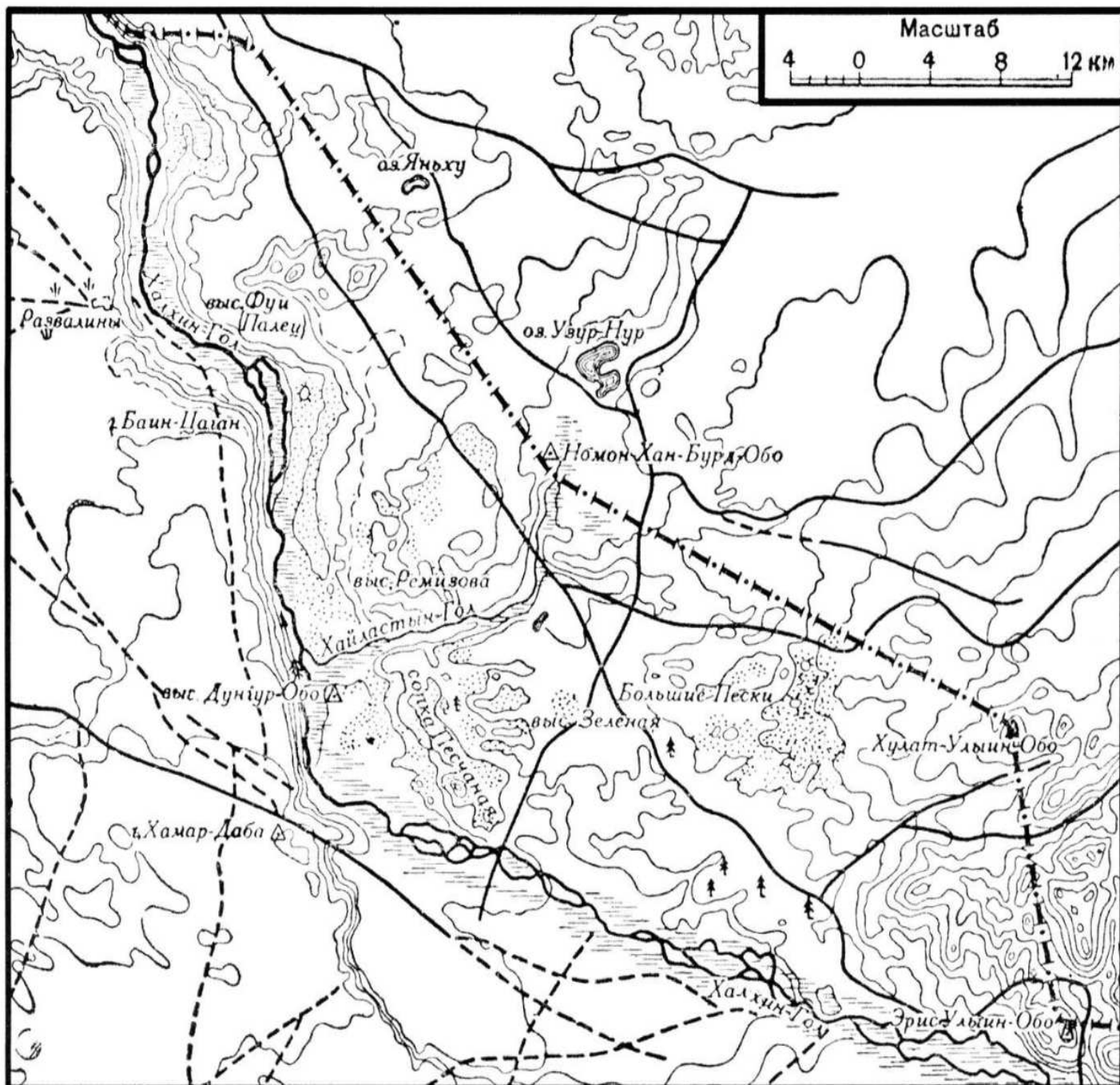
Местность к западу от реки Халхин-Гол - плоская песчаная равнина, лишенная естественных масок и укрытий.

Восточный берег Халхин-Гола доминировал над западным, и поэтому японские войска не без основания пытались овладеть им.

К району боевых действий со стороны Маньчжурии подходили 2 железные дороги. Одна (бывшая КВЖД) проходила в 125 км от указанного района, другая, вновь строившаяся, вела из Солуни на Ганьчжур. Ближайшая станция второй железной дороги - Хандагай - находилась в 60 км от района боев.

Кроме того, к границе Монгольской Народной Республики из Хайлара подходили две грунтовые дороги, которыми противник также пользовался для переброски войск и устройства тыла.

Район, избранный японскими захватчиками для нападения, был крайне неблагоприятен для советско-монгольских войск. Он отстоял от ближайшей советской железнодорожной станции Борзя на 750 км и не имел ни жилищ, ни сколько-нибудь удовлетворительных источников воды. Открытая, плоская и пустынная местность к

Карта района боевых действий.
The Combat Operations Region Map.

западу от Халхин-Гола затрудняла ориентирование войск при передвижениях и к тому же была открыта для наблюдения с песчаных бугров восточного берега реки.

Войска Монгольской Народно-революционной армии плохо знали местность. Они не имели даже карт. Японцы же успели произвести съемки и имели неплохие карты масштаба 1:100 000.

Таким образом, развертывая боевые действия на восточной границе самого удаленного участка территории Монгольской Народной Республики, японское командование рассчитывало и на естественные условия театра военных действий, которые были весьма благоприятны для них и неблагоприятны для советско-монгольских войск.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

(11–31 мая 1939 года)

С 11 мая к востоку от реки Халхин-Гол начались стычки разведывательного характера, продолжавшиеся до 26 мая.

11 мая на монгольский пограничный пост на спорном участке совершил налет отряд японо-маньчжурской (баргутской) кавалерии численностью до 300 человек, поддержанный 5-7 бронемашинами. Нападение было совершено при поддержке авиации. В результате нападавшие сбили у Номон-Хан-Бурд-Обо пограничную заставу в 20 конных бойцов-цириков и вышли к восточному берегу реки Халхин-Гол.

Подобное нападение на монгольскую пограничную заставу западнее Дунгур-Обо повторилось 14 мая. Только на сей раз со стороны японцев начала действовать авиация, которая совершенно беспрепятственно сбросила на расположение заставы 52 бомбы.

С этого дня развернулись активные боевые действия японской авиации, проводившей разведывательные полеты и бомбометание. Монгольские пограничные заставы и посты подвергались пулеметному обстрелу с воздуха. Командование Квантунской армии стремилось

заранее подготовить своих летчиков к действиям в районе военного конфликта, ознакомить их с местностью. Во главе японской авиации стоял опытный ас Моримото, успешно действовавший в китайском небе. Под его командованием наносились многократные удары по военным аэродромам на монгольской территории.

После такой разведки сил Монгольской Народно-революционной армии в восточной части страны японцы совершили настоящее

20. Группа советских командиров из состава 57-го особого корпуса осматривает местность. На заднем плане броневедомо-мобиль БА-20 с поручне-вой антенной. Район реки Халхин-Гол, июнь 1939 года (АВЛ).

20. The group of the soviet commanders of the 57th separate corps is observing locality. In the background there is a BA-20 armoured car with a grab antenna. The Halha region, June 1939.

21. Пулеметчики 6-й кавдивизии Монгольской Народно-революционной армии ведут огонь по наступающим японским войскам из пулемета ДТ. Конец мая 1939 года (АВЛ).

21. The Mongolian People's Revolutionary Army the 6th cavalry division machine gunners are firing on the advancing Japanese forces. Late May 1939.

22. Танкисты 11-й танковой бригады на отдыхе. На заднем плане танк БТ-7 (с цилиндрической башней). Район реки Халхин-Гол, июнь 1939 года (АВЛ).

22. The 11th tank brigade tankers are having a rest. In the background there is a BT-7 tank with a cylindrical turret. The Halha river region, June 1939.

23. 122-мм гаубица образца 1910/1930 годов ведет стрельбу по позициям японских войск. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

23. A 122-mm howitzer vinture 1910/1930 crew is firing on the Japanese forces positions. The Halha region, July 1939.

24. На концерте. Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

24. At the concert. The Halha river, July 1939.

вторжение на сопредельную территорию, у которого была своя предыстория. Еще в марте 1939 года японский Генеральный штаб направил в штаб Квантунской армии своих офицеров Тэрада и Хаттори из оперативного управления для планирования предстоящей операции (речь шла о районе реки Халхин-Гол).

В апреле командующий Квантунской армией генерал К. Уэда отдал приказ № 1488 о действиях войск в пограничной зоне – так называемые "Принципы разрешения пограничных конфликтов между Маньчжоу-Го и СССР". Выполнение его неизбежно вело к сознательному нарушению японскими и маньчжурскими военнотружущими (речь, естественно, шла не об отдельных лицах) советской и монгольской

границ. Более того, подобные действия поощрялись.

Согласно этому приказу, командиры воинских частей и даже их подразделений Квантунской армии должны были сами (!) "в случаях, если граница не ясна" (четвертый параграф "Принципов") определять в местах своей дислокации, где проходит государственная граница. При этом командирам всех степеней давалось право атаковать любого противника, который якобы нарушил границу Маньчжоу-Го. Одновременно в приказе генерала К. Уэды командирам приграничных частей было рекомендовано "избегать ненужных конфликтов".

Появление приказа № 1488 сразу же вызвало всплеск нарушений границ Советского Союза и МНР японскими военнослужащими, которые при соприкосновении с пограничниками сопределной стороны на "законном" основании пускали в ход оружие. Теперь многие нарушения советской границы выливались в вооруженные схватки. В приграничной полосе стали звучать не только винтовочные выстрелы, но и пулеметные очереди, и взрывы ручных гранат. Подобные действия японским вышестоящим командованием не только не пресекались, но даже поощрялись.

Командование Квантунской армии заранее продумало и обустроило театр предстоящих боевых действий на восточных границах Монголии. Строились новые казарменные и складские помещения. Спешно достраивалась

железная дорога из Солуни на Халун-Аршан и далее на Ганьчжур. Новая железная дорога велась через Большой Хинган, а затем шла параллельно монгольско-маньчжурской границе. Эти пути позволяли осуществлять быструю переброску войск к границам МНР и советского Забайкалья.

После нападений с земли и с воздуха на монгольские пограничные заставы японский генерал-лейтенант Мититаро Камацубара, командир 23-й пехотной дивизии, 21 мая отдал подчиненным частям приказ "уничтожить войска Внешней Монголии в районе Номонхана", то есть в районе реки Халхин-Гол. Выполнение этого приказа японские войска начали в ночь на 28 мая. Речь шла уже не о рядовом нападении на монгольскую пограничную заставу.

В апреле на участке государственной границы в районе реки Халхин-Гол было относительно спокойно. В мае здесь произошло несколько стычек; среди монгольских пограничников имелись убитые. 14 мая 2 кавалерийских эскадрона японо-маньчжур вышли к берегу Халхин-Гола, оттеснив пограничников. На следующий день 5 японских бомбардировщиков нанесли удар по 7-й погранзаставе, разрушив ее постройки. Три цурика (монгольские солдаты. - Прим. авт.) были убиты, а 25 человек получили ранения.

Получив приказание командования из Улан-Батора, части 6-й кавалерийской дивизии (2 полка, сводный кавалерийский дивизион, артиллерийский

25. Пехота из состава 149-го стрелкового полка 36-й мотострелковой дивизии перед началом контратаки на японские позиции. Район реки Халхин-Гол, конец мая 1939 года (АВЛ).

25. The 36th motorized rifle division the 149th rifle regiment infantrymen before the beginning of a counter-offensive operation on the Japanese positions. The Halha region, late May 1939.

26. Маршал Х. Чойбалсан среди воинов 6-й кавалерийской дивизии. Слева командир дивизии полковник Л. Дандар, справа комиссар дивизии полковой комиссар Э. Пэлжэ. Июль 1939 года (АВЛ).

26. Marshal H. Choibalsan among the 6th cavalry division soldiers. To the left is division commander colonel L. Dandar, to the right is division regiment commissar E. Pelje. July 1939.

27. Советские и монгольские солдаты на выступлении Ансамбля песни и пляски Красной Армии. Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

27. The Soviet and Mongolian soldiers presented at the Red Army ensemble performance of song and dance. The Halha region, July 1939.

28. Спешенные солдаты 6-й кавдивизии монгольских войск на политзанятиях. Район реки Халхин-Гол, конец мая 1939 года (АВЛ).

28. The Mongolian forces the 6th cavalry division dismounted soldiers attended at political studies. The Halha region, late May 1939.

дивизион) выступили к горе Хамар-Даба. Вместе с монгольскими конниками к границе ушел и взвод разведки советских войск.

О последних событиях на монгольской государственной границе у реки Халхин-Гол было доложено и в Москву. 19 мая посла Японии господина Того пригласили на прием к Народному комиссару иностранных дел В.М. Молотову, который от имени Советского правительства сделал официальное заявление:

"Я должен предупредить, что всякому терпению есть предел, и прошу посла передать японскому правительству, чтобы больше этого не было. Так будет лучше в интересах самого же японского правительства... Имеется бесспорный факт, что японо-маньчжурские части нарушили границу МНР и открыли военные действия, что это нападение на территорию МНР совершили японо-маньчжурские войска и самолеты. Мы с этим мириться не будем. Нельзя испытывать терпение монгольского правительства и думать, что это будет проходить безнаказанно. Мое заявление находится в полном соответствии с Пактом о взаимопомощи между СССР и МНР"⁵.

Посла Того сообщил в Токио о состоявшемся в здании на Кузнецком мосту приеме и о всей серьезности дипломатической ситуации. Однако японское правительство не воспротивилось действиям командования Квантунской армии.

Советско-монгольские войска к этому времени для прикрытия границы выдвинули 6-ю кавалерийскую дивизию Монгольской Народно-революционной армии в составе 15, 17-го кавалерийских полков и сводного кавалерийского эскадрона, а также стрелково-пулеметный батальон 11-й танковой бригады, усиленный ротой бронемашин, саперной ротой и 76-мм батареями на механической тяге.

Части и подразделения, выделенные из 11-й танковой бригады, объединились под общим командованием командира стрелково-пулеметного батальона Быкова, по фамилии которого и назывался весь отряд.

По приказу командира 57-го особого корпуса командир сводного отряда старший лейтенант

Быков выслал на восточный берег Халхин-Гола взвод разведки, который был 22 мая обстрелян японцами. Тогда монгольские части 6-й кавалерийской дивизии и советский сводный отряд, переправившись через реку, к 28 мая

29. Танк БТ-7 (с цилиндрической башней) меняет место дислокации. По периметру башни находятся сплошная и прерывистая красные полосы, что означает принадлежность танка к 1-му взводу 1-й роты 11-й танковой бригады. Однако такая система опознавания была официально отменена в 1938 году. Назначение вертикальных белых полос на башне неизвестно. Район реки Халхин-Гол, июнь 1939 года (АВЛ).

29. A BT-7 tank (with a cylindrical turret) is changing its location site. There are continuous and broken red stripes along the turret perimeter that means the tank is organic to the 1st platoon of the 11th tank brigade 1st company. However, in 1938 this recognition system was officially abolished. The purpose of turret vertical white stripes isn't known. The Halha region, July 1939.

заняли оборонительную позицию в 10 километрах от государственной границы Монголии на ее Тамцак-Булакском выступе.

К 27 мая у государственной границы Монгольской Народной Республики в районе Номон-Хан-Бурд-Обо японцы сосредоточили уже значительную группу из состава 23-й пехотной дивизии и баргутской конницы под общим командованием командира 64-го пехотного полка 23-й пехотной дивизии Ямагато.

В группу входили: часть 64-го пехотного полка, разведывательный отряд 23-й дивизии под командованием подполковника Адзума, моторизованная рота под командованием капитана Ковано, 8-й кавалерийский полк и подразделения 1-го и 7-го кавалерийских полков баргутской конницы.

Советско-монгольские части расположились по обе стороны реки Хайластын-Гол: на правом фланге - 3-я рота стрелково-пулеметного батальона 11-й танковой бригады; в центре, в 8-9 км юго-западнее, западнее и северо-западнее Номон-Хан-Бурд-Обо, - сводный кавалерийский эскадрон, 17-й и 15-й полки 6-й кавалерийской дивизии; на левом фланге, в 8-9 км северо-западнее Номон-Хан-Бурд-Обо, - 2-я рота стрелково-пулеметного батальона 11-й танковой бригады. Части были вытянуты по фронту на 16-20 км.

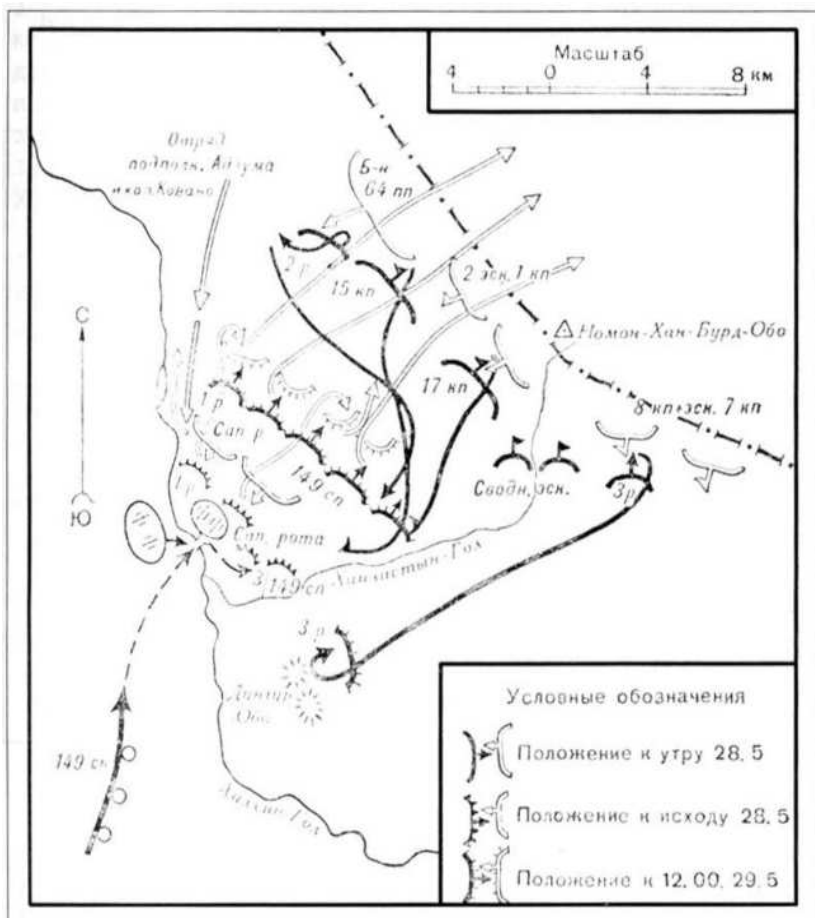
1-я рота пулеметно-стрелкового батальона, саперная рота, 76-мм батарея, а также артиллерийский дивизион 6-й кавалерийской дивизии Монгольской Народно-революционной армии находились на западном берегу Халхин-Гола, около переправы.

Получив дополнительные сведения о сосредоточении японских войск на сопредельной стороне, штаб 57-го особого корпуса принял меры по усилению прикрытия государственной границы МНР в районе Тамцак-Булакского выступа. По тревоге была поднята 9-я мотоброневая бригада, которая походом

30. Расчет 120-мм полкового миномета образца 1938 года ведет огонь по японским войскам. Район реки Халхин-Гол, май 1939 года (АВЛ).

30. A 120-mm regimental mortar crew 1938 is firing on the Japanese forces. The Halha region, May 1939.

маршем прибыла в город Тамцак-Булак. Ее передовые подразделения подошли в район боев к исходу дня 29 мая. Бригада прошла 700 километров пути по степи за 13 дней, что для броневой техники того времени было хорошим показателем. 17 мая из Улан-Батора вышла колонна машин 149-го стрелкового полка 36-й мотострелковой дивизии. Мотострелки проделали путь в 1060 километров за 11 дней.

Противник превосходил наши части по количеству штыков в 2,5 раза, в саблях - в 3,5 раза, по количеству орудий ПТО почти в 2 раза и по пулеметам в 1,3 раза; советско-монгольские войска имели превосходство над противником по орудиям полкового и дивизионного типа в 1,5 раза, по бронемашинам - в 5-6 раз.

Боевые действия в районе реки Халхин-Гол 28-29 мая 1939 года.

The Combat Operations in the Halha Region 28-29 May 1939.

31. Экипаж танка БТ-7 (с конической башней) в перерывах между боями. Халхин-Гол, июнь 1939 года (АВЛ).

31. A BT-7 tank (with a conical turret) crew is taking a breather between battles. The Halha, June 1939.

СООТНОШЕНИЕ СИЛ МЕЖДУ СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКИМИ И ЯПОНСКИМИ ВОЙСКАМИ (27 мая 1939 года)

Стороны	Штыков	Сабель	Орудий калибра 75-мм и выше	Орудий ПТО	Пулеметов	Танков	Бронемашин
Советско-монгольская	Около 11000	Около 1000	86	23	152	186	266
Японская	Около 20000	Около 4700	170	98	164	130	6

На рассвете 28 мая японцы перешли в наступление, имея целью окружить и уничтожить советско-монгольские части, выдвинутые на восточный берег Халхин-Гола. В то же время японская авиация (до 40 самолетов) стала сбрасывать бомбы на переправу, тылы и расположение советско-монгольских войск.

Главный удар противник наносил своим правым флангом. Одновременно баргутская конница, наступая по южному берегу Хайластын-Гола с юго-востока, должна была содействовать окружению.

На разведывательный отряд подполковника Адзума и моторизованную роту капитана Ковано была возложена задача обойти левый фланг советско-монгольских частей, выйти им в тыл на переправу через Халхин-Гол и отрезать пути отхода.

Весь день 28 мая бои носили исключительно упорный характер. Стоявшие в центре полки монгольской кавалерии не выдержали удара превосходящих сил японцев и баргутов и стали отходить. 15-й кавалерийский полк отошел к своему командному пункту, второй - к берегу речки Хайластын-Гол. В такой ситуации пришлось отходить и ротам сводного отряда старшего лейтенанта Быкова. Одна из рот была развернута фронтом на север, другой роте пришлось отбивать наскоки баргутской конницы силой в один полк.

Под вечер советско-монгольские войска отошли к линии песчаных холмов в 2-3 километрах от устья Хайластын-Гола (то есть реки Халхин-Гол) и стали закрепляться на этой позиции, рыть окопы. 2-я рота отряда Быкова отошла к высоте Дунгур-Обо, отстоявшей от берега Халхин-Гола на 4 км, и закрепились на ней.

Японцы так и не смогли окружить советские войска. Когда они на машинах попытались вдоль

восточного берега Халхин-Гола выйти к переправе, то попали под огонь 76-мм артиллерийской батареи старшего лейтенанта Ю.Б. Бахтина. Его орудийные расчеты находились на правом берегу, но при виде подходившей к переправе колонны вражеских машин с пехотой Бахтин по своей инициативе переправил орудия на противоположный берег. Орудийные расчеты повели огонь прямой наводкой. В бой у переправы вступила саперная рота и 1-я мотострелковая рота.

Батарея старшего лейтенанта Бахтина стреляла метко: были подбиты машина подполковника Адзума и две бронемашинны, охранявшие его штаб. Советские бойцы провели в ходе боя у переправы несколько контратак и японский обходной отряд был разгромлен.

Однако в центре позиций противнику удалось отбросить 17-й кавалерийский полк на южный берег реки Хайластын-Гол.

Среди захваченных трофеев наиболее ценным оказалось содержимое машины подполковника Адзума. Это была топографическая карта района боевых действий на Халхин-Голе с четко обозначенной государственной границей Монголии и Маньчжоу-Го и боевой обстановкой, расположением японских войск. Штабная карта свидетельствовала о том, что бои велись на монгольской территории. На Токийском процессе в январе 1948 года трофейная карта стала неопровержимым документальным свидетельством японской агрессии против Монгольской Народной Республики.

К 19 часам 28 мая к району боевых действий стали прибывать подразделения 149-го стрелкового полка, перебрасываемого из Тамцак-Булака на автомашинах. Подразделения полка сразу же вводились в бой по частям без достаточно организованного взаимодействия с артиллерией, и поэтому в этот день на ход боя они не оказали

32. Японские грузовики движутся на Хандагай. На переднем плане грузовик "Исудзу" Тип 94. 26 июня 1939 года. Район реки Халхин-Гол (АВЛ).

32. Struggling to get from Arshaan to Handagai, 26 June 1939.

33. Советский огнеметный танк ОТ-26 (ХТ-26), подбитый японскими войсками. Взвод таких танков был в 11-й танковой бригаде. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

33. A Soviet flamethrowing tank OT-26 knocked out across the Halha. A dead crewman lies in the left foreground. The Halha, July 1939.

34. Средний танк Тип 89 "Ко" из состава 3-го танкового полка. Машина имеет трехцветный камуфляж с черными или темно-коричневыми разделительными линиями Халхин-Гол, июнь 1939 года (АВЛ). Надпись на борту (слева направо): "Патриотизм", 7-й тактический номер, название города, на средства которого был построен танк – "Фукуока". Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

34. Type 89 "Ko" tank in use by 4th Yoshimaru Regiment. Marking: "Aikoku" ("Patriotism") 7 ("Fukuoka"). The Halha region, June 1939.

существенного влияния. Бой продолжался всю ночь до утра 29 мая без решительных результатов. Однако огонь нашей артиллерии нанес противнику большие потери.

Утром 29 мая советско-монгольские части, поддержанные двумя дивизионами артиллерии, перешли в наступление и к 16 часам отбросили противника на 1,5-2 км к северо-востоку.

Схватки 29 мая носили исключительно ожесточенный и упорный характер. Все же советско-монгольские войска, перешедшие в наступление, сумели отбросить неприятеля за пределы государственной границы. Особенно удачным оказался огонь подошедшего дивизиона дальноточных орудий 175-го артиллерийского полка. Отличился орудийный расчет командира отделения Н.З. Попова, подбивший вражеский танк, 2 броневика и 8 автомашин.

Понеся большие потери, японцы решили отойти за государственную границу в район Денден-Сумэ, используя для отхода автомашины, специально подброшенные для этой цели с маньчжурской стороны.

Начальник оперативного отделения штаба 57-го стрелкового корпуса, командовавший группой советско-монгольских войск, выдвинутых на восточный берег реки Халхин-Гол, через наблюдателей получил сведения о движении автоколонны к расположению японских войск. Расценив это как подход свежих резервов противника, он решил отвести наши

войска на западный берег Халхин-Гола. Позднее эта ошибка была исправлена. Однако вследствие плохой разведки в течение 4 дней не было обнаружено, что противник очистил Номон-Хан-Бурд-Обо. Только после 3 июня советско-монгольские части снова заняли первоначальное положение в районе между рекой Халхин-Гол и Номон-Хан-Бурд-Обо, выставив наблюдение непосредственно к границе.

Японцы отошли на исходные позиции, потеряв только убитыми более 400 солдат и офицеров (раненых было гораздо больше), бросив по пути немало военного имущества. Пехота вывозилась на подошедшей колонне грузовых автомашин. Однако их авиация (большинство экипажей имело опыт боевых действий в Китае) не прекращала своих бомбовых налетов, ведя при этом пулеметный обстрел наземных целей.

Среди трофеев оказалось много личных вещей японских офицеров. В полевой сумке одного из них был обнаружен походный дневник с записями о событиях 28 мая у реки Халхин-Гол:

"Противник решительно задумал окружение и уничтожение. Ему было, по-видимому, известно о недостатках связи и нашего тыла, о недостатках боеприпасов и оружия, а также потери... Сегодня в третий раз повторилось наступление. Наши дружественные части (имеется в виду баргутская кавалерия. - Прим. авт.) были разбиты, и их никак нельзя было остановить. От всех сил сводного отряда не осталось и тени".

35. Мотопехота 149-го стрелкового полка наблюдает за развертыванием танков 11-й танковой бригады. Район реки Халхин-Гол, конец мая 1939 года (АВЛ).

35. The 149th rifle regiment motorized infantrymen are observing the 11th Tank Brigade tanks deployment. The Halha region, late May 1939.

36. Замаскированные ветками танки БТ-7 (с коническими башнями) на позициях перед атакой. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

36. Disguised with tree branches BT-7 tanks are on its positions prior to an attack. The Halha region, July 1939.

Однако наряду с героическими действиями частей и подразделений советских войск в управлении боем и ведении разведки обнаружился и ряд недостатков. Войска, выдвинутые на восточный берег реки Халхин-Гол, были вытянуты в тонкую цепочку на фронте 20 км. Резервы (149-й стрелковый полк) были удалены от района боевых действий на расстояние до 125 км и не могли своевременно оказать помощь частям, прикрывавшим границу.

Монгольские кавалерийские части, вместо того чтобы находиться на флангах боевого порядка и вести глубокую разведку, были поставлены в центре между стрелковыми подразделениями. Необеспеченность флангов и отсутствие разведки со стороны советско-монгольских частей позволили японцам совершить маневр в обход и выйти к переправе.

В результате плохо организованной разведки не был также своевременно обнаружен отход противника после боя 29 мая.

Вместе с тем первые боевые столкновения с японцами показали, что сил для отпора врагу у восточной границы Монгольской Народной Республики было сосредоточено недостаточно. Поэтому в течение июня к району боевых действий (в Тамцзяк-Булак) были подтянуты все 11-я танковая бригада, 7, 8-я и 9-я мотоброневаы бригады, 36-я моторизованная стрелковая дивизия (без одного полка), один тяжелый артиллерийский дивизион, свыше 100 самолетов-

истребителей, а также перебрасывалась 8-я кавалерийская дивизия Монгольской Народно-революционной армии⁶.

На границе наступило временное затишье. Советско-монгольские войска занялись устройством полевых оборонительных позиций. На этот раз боевое охранение, которое вело круглосуточное наблюдение за противной стороной, было выставлено прямо на линии государственной границы.

Советский Союз еще раз предупредил Токио о недопущении новых агрессивных действий в отношении дружественной Монголии. Народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов сделал еще одно официальное заявление по поводу дальневосточных событий:

"Кажется, уже пора понять, кому следует, что Советское правительство не будет терпеть никаких провокаций со стороны японо-маньчжурских воинских частей на своих границах. Сейчас надо об этом напомнить и в отношении границ Монгольской Народной Республики. По существующему между СССР и Монгольской Народной Республикой Договору о взаимопомощи мы считаем своей обязанностью оказывать Монгольской Народной Республике должную помощь в охране ее границ. Мы серьезно относимся к таким вещам как Договор о взаимопомощи, который подписан Советским правительством..."⁷.

СРАЖЕНИЕ В ВОЗДУХЕ (июнь 1939 года)

На суше весь июнь боевых столкновений не происходило. Зато в небе шла настоящая воздушная война. Японская авиация, сосредоточенная на аэродромах близ города Хайлара, стремилась завоевать господство в воздухе.

57-й особый корпус имел в своем составе 100-ю авиационную бригаду, состоявшую из 70-го истребительного и 150-го бомбардировочного полков (38 истребителей И-15, И-16; 29 бомбардировщиков СБ). Но силы авиабригады несколько уступали противнику и численно, и по опытности летчиков.

Японская 2-я авиадивизия в начале

конфликта располагалась на аэродромах в Хайларе и имела 25-30 истребителей Тип 96/Тип 97 и 40 бомбардировщиков: тяжелых - I-100 (Fiat BR-20), Тип 97; средних - Тип 96; легких - Тип 94, Тип 97.

Первое боевое столкновение в небе над Монголией произошло 22 мая над горой Хамар-Даба, когда пятерка советских истребителей столкнулась с пятеркой японских самолетов. Стороны потеряли в воздушном бою по одному самолету.

С разрастанием конфликта советскому командованию становится ясно, что для воздушного прикрытия наземных войск сил 100-й

37. Советские летчики в перерывах между боями играют в домино. На заднем плане истребитель И-16 тип 10. Район реки Халхин-Гол, 22-й истребительно-авиационный полк. Июль 1939 года (АВЛ).

37. The soviet pilots are playing dominoes during combat breathers. In the background there is an I-16 type 10 fighter. The Halha region, the 22nd fighting aircraft regiment. July 1939.

38. Советский летчик пьет воду после посадки. 150-й смешанный бомбардировочный авиаполк. Июнь 1939 года (АВЛ).

38. A soviet pilot drinks water after the landing. The 150th mixed bombing aircraft regiment. June 1939.

авиационной бригады явно недостаточно. В тот же день, 22 мая, на полевые аэродромы в районе Баин-Тумена перебрасывается из Забайкальского военного округа 22-й истребительный полк в составе 63 истребителей И-15 и И-16. Через несколько дней в Монголию прибыл 38-й бомбардировочный полк в составе 59 бомбардировщиков СБ.

Начинается настоящая воздушная война, имевшая целью захватить полное господство в монгольском небе. 27 мая советские летчики опять встретились с противником. Над горой Хамар-Дабa 6 советских истребителей вступили в

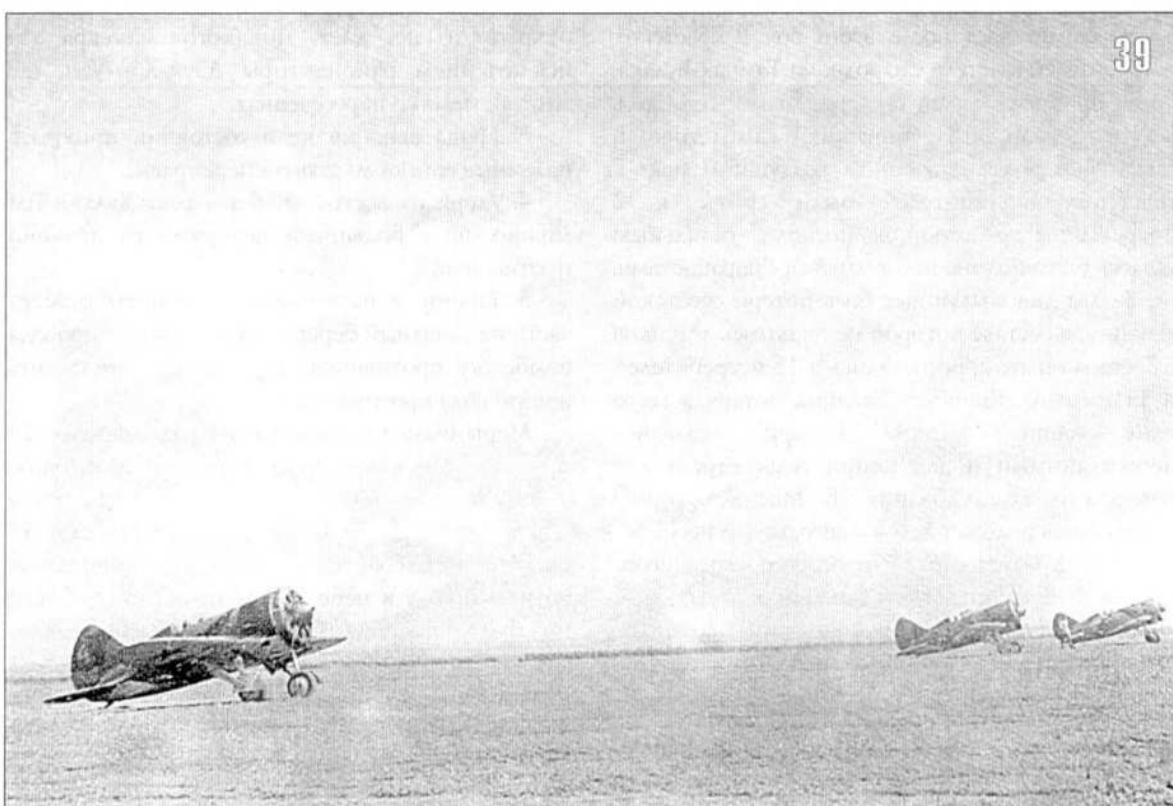
бой с 9 японскими самолетами, потеряв при этом сбитыми 2 самолета.

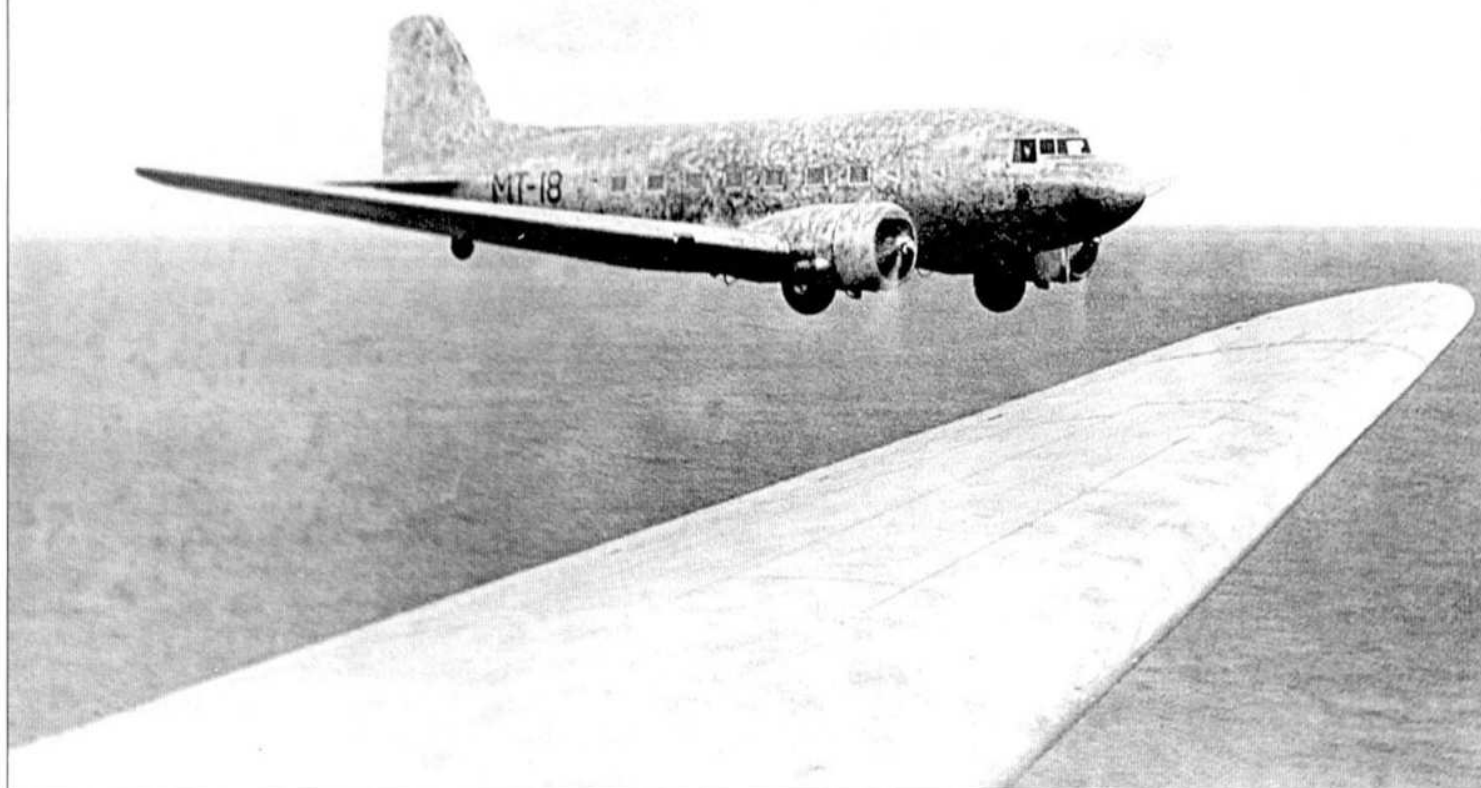
В тот же день у командования 57-го особого корпуса состоялся нелицеприятный разговор по прямому проводу с Наркомом обороны маршалом К.Е. Ворошиловым, который высказал большое неудовольствие Москвы потерями советской авиации.

На следующий день, когда начались бои на земле и японцев активно поддерживала их авиация, на перехват самолетов противника было приказано поднять в воздух 20 советских истребителей. Но из-за неисправностей удалось

39. Истребители И-16 тип 10 перед взлетом на боевое задание. Самолеты камуфлированы, на хвостовом оперении ближайшего И-16 тактический номер "4". Самолеты принадлежат 56-му истребительно-авиационному полку. Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

39. A I-16 type 10 fighters before its take-off for a combat mission. Airplanes are camouflaged, the nearest I-16 has its tactical number "4" on the empennage. The planes are organic to the 56th fighting aircraft regiment. The Halha, July 1939.

взлететь только трем. Все они были сбиты японцами.

Через два часа после этого боя 9 советских истребителей взлетели с аэродрома Тамцзяк-Булака, чтобы прикрыть переправу через Халхин-Гол. Здесь их встретили 18 японских самолетов. В завязавшемся ожесточенном воздушном бою 7 советских истребителей были сбиты и 2 повреждены. 5 летчиков погибли, остальным удалось благополучно приземлиться с парашютами.

За два дня воздушных боев потери советской авиации, в составе которой не оказалось летчиков с боевым опытом, исчислялись в 15 истребителей и 11 пилотов. Японская авиация потеряла всего одну машину. Такие потери оказались неожиданными и для неприятельского, и для советского командования. В Москве всерьез озаботились положением в монгольском небе.

28 мая командир 57-го особого стрелкового корпуса комкор Н.Ф. Фекленко в боевом донесении о ходе боев в районе реки Халхин-Гол доносил начальнику Генерального штаба РККА Б.М. Шапошникову следующее:

"Прошу немедленно дать ответ, так как это связано с планированием боя 29 мая:

1. Авиация противника господствует в воздухе.
2. Западный берег р. Халхин-Гол совершенно открыт и не дает никакого маневра, за исключением района горы Дзук-Хан-Ула, где местность легко пересеченная.
3. Наша авиация не в состоянии прикрыть наземные войска до захвата переправы...
4. Удержать восточный берег реки Халхин-Гол можно, но с большими потерями от авиации противника.
5. Прошу с наступлением темноты отвести части на западный берег и оборонять его, проводя бомбежку противника... (с) задачей уничтожить живую силу противника".

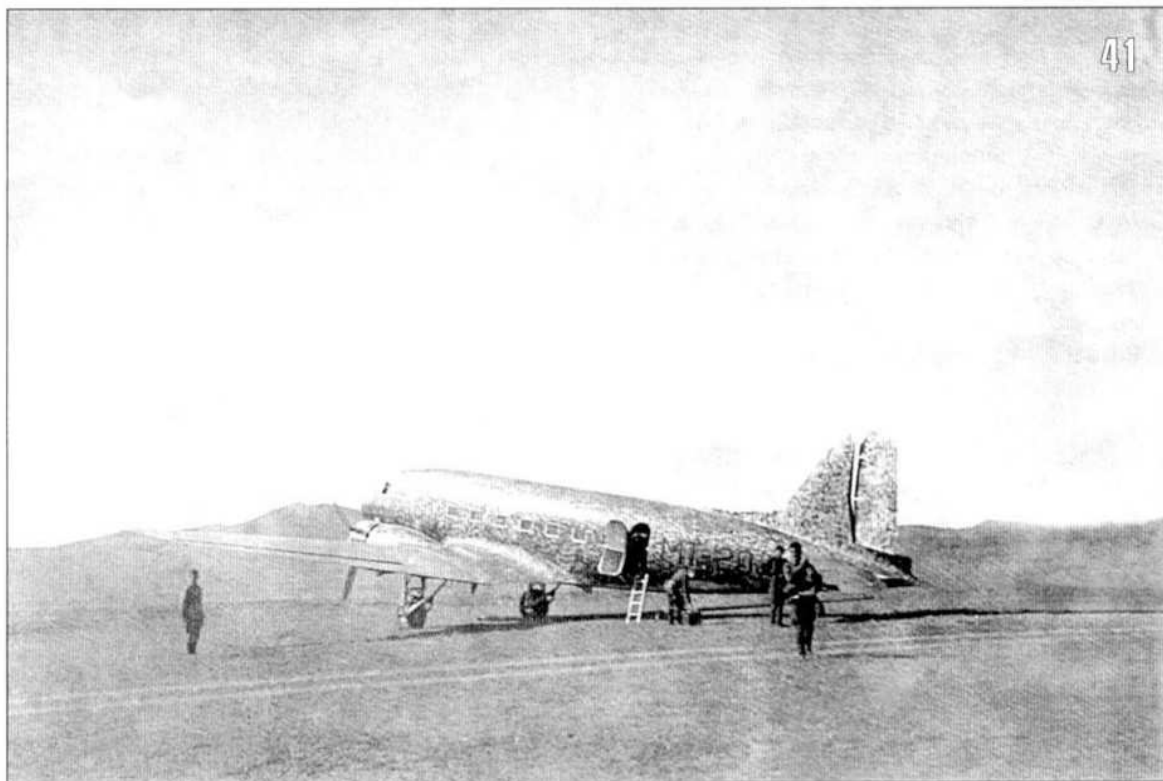
Меры были приняты самые радикальные. 29 мая из Москвы спецрейсом в Монголию вылетели три пассажирских самолета типа "Дуглас". На их борту находилось 48 опытейших советских летчиков, прошедших боевую школу в небе Испании и Китая. Среди них было 22 Героя Советского Союза. Возглавляя группу отечественных асов заместитель командующего Военно-Воздушными Силами РККА комкор Я.В. Смушкевич. Через несколько дней "Дугласы" приземлились на аэродроме Тамцзяк-Булака.

40. Самолет "Дуглас" DC-3 (регистрационный номер "MT-18") в составе группы из трех самолетов направляется к месту сражения на реке Халхин-Гол. Конец мая 1939 года (АВЛ).

40. A DC-3 aircraft ("MT-18" registration number) in the group of 3 planes is flying towards battle sites on the Halha river. Late May 1939.

41,42. Самолет "Дуглас" DC-3 (регистрационный номер "MT-20") на аэродроме вблизи реки Халхин-Гол. Конец мая 1939 года (АВЛ).

41, 42. A DC-3 aircraft ("MT-20" registration number) is on an airfield in the vicinity of the Halha. Late May 1939.

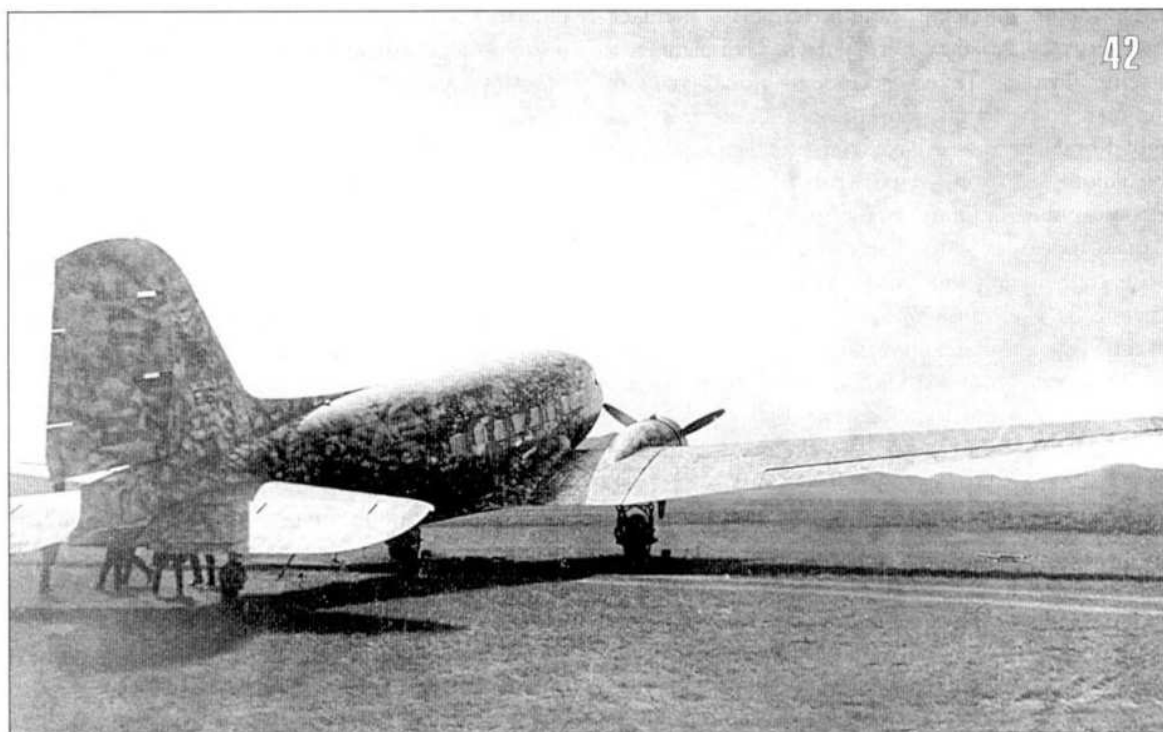

Одновременно увеличивалась численность советской авиации в Монголии. На полевых аэродромах в районе Тамцак-Булака и Халхин-Гола расположилось уже 150 истребителей и 116 бомбардировщиков. Противная сторона имела в районе конфликта 125 истребителей и 140 бомбардировщиков. Теперь воздушные силы сторон стали примерно равными, хотя их наращивание продолжалось.

По приказу Наркома обороны общее руководство авиацией в районе реки Халхин-Гол (72, 22-й и 56-й истребительно-авиационные полки, 150, 38-й и 56-й смешанные бомбардировочные полки) стало осуществляться штабом авиационной группы во главе с комкором Я.В. Смушкевичем.

В двадцатых числах июня в небе над Халхин-Голом начались упорные бои, в которых с каждой стороны участвовали уже по несколько десятков самолетов. 22 июня 105 советских истребителей столкнулись со 120 японскими. Противнику пришлось удалиться в Маньчжоу-Го, потеряв 31 машину. Потери советской авиации в том гигантском воздушном бою составили 14 самолетов, погибли 11 летчиков, в том числе командир 22-го истребительного полка забайкалец майор Н.Г. Глазюкин.

Воздушный бой 22 июня над Халхин-Голом получил громкую известность на Японских островах. Самолетную армаду Страны восходящего солнца возглавлял известный

японский ас Такео Фукуда, чье имя не сходило со страниц мировой прессы во время войны в Китае. Однако в первые минуты воздушного боя в Монголии его сбил летчик-испытатель ВВС Виктор Рахов.

Такео сумел выбраться с парашютом из горящего самолета и приземлиться на монгольской территории. Японский летчик на земле пытался застрелиться, но был взят в плен. Оказавшись в плену, Фукуда Такео попросил показать ему летчика, который так мастерски вел самолет и сбил его. Когда подошел Рахов, японец отвесил ему большой поклон, приветствуя победителя. Впоследствии старший лейтенант В.Г. Рахов стал одним из самых известных асов боев на Халхин-Голе, сбив 8 японских самолетов лично и еще 6 - в группе. За воздушные победы ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Ожесточенные воздушные бои произошли 24 и 26 июня. Соотношение сил было равным - примерно по 50-60 самолетов с каждой стороны. Итогом этих двух воздушных боев стала утрата японцами 25 своих истребителей, которые были сбиты и от которых на монгольской земле остались только обломки.

Командование Квантунской армии, естественно, не могло примириться с кардинально изменившейся ситуацией в воздухе. Генерал-лейтенант Морики, командовавший

императорской авиацией в районе Халхин-Гола, подписал приказ, который гласил:

"Для того, чтобы одним ударом покончить с главными воздушными силами Внешней Монголии (то есть с советской авиацией в МНР. - Прим. авт.), которые ведут себя вызывающе, приказываю внезапным нападением всеми силами уничтожить самолеты противника на аэродромах Тамцзяк-Булака, Баин-Тумена, у озера Байн-Бурду-Нур".

Однако случилось непредвиденное. Среди обломков одного из сбитых в небе Монголии японских самолетов был найден портфель со штабными документами, в числе которых оказалась и копия приказа генерал-лейтенанта Морики. Советское командование приняло соответствующие меры по повышению боевой готовности своей авиации на монгольских "прифронтовых" аэродромах. Но этих мер, как показали дальнейшие события, оказалось недостаточно.

Удар по местам базирования советской авиации оказался хорошо продуманным. Ранним утром 27 июня над аэродромами 22-го истребительного полка забайкальцев в окрестностях Тамцзяк-Булака появилось 23 японских бомбардировщика, которых прикрывало 80 истребителей. Служба воздушного наблюдения и оповещения аэродромов "не сработала", и советские истребители смогли

43. Советские солдаты осматривают обломки разбитого японского самолета. Согласно японским данным в налете на Тамцзяк-Булак принимало участие 12 бомбардировщиков I-100, 11 бомбардировщиков Тип 97 и 80 истребителей 7, 9-го и 12-го авиакрыльев. Район реки Халхин-Гол, 27 июня 1939 года (РГАКФД).

43. The soviet soldiers are examining wreckage of a damaged Japanese fighter. The Halha region, June 1939.

44. Советские летчики катаются на трофейном японском штабном автомобиле повышенной проходимости Тип 95 фирмы "Куроган" (данная машина – первых выпусков). Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

44. The soviet soldiers are driving a captured Japanese staff high maneuverability car. Type 95 "Kurogan" firm (first productions car). The Halha, July 1939.

взлететь уже в ходе вражеского налета. Во время воздушного боя они потеряли 3 машины, тогда как противник лишился 5 самолетов.

Однако соседний 70-й истребительный полк понес значительные потери. Телефонные провода от постов воздушного наблюдения к аэродромам полка оказались перерезанными японскими диверсантами. Поэтому, когда над аэродромами появилось около 70 неприятельских истребителей, советские самолеты понесли серьезные потери – 16 машин. Они сбивались, как правило, при попытке взлететь с земли и вступить в бой, не набрав необходимой высоты. Здесь японская авиация потерь не имела.

Налет на наземные позиции советской авиации оказался последним успехом японских воздушных сил в небе Монголии. Когда 28 июня 15 вражеских бомбардировщиков решили повторить под прикрытием истребителей налет на советские аэродромы со стороны озера Буир-Нур, то получили отпор. Вовремя поднявшаяся в воздух советская авиация не позволила японцам даже приблизиться к своим аэродромам, хотя у противника многие пилоты за время войны в Китае получили право называться асами.

Всего в воздушных боях с 22 по 28 июня японские авиационные силы потеряли 90 самолетов. Потери советской авиации оказались

гораздо меньшими – 38 машин. Японской авиации пришлось очистить монгольское небо.

Необъявленная воздушная война в небе Монголии стала поводом для Москвы сделать первое официальное сообщение о военных событиях на Халхин-Голе. 26 июня 1939 года по советскому радио прозвучали слова: "ТАСС уполномочен заявить..." Новости с берегов Халхин-Гола появились на страницах советских газет.

Японская сторона не делала большого секрета из того, что на границах Внешней Монголии и Маньчжоу-Го уже многие месяцы идут боевые столкновения войск Квантунской армии с советскими и монгольскими частями. Так, в прессе Японии стали регулярно появляться сводки о воздушных боях.

По поводу явно преувеличенных японской стороной своих успехов в воздушной войне американская газета "Нью-Йорк Геральд Трибьюн" писала: "Японцы, очевидно, выпив слишком много местной водки, приняли дрозд на озере Буир-Нур за советские бомбардировщики".

Ожесточенные бои в воздухе с участием сотен самолетов с обеих сторон, понесенные потери, исчисляемые многими десятками крылатых машин, стали своеобразной прелюдией к главным событиям на реке Халхин-Гол. Они не замедлили начаться на суше.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ СИЛ

События на монголо-маньчжурской границе приобретали явно опасный характер. Командир 57-го особого корпуса комкор Н.Ф. Фекленко не отвечал своей должности по причине незнания особенностей боевых действий в условиях степной, пустынной местности. Тогда-то и было решено усилить группировку советских войск в районе пограничного конфликта на Халхин-Голе и направить туда хорошо подготовленного, решительного командира, способного на месте разобраться в сложившейся обстановке. Этот вопрос подняли Нарком обороны маршал К.Е. Ворошилов и начальник Генерального штаба РККА Б.М. Шапошников.

Выбор пал на заместителя командующего Белорусским особым военным округом по кавалерии комдива Георгия Константиновича Жукова, будущего самого прославленного советского полководца в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Такое предложение сделал начальник оперативного отделения Генерального штаба М.В. Захаров, будущий Маршал Советского Союза, который хорошо знал Жукова как незаурядную личность. И.В. Сталин одобрил такое назначение.

Жуков к тому времени уже зарекомендовал

себя как весьма способный, смелый, творческий и нестандартно мыслящий военачальник. Участник I мировой (в которой он стал дважды Георгиевским кавалером) и Гражданской войн успел к тому времени покомандовать 3-м и 6-м кавалерийскими корпусами. В Белорусском особом военном округе он отвечал за боевую подготовку кавалерийских дивизий и отдельных танковых бригад, то есть тех родов войск, которые действовали в районе конфликта на реке Халхин-Гол.

Вскоре после прибытия Г.К. Жукова в район военного конфликта ему было приказано вступить в непосредственное командование сосредоточенными там советскими войсками. Он убедился в том, что командование 57-м отдельным корпусом всей полнотой оперативной обстановки не владеет. Разобравшись на месте с военной обстановкой, Жуков доложил в Москву свои соображения. Он предложил следующий план боевых действий: ведение активной обороны на плацдарме за Халхин-Голом и подготовка сильного контрудара по противостоящей группировке японской Квантунской армии.

Через день из Москвы пришел ответ: руководство Наркомата обороны и Генеральный

45. Полномочный посол СССР в Монголии И.А. Иванов и маршал МНР Х. Чойбалсан на позициях советско-монгольских войск. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

45. The USSR Ambassador Plenipotentiary to Mongolia I.A. Ivanov and marshal H. Choibalsan are on the Soviet-Mongolian forces positions. The Halha region, July 1939.

46. Командир 24-го стрелкового полка Красной Армии полковник И.И. Федюнский. После боев на реке Халхин-Гол ему были присвоены звания Героя СССР и МНР. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

46. The Red Army the 24th rifle regiment commander colonel I.I.Feduninsky. After the Halha battles he was given a rank of the Soviet and Mongolian People's Republic Hero. The Halha region, July 1939.

штаб РККА соглашались с предложениями комдива Г.К. Жукова. Комкор Н.Ф. Фекленко отъезжал в Москву, а Жуков назначался на его место. По Транссибирской железнодорожной магистрали началась переброска советских войск к Улан-Удэ. Оттуда войска входили на территорию Монголии походным порядком.

Было создано объединенное советско-монгольское командование. Монгольскую Народно-революционную армию в нем представлял маршал Монгольской Народной Республики Хорлогийн Чойбалсан.

В качестве командующего фронтовой группой, которой было поручено координировать действия советских войск на Дальнем Востоке и частей Монгольской Народно-революционной армии, из Читы в район реки Халхин-Гол прибыл командарм Г.М. Штерн, один из героев Хасанских событий. Его боевое сотрудничество, как старшего по званию, с Жуковым оказалось на редкость плодотворным.

Комкор Г.К. Жуков (он был назначен специальным приказом Наркома обороны К.Е. Ворошиловым командиром 57-го особого

корпуса вместо Н.Ф. Фекленко) блестяще справился с поставленной задачей. Исходя из того, что противник будет стремиться использовать имеющиеся у него преимущества и попытается уничтожить советско-монгольские войска на восточном берегу Халхин-Гола, Жуков считал целесообразным перейти к активной обороне. Он решил, прочно удерживая позиции на восточном берегу широкой, но мелководной степной реки, подготовить сильный контрудар по противостоящим японским войскам. Но для этого требовалось предварительно усилить группировку советских войск в районе пограничного конфликта.

"Главные трудности были связаны с вопросами материально-технического обеспечения войск, - писал в своих мемуарах "Воспоминания и размышления" маршал Г.К. Жуков. - Нам приходилось подвозить все, что нужно для боя и жизни войск, за 650-700 километров... В преодолении этих трудностей нам хорошо помог Военный совет Забайкальского военного округа и генерал-полковник Штерн со своим аппаратом".

Меры, принятые комкором Г.К. Жуковым, оказались исключительно своевременными. Японцы, со своей стороны, сумели за это же время подтянуть к восточным границам Монголии значительные подкрепления. Все это время их авиация не прекращала своих налетов на сопредельную сторону.

Вместе с Жуковым в Монголию прибыла группа военачальников, в том числе и комбриг М.А. Богданов, который стал начальником корпусного штаба. Непосредственным помощником Жукова по командованию монгольской кавалерией стал корпусной комиссар Ж. Ахагвасурэн.

К началу июля японцы подтянули к району боевых действий следующие войска: всю 23-ю пехотную дивизию в составе 64, 71, 72-го пехотных полков и 23-го кавалерийского полка, 7-ю пехотную дивизию в составе 26-го и части 28-го пехотного полка, 3-й и 4-й танковые полки, Хинганскую кавалерийскую дивизию (4, 5-й и 12-й кавалерийские полки), остатки 1-го и 7-го кавалерийских полков и весь 8-й кавалерийский полк баргутской конницы, 1-й отдельный и 7-й тяжелый артиллерийские полки, до двух дивизионов зенитной артиллерии, несколько батарей малокалиберной и горной артиллерии и свыше 250 самолетов.

Японские танковые полки были объединены в составе механизированной бригады под общим командованием генерал-лейтенанта Ясуоки. 3-м полком средних танков командовал полковник Йошимару, а 4-м полком легких танков командовал полковник Тамада.

3-й танковый полк насчитывал 376 человек личного состава и имел следующую материальную часть: 26 средних танков Тип 89 "Отсу", организованных в 2 линейные роты, 4 новейших средних танка Тип 97 "Чи-ха", 7 легких пулеметных танкеток Тип 94 "ТК" и 4 легких танка Тип 97 "Ке-те".

4-й танковый полк насчитывал 565 офицеров и рядовых (из них 128 человек приходилось на подразделения инженерного обеспечения) и имел в своем составе следующие типы танков: 35 легких Тип 95 "Ха-го", организованных в 3 линейные и одну резервную роты, 8 устаревших средних танков Тип 89 "Ко" и 3 легкие танкетки Тип 94 "ТК".

Советско-монгольские части к этому времени занимали оборону на восточном берегу Халхин-Гола, в 5-6 км восточнее реки.

Здесь были расположены следующие части: южнее реки Хайластын-Гол - стрелково-пулеметный батальон 11-й танковой бригады, севернее - 149-й стрелковый полк (без одного батальона) и 9-я мотоброневая бригада. Левый фланг по западному берегу Халхин-Гола прикрывала 6-я кавалерийская дивизия Монгольской Народно-революционной армии, а на правом фланге в районе горы Хере-Ула

сосредоточивалась 8-я кавалерийская дивизия Монгольской Народно-революционной армии.

Активные действия японской авиации за период с 22 по 27 июня указывали на то, что японцы намереваются повторить наступление в более крупном масштабе. Поэтому наше командование решило: прочно удерживая плацдарм на восточном берегу Халхин-Гола, подготовить сильный контрудар из глубины. С этой целью в ночь на 2 июля из Тамцак-Булака в район озер, 25-30 км западнее горы Хамар-Даба, был переброшен подвижной резерв в составе 11-й танковой бригады, 7-й мотоброневой бригады и 24-го мотострелкового полка.

Противник превосходил нас в пехоте и артиллерии в 2 раза, в коннице и противотанковых орудиях - в 4 раза. Наши войска имели превосходство в танках и бронемашинах более чем в 3 раза.

47. На позициях советских войск. В расположении 149-го стрелкового полка командиры наблюдают за боевой обстановкой. Каски образца 1936 года у командного состава обтянуты камуфлированной тканью. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

47. At the Soviet forces positions. The 149th rifle regiment commander is watching a combat situation. The commanding staff helmets vintage 1936 are covered with camouflaged materials. The Halha region, July 1939.

48. Солдат 6-й кавалерийской дивизии МНР наблюдает за противником. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

48. The 6th cavalry division MPR soldier is watching the enemy. The Halha region, July 1939.

СООТНОШЕНИЕ СИЛ МЕЖДУ СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКИМИ И ЯПОНСКИМИ ВОЙСКАМИ (2 июля 1939 года)

Стороны	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий калибра 75-мм и выше	Орудий ПТО	Танков	Бронемашин
Советско-монгольская	668	260	58	14	6	—	39
Японская	1676	900	75	8	10	1	6-8

49, 50. Танки БТ-7 (с конической башней) из состава 11-й танковой бригады атакуют японские позиции. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

49, 50. BT-7 tanks (with conical turrets) of the 11th tank brigade are attacking the Japanese positions. The Halha region, July 1939.

ПЛАН ИЮЛЬСКОЙ ОПЕРАЦИИ ЯПОНСКОГО КОМАНДОВАНИЯ

В основе плана июльской операции японского командования лежала идея майского наступления, то есть стремление окружить и уничтожить советско-монгольские войска, действовавшие на восточном берегу Халхин-Гола. Главный удар, так же как и в мае, противник намерен был нанести своим правым флангом.

Организационно японская группировка состояла из двух ударных войсковых групп под командованием генералов Ясуоки и Кобаяси.

Общее руководство японской группировкой осуществлял бывший военный атташе Японии в Москве в 1927 году генерал-лейтенант Камацубара. Он считался большим специалистом по

51. Один из командиров рот 24-го мотострелкового полка в перерывах между боями. Военнослужащий носит каску образца 1936 года и имеет снаряжение, характерное для офицеров армии царской России. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

51. One of the 24th rifle regiment company leaders is taking a breather between battles. A military man wears a helmet vintage 1936 and has a commanding staff uniform, which is typical for the tsarist Russia Army officers. The Halha region, July 1939.

неприятельской Красной Армии. В помощники ему были присланы командующие авиацией и артиллерией Квантунской армии. Камацубара был настолько уверен в успехе предстоящей наступательной операции, что в приказе специально оговорил, что его штаб будет двигаться в составе главных сил на гору Баин-Цаган.

К этому времени штабом Квантунской армии был разработан план новой пограничной операции под наименованием "Второй период номонханского инцидента". Он по своему содержанию был идентичен неудачной майской операции: создание сильной ударной группировки на правом фланге в целях окружения и уничтожения войск противника на восточном берегу реки Халхин-Гол. Однако на сей раз задача ставилась гораздо шире.

Под командованием генерал-лейтенанта Камацубары находилась группировка японских войск численностью в 38 тысяч человек. Штаб располагался в Джанджин-Сумэ. Приказ Камацубары № 105 от 15 часов 30 июня 1939 года гласил:

"1. Противник, находящийся в долине реки Халхин-Гол, уже потерял боевой дух и наступил удобный момент для его уничтожения.

2. Соединение своими главными силами форсирует реку Халхин-Гол в целях захвата и уничтожения противника, перешедшего границу".

Для осуществления этого плана ударная группа в составе 71, 72-го и 26-го пехотных полков с приданной артиллерией под общим командованием генерал-майора Кобаяси должна была сосредоточиться в районе к югу от озера Яньху и в ночь на 3 июля перейти в наступление в направлении горы Баин-Цаган. Переправившись через Халхин-Гол у горы Баин-Цаган, группа Кобаяси имела целью нанести удар с северо-востока на юг, чтобы отрезать пути отхода советско-монгольским частям на запад.

26-й пехотный полк, посаженный на автомашины, получил задачу действовать на заходящем фланге ударной группы и не допускать подхода наших резервов, а в случае отхода советско-монгольских войск преследовать их. Переправу и продвижение ударной группы должен был обеспечить 23-й инженерный полк.

Второй группе в составе 64-го пехотного полка, части 28-го пехотного полка, 3-го и 4-го танковых полков, Хинганской кавалерийской дивизии под общим командованием генерал-лейтенанта Ясуоки надлежало:

а) в течение 1 и 2 июля обеспечить фланговый марш и сосредоточение к переправам ударной группы;

б) 3 июля перейти в решительное наступление, охватывая фланги советско-монгольской группировки на восточном берегу Халхин-Гола.

В резерв были выделены один батальон 64-го пехотного полка, 23-й кавалерийский полк и батарея.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РАЙОНЕ ГОРЫ БАИН-ЦАГАН (2-5 июля 1939 года)

Согласно разработанному плану 2 июля японцы перешли в наступление. За день до начала наступательной операции японская авиация прекратила свои полеты. Но это не ввело в заблуждение советские войска на переднем крае, а, наоборот, насторожило их. Под вечер, когда спала дневная жара, японская артиллерия открыла сильный огонь по позициям противника. Имея целью обеспечить сосредоточение и переправу ударной группы генерал-майора Кобаяси, пехотные и танковые части правого фланга группы генерал-лейтенанта Ясуоки начали наступление первыми. Уже вечером 2 июля противник ввел в действие до 80 танков. В завязавшемся бою японцам удалось сбить боевое охранение 149-го стрелкового полка и 9-й мотоброневой бригады и к исходу 2 июля оттеснить на юго-запад левый фланг советско-монгольских частей. При этом части противника вклинились в наш боевой порядок, а танки проникли до наших артиллерийских позиций. Метким огнем прямой наводкой советские артиллеристы отбили танковую атаку японцев. Противник потерял до 30 машин. Из числа экипажей этих машин советские воины

захватили в плен 11 японских танкистов, а остальных уничтожили.

3 июля в 2 часа ударная группа Кобаяси, подойдя скрытно к Халхин-Голу, начала переправу. Закончив ее между 7 и 8 часами, японцы стали быстро продвигаться к горе Баин-Цаган.

Между тем командование советско-монгольских войск, не имея еще сведений о начавшейся у Баин-Цаган переправе японцев, но уже получив данные о переходе в наступление пехоты и танков противника против 149-го стрелкового полка и 9-й мотоброневой бригады, отдало приказ:

- 6-й кавалерийской дивизии Монгольской Народно-революционной армии перейти к "Развалинам" и выдвинуть 15-й кавалерийский полк на восточный берег Халхин-Гола для обеспечения левого фланга 9-й мотоброневой бригады;

- 11-й танковой бригаде выйти в район 6 км юго-западнее "Развалин" и быть готовой нанести фланговый удар с севера по наступающему противнику;

- 7-й мотоброневой бригаде выйти к отметке 752 (12 км северо-западнее горы Хамар-Даба) в целях сковывания противника с фронта.

52, 53. Советские танкисты осматривают брошенный на поле боя японский танк Тип 95 "Ха-го" (маньчжурский вариант) лейтенанта Ито из состава 4-го японского легкого танкового полка полковника Тамады. Район реки Халхин-Гол, 3 июля 1939 года (АВЛ).

52, 53. The soviet tankers are examining an abandoned on the battlefield Japanese Type 95 "Ha-go" tank (manchuria variant) of lieutenant Ito from colonel Tamada's 4th Japanese light tank regiment. The Halha region, 3 July 1939.

24-й мотострелковый полк получил задачу выйти в район озера Хуху-Усу-Нур для нанесения удара с запада.

Таким образом, резерв советско-монгольских войск, сосредоточиваемый для нанесения флангового удара по наступающей группе генерал-лейтенанта Ясуоки, фактически выходил навстречу ударной группе Кобаяси.

Около 5 часов 3 июля 15-й кавалерийский полк подошел к переправам, чтобы переправиться на восточный берег Халхин-Гола, но наткнулся на японцев и вступил с ними в бой. Под давлением превосходящих сил противника он вынужден был отойти на северо-запад.

Переправившись через реку, противник в 8 часов 3 июля занял гору Баин-Цаган и стал продвигаться на юг по западному берегу Халхин-Гола.

Японцы сразу же начали укреплять берег фортификационными сооружениями и сосредоточивать здесь свои главные силы. Саперы строили блиндажи, а пехотинцы рыли одиночные круглые окопы. По крутым склонам на вершину горы втаскивались противотанковые и дивизионные пушки.

Около 9 часов передовые части японцев были атакованы 2-м танковым батальоном, следовавшим в авангарде 11-й танковой бригады, которая двигалась в назначенный ей район.

Положение для оборонявшихся складывалось критическое, но на выручку поспешил заблаговременно созданный Г.К. Жуковым подвижный резерв. Не давая противнику времени на организацию дальнейших наступательных действий, Жуков со всей решительностью, не дожидаясь подхода стрелкового полка сопровождения (мотопехоты), бросил в бой прямо с марша находившуюся в резерве 11-ю танковую бригаду комбрига М.П. Яковлева, которую

поддержал монгольский бронедивизион, оснащенный броневыми автомобилями БА-6 с 45-мм пушками.

Принимая такое рискованное волевое решение, Жуков разошелся во мнениях с командармом Г.М. Штерном. Тот, исходя из положений боевого устава РККА, считал, что танки на укрепленные полевые позиции неприятеля без поддержки пехоты посылать нельзя и требовал дожидаться подхода стрелкового полка сопровождения. Однако Жуков настоял на своем и впоследствии Штерн признал, что в той ситуации принятое решение оказалось единственно возможным.

Получив первый удар и узнав о встречном движении сильной бронетанковой группы советско-монгольских войск, противник решил закрепиться в районе горы Баин-Цаган, используя против наших танков и бронемашин свою противотанковую артиллерию.

Когда командованию советско-монгольских войск стало известно о переправе японцев в районе Баин-Цаган, оно решило немедленно атаковать противника, окружить его и уничтожить. Для этого 2-му батальону 11-й танковой бригады и бронедивизиону 8-й кавалерийской дивизии (18 броневых автомобилей БА-6) приказывалось активными действиями связать противника с фронта и не допустить его продвижения на юг, главным силам 11-й танковой бригады нанести удар с севера, 24-му мотострелковому полку - с северо-запада, 7-й мотобронеbrigade, подходившей позднее, - с юга.

Стремительный удар танкистов, поддержанный огнем всей имеющейся артиллерии, поставленной на прямую наводку, и ударами советской авиации, ошеломил противника. Завязались жаркие воздушные схватки. В отдельные моменты в небе над горой

Баин-Цаган находилось до 300 самолетов воюющих сторон. Японцы, не успевшие после переправы через Халхин-Гол развернуться в организованные боевые порядки, не смогли противостоять дерзкой атаке танковой бригады. Вскоре танкистов поддержали подошедшие батальоны 24-го мотострелкового полка и 7-й мотоброневой бригады, имевшей в своем составе 154 БА-6, БА-10, ФАИ.

Выполняя приказ командования, главные силы 11-й танковой бригады совместно с бронедивизионом 8-й кавалерийской дивизии Монгольской Народно-революционной армии около 11 часов 3 июля развернулись и с хода атаковали японцев: 1-й батальон 11-й танковой бригады, охватывая гору Баин-Цаган с северо-запада, атаковал противника во фланг и в тыл, а 3-й батальон этой бригады и бронедивизион 6-й кавалерийской дивизии (18 БА-6) атаковали с запада, зажав таким образом неприятеля в стальное танковое полукольцо.

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в своих "Воспоминаниях и размышлениях" писал о том бое:

"Бригада наносила удар с северо-запада; один ее танковый батальон, взаимодействуя с броневым дивизионом 8-й монгольской кавалерийской дивизии и дивизионом 185-го тяжелого артиллерийского полка, атаковал противника с юга.

Развернувшаяся танковая бригада в количестве 150 танков, при поддержке 40 самолетов, стремительно ринулась на врага. В головных порядках главных сил бригады двинулся батальон под командованием командира батальона, замечательного воина майора Михайлова, а впереди батальона уже врезался в боевые порядки японцев взвод лейтенанта Кудряшова, исключительно отважного танкиста.

Японцы были ошеломлены стремительным ударом танковой бригады, притихли в своих противотанковых лунках и только через 10 минут открыли артиллерийский огонь по нашим танкам. От огня противника загорелось несколько танков, и это, видимо, как-то подбодрило японцев. Они значительно усилили артиллерийский и пулеметный огонь. На поле боя уже горело до 15 наших танков. Но никакая сила и огонь врага не могли остановить боевого порыва наших славных танкистов.

Было около 12 часов. По нашим подсчетам, с минуты на минуту должен подойти и вступить в бой 24-й мотострелковый полк. Он был крайне необходим для взаимодействия с танковой бригадой, которая без пехоты несла значительные потери. Но, как это иногда случается на войне, 24-й мотополк вышел по ошибке не к озеру Хуху-Усу-Нур, а к "Развалинам".

Развернувшись в боевой порядок, в 13 часов 30 минут — южнее озера Хуху-Усу-Нур 24-й полк

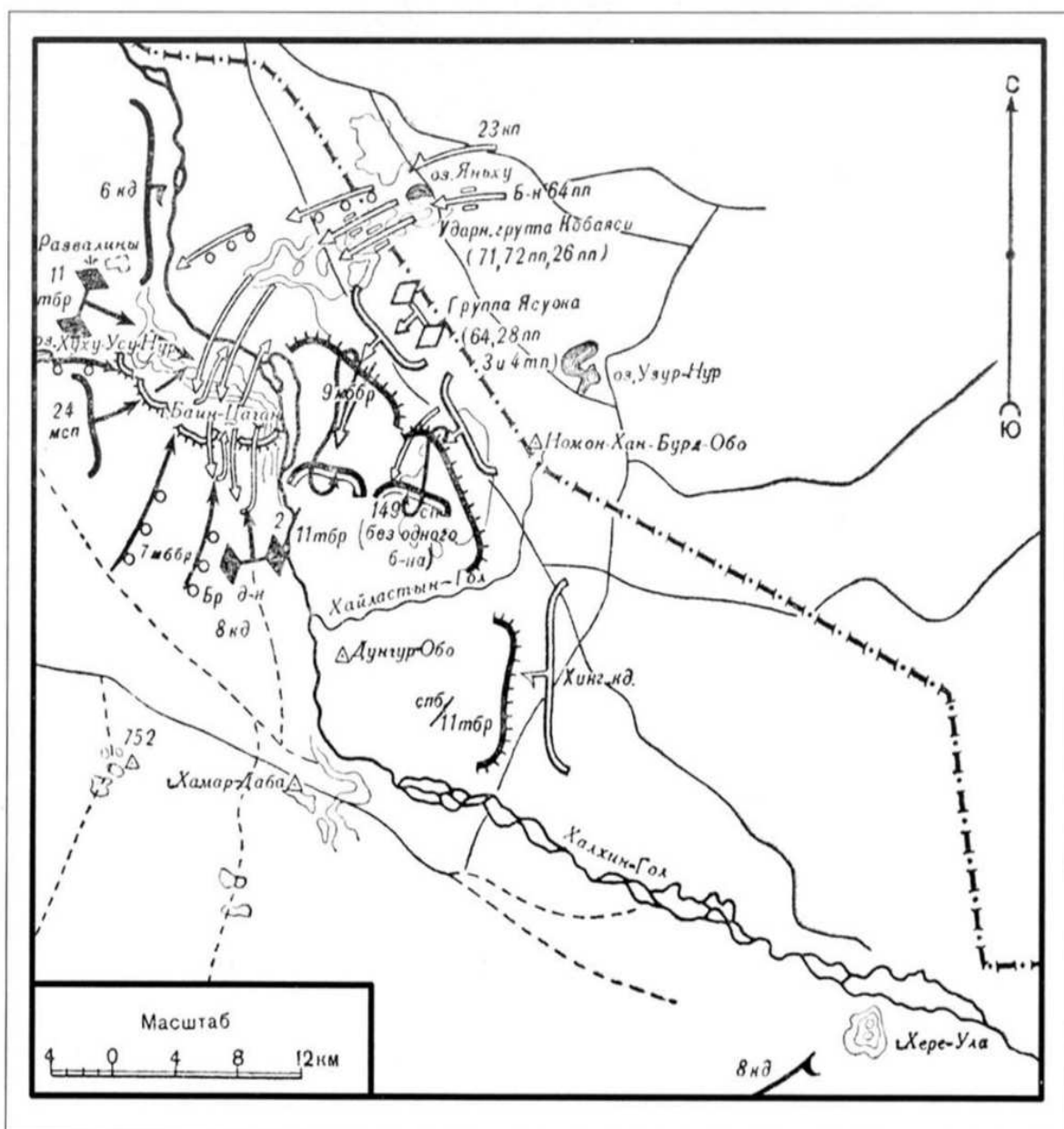
54, 55. Советские танкисты осматривают брошенную японскую военную технику. Район горы Баин-Цаган, 3 июля 1939 года (АВЛ).

54, 55. The soviet tankmen are examining abandoned Japanese military equipment. The Bain-Tsagan mountain region, 3 July 1939.

Ход боевых действий в
районе горы Баин-
Цаган 2-5 июля 1939
года.

The Course of Action in
Bain-Tsagan mountain
Region 2-5 July 1939.

перешел в наступление, нанося удар с запада на восток. Несколько позже вступила в бой 7-я мотоброневая бригада полковника Лесового.

Японцы отбивались от наших атак отчаянно. Но грозная лавина танков, бронемашин и пехоты все дальше и дальше продвигалась вперед, ломая и громя все, что попадало под гусеницы танков, огонь артиллерии, под удар пехоты.

Японцы бросили всю свою авиацию против атакующих наших войск, но ее встретила и атаковала наша авиация. Бой с неослабевающей силой продолжался всю ночь.

Утром, подбросив за ночь свежие силы, японцы попытались перейти в наступление, но эта их попытка была немедленно подавлена⁵⁶.

Японский солдат Накамура так описал в своем походном дневнике бой 3 июля у подножия горы Баин-Цаган:

"Несколько десятков танков напали внезапно на наши части. У нас произошло страшное замешательство, лошади заржали и разбежались, таща за собой передки орудий; автомашины помчались во все стороны. В воздухе было сбито 2 наших самолета. Весь личный состав упал духом. В лексиконе японских солдат все чаще и чаще употребляются слова: "страшно", "печально", "упали духом", "стало жутко"⁵⁷.

Противник оказался окруженным в районе горы Баин-Цаган с северо-запада, запада и юга. С востока протекала река.

Сумев быстро укрепиться на горе Баин-Цаган и организовав противотанковую оборону, японцы оказывали упорное сопротивление. Бой длился весь день 3 июля.

В конце дня, около 19 часов, наши войска предприняли одновременную атаку с трех сторон. Однако противнику удалось отразить ее. Бой продолжался и ночью.

Начавшиеся трехдневные бои за обладание горой Баин-Цаган оказались бескомпромиссными. С обеих сторон в них участвовало до 400 танков и бронемашин, более 800 артиллерийских орудий, сотни самолетов. Особенно отличились 149-й и 24-й стрелковые полки под командованием майора И.М. Ремизова (ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза) и И.И. Федюнинского. Японцы постоянно атаковали, стремясь вернуть себе инициативу в боях, но комкор Г.К. Жуков и начальник штаба 57-го отдельного корпуса комдив М.А. Богданов быстро реагировали на малейшее изменение обстановки на берегах Халхин-Гола.

Поскольку наступавшие японские войска имели заметное численное превосходство, к ночи 3 июля советские войска отошли к Халхин-Голу, сократив свой плацдарм к востоку от ее берега. Однако ударная группировка японцев под командованием генерал-лейтенанта Ясуоки со своей задачей не справилась.

4 июля враг сам пытался перейти в контратаку. В то же время его авиация большими группами

56. Брошенная японскими войсками грузовая автомашина Тип 94 "Исудзу" из состава сводной бронетанковой бригады генерала Ясуоки. Район горы Баин-Цаган, июль 1939 года (АВЛ).

56. An abandoned by Japanese forces Type 94 "Isudzu" ("Isuzu") truck from general Yasuoka's combined armored brigade. The Bain-Tsagan mountain region, July 1939.

57, 58. Осмотр советскими военными специалистами тяжелого штабного автомобиля японской Императорской армии. Район горы Баин-Цаган, июль 1939 года (АВЛ).

57, 58. The soviet military specialists examination of a heavy HQ IJA car. The Bain-Tsagan mountain region, July 1939.

стремилась нанести удар с воздуха, чтобы деморализовать советско-монгольские войска. Но наши летчики преградили путь вражеской авиации и в развернувшемся воздушном бою обратили ее в бегство. Встреченная ураганным

огнем артиллерии контратака противника захлебнулась.

Вечером 4 июля наши части предприняли третью общую атаку по всему фронту. Ожесточенный бой затянулся на всю ночь.

59. Командир Красной Армии осматривает трофейную японскую танкетку Тип 94 "ТК". 3-й средний танковый полк японской армии (под командованием полковника Йошима-ру). Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

59. The Red Army commander is examining a captured Japanese Type 94 "TK" tankette. The 3rd medium tank regiment of IJA (under the command of colonel Yoshimaru). The Halha region, July 1939.

Напрягая последние усилия, японцы стремились во что бы то ни стало удержать в своих руках гору Баин-Цаган.

К вечеру 4 июля японские войска удерживали только вершину Баин-Цаган - узкую полосу местности в 5 километров длиной и 2 километра шириной. На этом участке были сосредоточены все силы японцев, которые переправились на западный берег Халхин-Гола. Бои на Баин-Цаган не утихали весь вечер и всю ночь.

К 3 часам 5 июля сопротивление врага было, наконец, сломлено. Не выдержав натиска советско-монгольских частей, в особенности наших танков, противник в беспорядке устремился на восточный берег Халхин-Гола. Единственный понтонный мост, наведенный японцами для переправы, был ими же преждевременно взорван.

Охваченные паникой японские солдаты и офицеры бросались прямо в воду и тонули на глазах наших танкистов.

Только болотистые берега и глубокое русло Халхин-Гола помешали нашим танкам и бронемашинам переправиться на восточный берег реки. Остатки японцев на западном берегу были уничтожены в рукопашной схватке. В районе горы Баин-Цаган противник потерял тысячи солдат и офицеров, а также огромное количество вооружения и боевой техники. Наши летчики сбили за время боев в районе Баин-Цаган 45 японских самолетов.

Таким образом, японцы, стремясь глубоким маневром в обход окружить и уничтожить

советско-монгольские части, сами попали в окружение, которое закончилось разгромом их главной группировки. Боевые действия советско-монгольских войск в районе Баин-Цаган являются блестящим примером активной обороны наших войск, завершившейся решительным поражением ударной группировки врага. Основную роль в разгроме противника сыграли танки и бронемшины. Опыт боев показал, что эти быстро подвижные средства, сочетая в себе маневренность и ударную силу, могут быть с не меньшим эффектом использованы не только в наступлении, но и в обороне. Необходимыми условиям для этого являются правильная постановка боевых задач, соответствующая боевым свойствам этого оружия, умелое управление бронетанковыми соединениями со стороны общевойсковых и танковых начальников, четкая и правильная организация взаимодействия с другими родами войск.

В результате неординарных боевых решений военачальника Г.К. Жукова японские войска у горы Баин-Цаган оказались наголову разгромленными и к утру 5 июля их сопротивление оказалось сломленным. На горных склонах погибло более 10 тысяч неприятельских солдат и офицеров. Остатки японских войск в беспорядке и панике бежали на противоположный берег реки. Они потеряли почти все свои танки и большую часть артиллерии.

Трехдневные бои на берегах Халхин-Гола японские войска вели под командованием "специалиста по Красной Армии" генерал-

60. Японский штабной легковой автомобиль и танкетка Тип 94 "ТК", брошенные императорскими войсками в ходе беспорядочного отступления. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

60. A Japanese staff car and Type 94 "TK" tankette abandoned by the Imperial Japanese Forces during its disorderly retreat. The Halha region, July 1939.

лейтенанта Мититаро Камацубары. Как уже упоминалось, в свое время он был военным атташе посольства Страны восходящего солнца в Москве. Его "отъезд" с поля боя под Баин-Цаган описывает в своем армейском дневнике старший унтер-офицер его штаба Отани:

"Тихо и осторожно движется машина генерала Камацубары. Луна освещает равнину, светло как днем. Ночь тиха и напряжена так же, как и мы. Хааха (Халхин-Гол. - Прим. авт.) освещена луной, и в ней отражаются огни осветительных бомб, бросаемых противником. Картина ужасная. Наконец мы отыскали мост и благополучно закончили обратную переправу. Говорят, что наши части окружены большим количеством танков противника и стоят перед лицом полного уничтожения. Надо быть начеку".

Японское командование не сумело использовать свои танки для маневра. Оно направило их в группу, которая выполняла, по существу, задачу сковывания наших войск на восточном берегу Халхин-Гола, и тем самым лишило свою ударную группировку необходимых быстроподвижных и ударных средств.

Как позже отмечал Г.К. Жуков, после сражения за высоту Баин-Цаган японские войска "...больше не рискнули переправляться на западный берег

реки Халхин-Гол". Все последующие действия пограничного конфликта проходили на восточном речном берегу.

В Генеральном штабе РККА был сделан обстоятельный (на основе боевых донесений с мест событий) разбор боев с 5 по 9 июля. В телеграмме Ворошилова и Шапошникова командующему группировкой, среди прочего, подчеркивалось:

"Первое. Японцы в бою действуют организованнее и тактически грамотнее, чем мы. Будучи потрепанными, понеся значительные потери, они, прикрывшись сильными заслонами, окопавшимися на удобных позициях, главные силы оттянули к границе для отдыха и приведения в порядок...

Японцы из кожи лезут, чтобы показать свою силу. Мы должны быть умнее их и спокойнее, поменьше нервничайте, не торопитесь "одним ударом" уничтожить врага, и мы разобьем противника с меньшей затратой своей крови"¹⁰.

После поражения в районе горы Баин-Цаган японцы, пополнив и перегруппировав свои силы, готовились к новым наступательным действиям. Однако они не отваживались более на глубокий маневр в обход, связанный с форсированием реки.

61. Командир Красной Армии изучает японскую пулеметную танкетку Тип 94 "ТК". Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

61. The Red Army commander is examining a Japanese machine-gun tankette Type 94 "TK". The Halha region, July 1939.

БОИ ЗА ПЛАЦДАРМ НА ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ РЕКИ ХАЛХИН-ГОЛ (7-25 июля 1939 года)

Поставив перед собой ограниченную задачу – лишить советско-монгольские войска выгодного плацдарма на восточном берегу реки Халхин-Гол, противник пытался фронтальными атаками отбросить наши части, на западный берег. В ночь на 7 июля на участке 149-го стрелкового полка японцы предприняли первую атаку. Удар противника оказался неожиданным и подразделения полка были потеснены к Халхин-Голу. С наступлением рассвета японцы прочно закрепились в районе одной из высот, расположенной в 3-4 км от реки. В бою 8 июля здесь погиб отважный командир 149-го стрелкового полка майор Ремизов. За мужество и героизм, проявленные в боях с японскими захватчиками, Советское правительство присвоило посмертно майору Ремизову звание Героя Советского Союза, а высота, на которой находился его командный пункт, была названа его именем.

Ночные атаки японцев на разных участках расположения наших войск повторялись до 11 июля, но все они были отбиты, и враг сколько-нибудь существенных успехов не добился.

11 июля японцы предприняли наступление уже всеми своими силами, направляя главный удар на высоту Ремизова.

Имея значительное численное превосходство над нашими частями, противник захватил эту высоту, но его дальнейшее продвижение было остановлено героическим сопротивлением советско-монгольских войск. Только одна рота японцев, имея целью прорваться к переправе через Халхин-Гол, вклинилась в нашу оборону и пыталась закрепиться на одном из песчаных барханов. Совместной атакой пехоты и танков 11-й танковой бригады эта группа была уничтожена. В этом бою геройской смертью погиб командир 11-й танковой бригады Герой Советского Союза комбриг Яковлев, лично возглавивший атаку пехоты и танков.

62. Полномочный посол СССР в Монголии И.А. Иванов и маршал МНР Х. Чойбалсан осматривают места недавних боев. На заднем плане гусеничные японские тягачи из состава 1-го отдельного полка полевой артиллерии под командованием полковника Мияо. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

62. The USSR Ambassador Plenipotentiary to Mongolia I.A. Ivanov and marshal H. Choibalsan are examining places of recent battles. In the background there are caterpillar Japanese tractors of the 1st independent field artillery regiment commanded by colonel Miao. The Halha region, July 1939.

63. Разбитый советской авиацией 1-й механизированный полк японской артиллерии под командованием полковника Мияо. Он имел в своем составе 8 75-мм орудий Тип 90. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

63. Damaged by the soviet aviation the 1st motorized Japanese artillery regiment under the command of colonel Miao. It had 8 75-mm Type 90 guns. The Halha region, July 1939.

13 июля наступило затишье, которое продолжалось до 23 июля. В это время японцы готовили новое, более крупное наступление. Заранее, узнав об этой подготовке, наше командование приняло меры для отражения вражеского наступления. Еще 12 июля оно усилило новыми частями советско-монгольские войска, находившиеся на восточном берегу Халхин-Гола. Туда были подтянуты 24-й мотострелковый полк подполковника Федюнинского и 5-я стрелково-пулеметная бригада.

Рано утром 23 июля японцы начали сильную артиллерийскую подготовку, обстреливая передний край нашей обороны и районы артиллерийских позиций. Наша артиллерия молчала, не выдавая своей группировки. В 9 часов на южном участке противник перешел в атаку, стремясь сбить наши части и прорваться к переправе. В это же время на северном участке японцы все еще продолжали артиллерийскую подготовку и начали здесь атаку на 1,5 часа позднее. Отсутствие одновременности атаки на всем фронте дало возможность нашей артиллерии искусным огневым маневром отбить наступление японцев сначала на южном участке, а затем и на северном.

23-24 июля противник еще несколько раз пытался то на северном, то на южном участках атаковать позиции советско-монгольских войск, но каждый раз мощным артиллерийским огнем он отбрасывался с большими для него потерями. В то же время наша авиация встречала за 20-30 км от линии фронта резервы японцев, подбрасываемые на автомашинах, и сильными штурмовыми ударами рассеивала их, не давая возможности ввести их в бой. После нескольких бесплодных атак, закончившихся большими потерями, японцы 25 июля прекратили наступательные действия и перешли к обороне. Значительной силы в этот период достигли воздушные бои. Чтобы завоевать господство в

воздухе, японское командование перебросило к Халхин-Голу своих лучших летчиков из Китая, но не добилось успеха. Советские летчики наносили врагу сокрушительные удары. Только за период с 23 июля по 4 августа было сбито 116 самолетов и 1 аэростат-корректировщик противника.

В июле советско-монгольские войска уступали по своей численности японским, в особенности в пехоте, поэтому им приходилось вести бои в весьма тяжелых условиях. Между отдельными частями и подразделениями имелись промежутки в 1-2 км, которые прикрывались лишь слабыми заслонами. В эти промежутки японцы направляли свои удары во время частых ночных атак. Чтобы парировать удары противника, приходилось быстро перебрасывать отдельные подразделения с одного участка на другой, иногда на значительное расстояние, и с ходу бросать их в бой.

Несмотря на все трудности, наши части справились со своей задачей. Они не пустили японцев к Халхин-Голу и удержали плацдарм на восточном берегу реки, обеспечив тем самым выгодный рубеж развертывания для последующего решающего наступления советско-монгольских войск.

Пролог необъявленной войны на Халхин-Голе сложился в пользу союзных советско-монгольских войск. В ходе июльских боев им удалось удержать свои позиции в восточной части Монголии. Однако японские войска продолжали оставаться на территории этого государства и готовились к новым операциям. Таким образом, очаг военной напряженности на Халхин-Голе продолжал сохраняться. Чтобы ликвидировать пограничный конфликт и восстановить государственную границу Монголии, требовались кардинальные меры.

В процессе июльских боев советско-монгольская группировка (ее структура), состав и органы управления динамично реорганизовывалась.

ПОДГОТОВКА ВОЙСК

Действовавший в районе Халхин-Гола 57-й особый корпус был развернут в 1-ю армейскую (фронтовую) группу, а Г. К. Жуков назначается ее командующим. В соответствии с постановлением Главного военного совета РККА был учрежден Военный совет армейской группы в составе командующего комкора Г. К. Жукова, дивизионного комиссара М.С. Никишева и начальника штаба комбрига М.А. Богданова.

В восточную часть Монголии прибыли новые советские войска, в том числе 82-я стрелковая дивизия. Сформированная в спешке на Урале, она оказалась совершенно неподготовленной к ведению боевых действий. Многие ее солдаты никогда не держали в руках оружия. Красноармейцев пришлось в короткий срок обучать стрелять из винтовок, окапываться, бросать гранаты, ходить в атаку, действовать штыком.

В донесении от 16 июля 1939 года начальнику Политуправления РККА о морально-политическом состоянии личного состава 82-й стрелковой дивизии говорилось следующее:

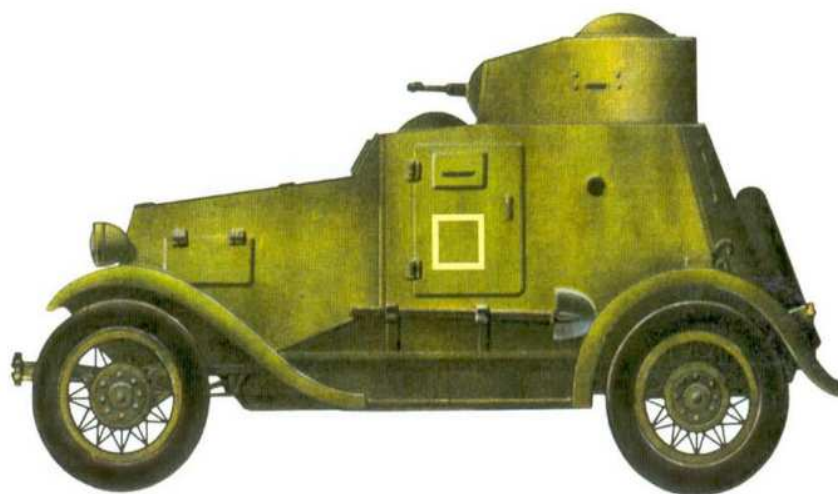
"(В) прибывшей 82 сд отмечены случаи крайней недисциплинированности и преступности. Нет касок, шанцевого инструмента, без гранат, винтовочные патроны выданы без обойм, револьверы выданы без кобуры. Разведбатальон прибыл без положенных

бронемашин и мотоциклов, экипажи на эти машины - 44 человека привезут с собой (так в тексте). Полковая школа дивизии не выслана и оставлена (на) зимних квартирах. Личный состав исключительно засорен и никем не изучен, особенно засоренным оказался авангардный полк, где был майор Степанов, военком полка Мусин. Оба сейчас убиты. Этот полк (в) первый день боя поддавался провокационным действиям и позорно бросил огневые позиции, перед этим предательски пытались перестрелять комполитсостав бывшие бойцы этого полка Ошурков и Воронков. 12.7 демонстративно арестовали командира пулеметной роты Потапова и на глазах бойцов расстреляли, командир батальона этого полка Герман лично спровоцировал свой батальон на отступление, все они преданы расстрелу. Для прекращения паники были брошены все работники политуправления РККА, находившиеся в это время на КП. После этого 14.7 батальон этого полка снова позорно бежал с фронта. Когда возвратили обратно трусов, был убит японцами работник политуправления РККА, слушатель академии Соколов.

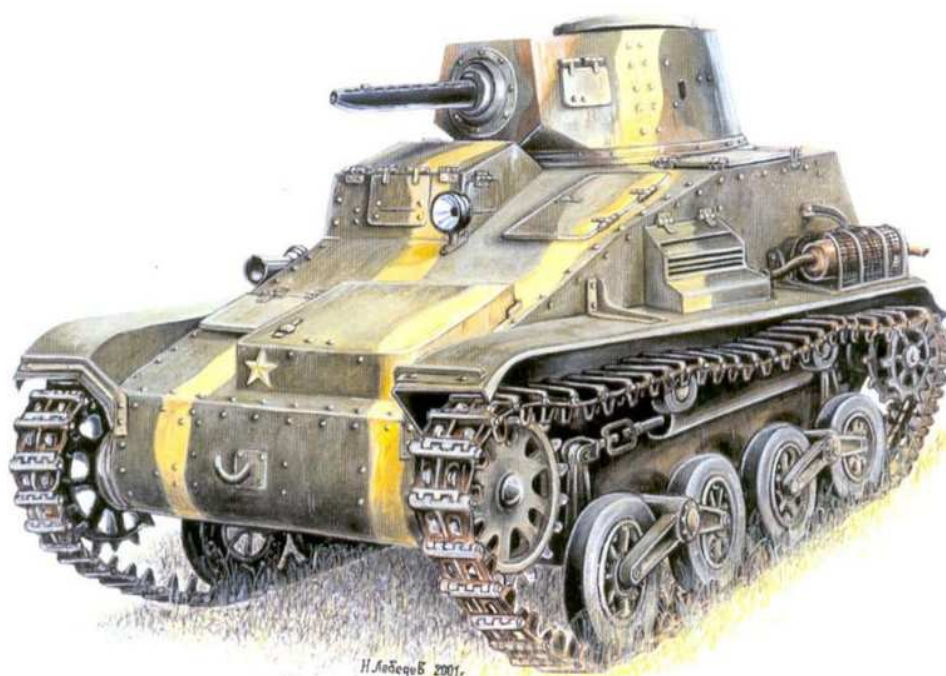
В этом полку зафиксированы сотни (случаев) самострела себе руки. Для приведения в боевую готовность этой дивизии, идущей на фронт, и очистки личного состава были посланы работники политуправления РККА и политотдела корпуса..."¹¹

64. Автомобиль японской армии, брошенный в результате советского наступления. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

64. An abandoned as a result of the Soviet attack IJA car. The Halha region, July 1939.

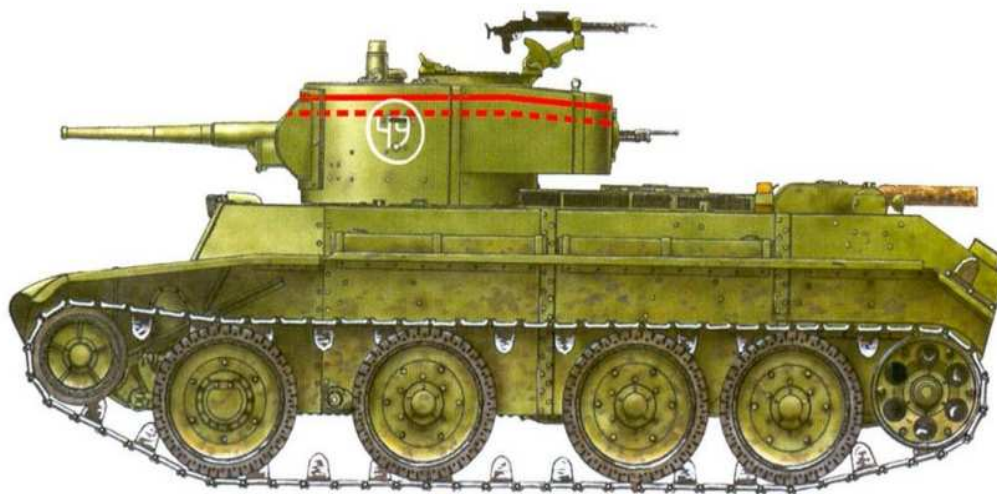
Легкий бронеавтомобиль ФАИ из состава 7-й мотобригады Красной Армии. Халхин-Гол, июль 1939 года.
A FAI light armoured car organic to the Red Army 7th motorized brigade. The Halha, July 1939.

Японская легкая танкетка Тип 94 "ТК". 3-й средний танковый полк Императорской армии Японии. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года.
A Type 94 "TK" Japanese light tankette organic to the 3rd medium IJA armoured regiment. The Halha region, July 1939.

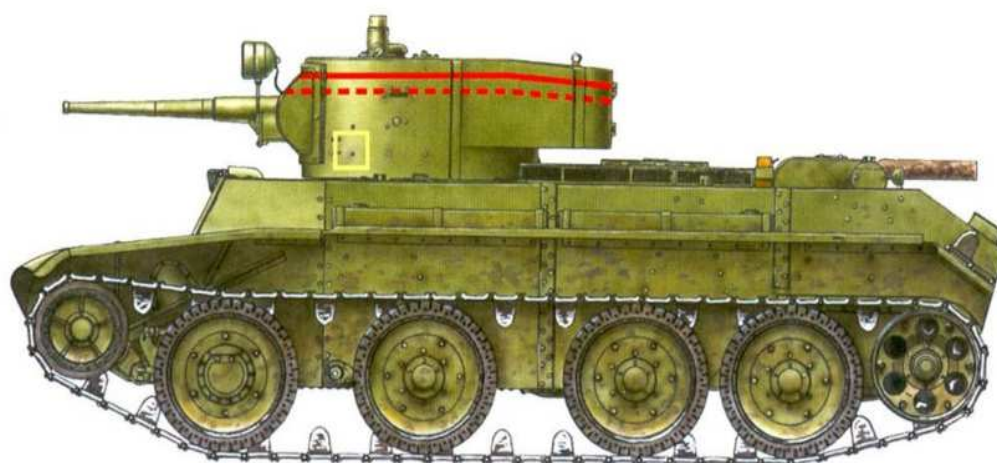

Бронеавтомобиль БА-6 из состава 8-й мотобригады РККА. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года
A BA-6 armoured car organic to the Red Army 8th motorized brigade. The Halha region, August 1939.

Танк БТ-7 с цилиндрической башней, зенитным пулеметом и пулеметом для обороны задней полусферы. 6-я танковая бригада Красной Армии. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года.

A BT-7 tank with a cylindrical turret, anti-aircraft machine-gun and machine-gun for a backward half-sphere defense. The Red Army 6th armoured brigade. The Halha region, August 1939.

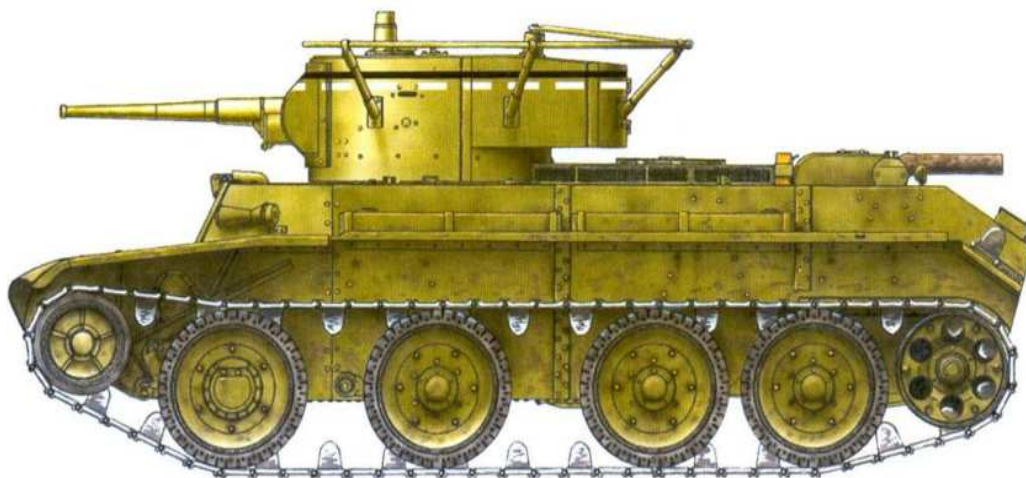
БТ-7 с цилиндрической башней и прожекторами для ночного боя. Машина принадлежит Герою Советского Союза старшему политруку А.В. Котцову. Разведбатальон 6-й танковой бригады, август 1939 года.

A BT-7 tank with a cylindrical turret and night combat searchlights. The machine belongs to the Soviet Union Hero senior political officer A.V.Kottsov. The 6th armoured brigade reconnaissance battalion, August 1939.

Танк БТ-7 образца 1937 года (с конической башней) из состава 6-й танковой бригады Красной Армии. Халхин-Гол, август 1939 года.

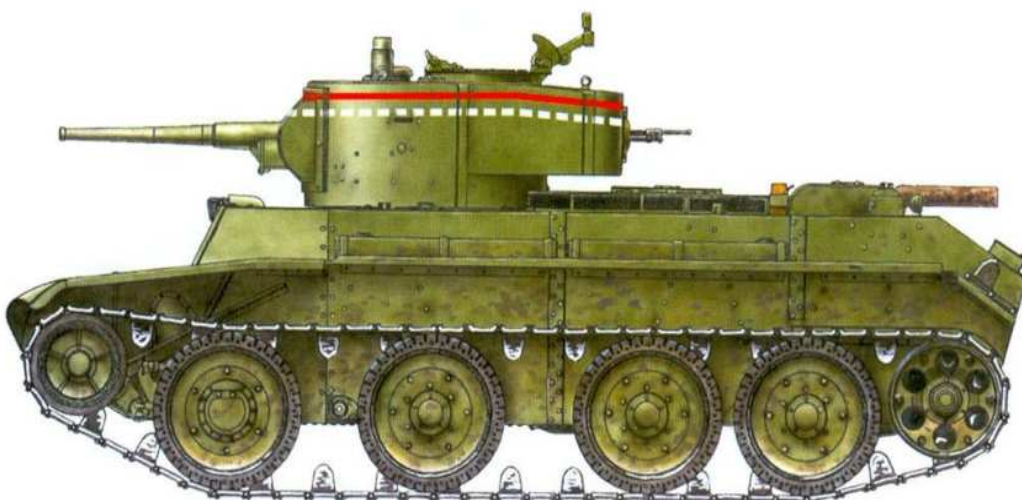
A BT-7 vintage 1937 tank (with a conical turret) organic to the Red Army 6th armoured brigade. The Halha, August 1939.

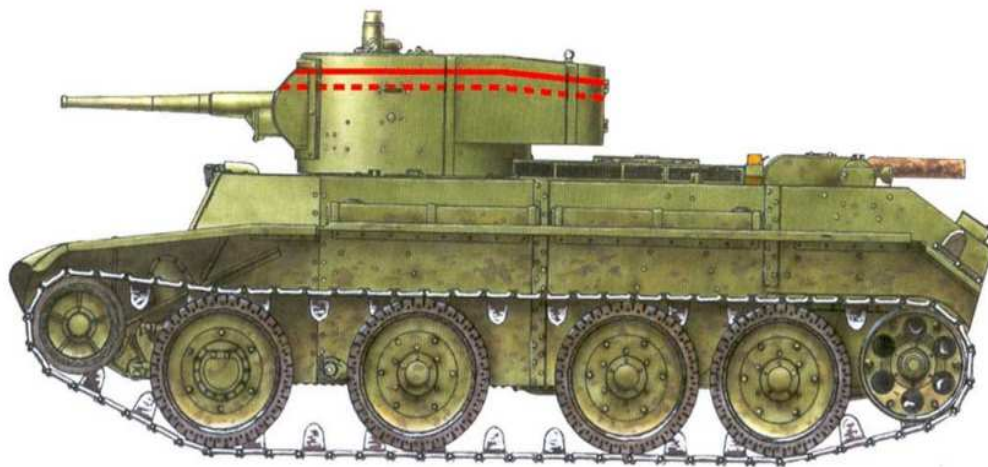
БТ-7 радиийный с поручневой антенной из состава 11-й танковой бригады. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года.
A BT-7 (with a grab antenna) tank organic to the 11th armoured brigade. The Halha region, August 1939.

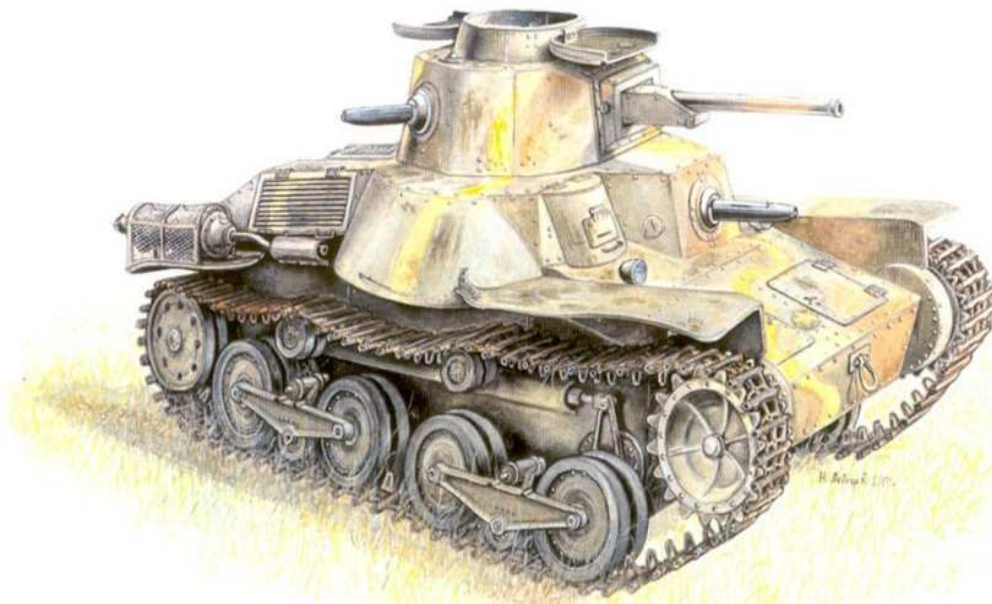
БТ-7 командира роты 3-го танкового батальона 11-й легкой танковой бригады Героя Советского Союза А.В. Кукина. Халхин-Гол, июль 1939 года.
ABT-7 tank of the 3rd armoured battalion, 11th light armoured brigade commander, the Soviet Union Hero A.V.Kukin. The Halha, July 1939.

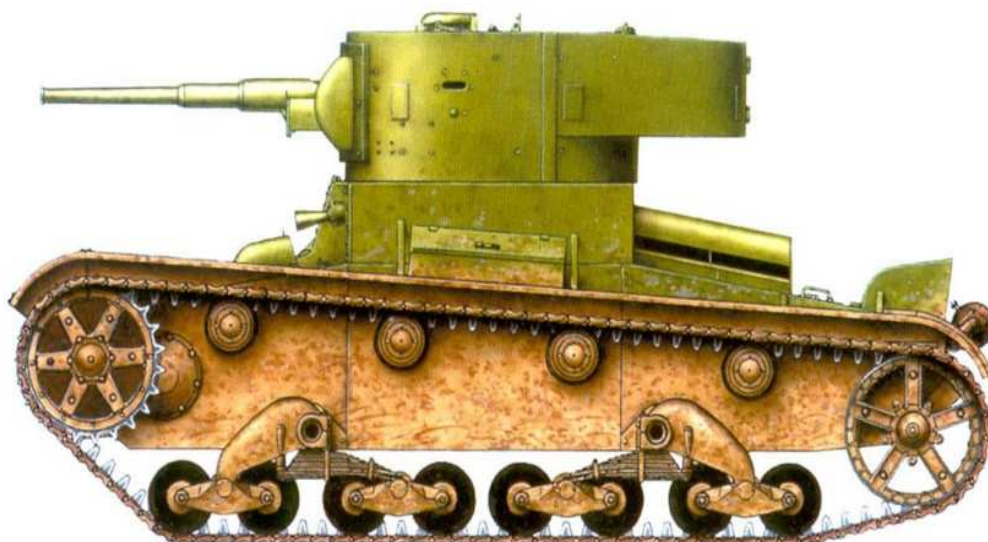
БТ-7 из состава 11-й танковой бригады РККА. Халхин-Гол, август 1939 года.
ABT-7 tank organic to the Red Army 11th armoured brigade. The Halha, August 1939.

БТ-7 из состава 11-й танковой бригады РККА. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года.
 A BT-7 tank organic to the Red Army 11th armoured brigade. The Halha region, July 1939.

Японский легкий танк Тип 95 "Ха-го" (в маньчжурском варианте) лейтенанта Ито из состава 4-го японского легкого танкового полка полковника Тамады. Район реки Халхин-Гол, 3 июля 1939 года.
 Lieutenant Ito's a Type 95 "Ha-go" Japanese light tank (Manchuria variant) organic to colonel Tamada's 4th Japanese light armoured regiment. The Halha region, 3 July 1939.

Легкий танк Т-26 образца 1933 года из состава отдельного танкового батальона 36-й моторострелковой дивизии РККА. Район реки Халхин-Гол, конец июля 1939 года.
 A T-26 vintage 1933 light tank organic to an independent armoured battalion, 36th motorized rifle division, the Red Army. The Halha region, late July 1939.

Эта телеграмма свидетельствовала о том, какими мерами, вплоть до расстрелов перед строем, наводился порядок в тех воинских частях, которые отступали перед японцами.

Армейская группировка советских войск в Монголии получила необходимое усиление. Из Московского военного округа прибыла 37-я танковая бригада, имевшая на вооружении танки БТ-7. На территории Забайкальского военного округа была проведена частичная мобилизация и сформированы 114-я и 93-я стрелковые дивизии...

Из Москвы в 1-ю армейскую группу прибыла помощь иного рода. По линии НКВД товарищу И.В. Сталину было доложено, что в Монголии "предательство" и что комдив Жуков

"преднамеренно" бросил в бой танковую бригаду без разведки и пехотного сопровождения. Для расследования всего этого в Монголию была послана следственная комиссия во главе с заместителем Наркома обороны командармом 1-го ранга Г.И. Куликом.

Прибыв на место боев, Кулик стал вмешиваться в оперативные дела 1-й армейской группы и приказы ее командующего Г.К. Жукова. Это привело к тому, что 15 июля Нарком обороны СССР объявил в телеграмме своему заместителю выговор и отозвал его в Москву. В телеграмме говорилось:

"Правительство объявляет Вам выговор за самоуправство, выразившееся в отдаче без ведома

65. Командующий советско-монгольской авиацией комкор Я.В. Смушкевич и полковник И.А. Лакеев на командном пункте объединенной группировки ВВС. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

65. Commander-in-Chief of the Soviet-Mongolian aviation Corps commander Y.V. Smushkevich and colonel I.A. Lakeev are at the Air Force Joint Group command post. The Halha region, July 1939.

и санкции Наркомата обороны директивы командованию 57 ск об отводе главных сил с восточного берега реки Халхин-Гол. Этот недопустимый с Вашей стороны акт был совершен в момент, когда противник, измотанный нашими войсками, перестал представлять серьезную силу, и только ничем не оправданный отход наших войск спровоцировал японцев на новые, хотя и слабые, активные действия. Главный военный совет обязывает Вас впредь не вмешиваться в оперативные дела корпуса, предоставив заниматься этим командованию корпуса..."¹²

Затем на Халхин-Гол отправляется печально известный своими репрессивными "разгонами" на Хасане начальник Главного политического управления РККА комиссар 1-го ранга Мехлис. Он имел персональное поручение главного творца сталинских репрессий небезызвестного А.П. Берии "проверить этого человека", то есть комдива Жукова.

А тем временем обстановка в районе Халхин-Гола вновь обострилась. Оправившись от шокового состояния, японцы вновь начали активные действия. Желая вознаградить себя за неудачу, они ночью 8 июля повели наступление крупными силами на восточном берегу Халхин-Гола против позиции советского 149-го стрелкового полка и батальона стрелково-пулеметной бригады. Полковое командование находилось после одержанной убедительной победы на горе Баин-Цаган в состоянии "успокоенности и отсутствия бдительности".

Ночная атака была настолько неожиданной и сильной, что 149-му стрелковому полку, хорошо зарекомендовавшему себя в предшествующих боях, пришлось несколько отойти назад. До реки оставалось 3-4 километра. Но при этом ночном отступлении оказались брошенными одна артиллерийская батарея, взвод противотанковых орудий и несколько пулеметов. Нервозность оборонявшихся в ходе ночного боя оказалась настолько сильной, что отдельные стрелковые роты в темноте открывали огонь друг по другу.

В течение нескольких дней японцы с наступлением темноты проводили свои внезапные атаки. 11 июля они предприняли наступление на высоту, которая носила имя погибшего майора Ремизова (командира 149-го полка), и овладели ею. Контратаку танков и пехоты возглавил командир 11-й танковой бригады комбриг М.П. Яковлев, который погиб в том бою от пули вражеского снайпера. Японцы были выбиты с высоты и отброшены на исходные позиции. Советское командование отвело свои войска на западный берег реки, но по приказу из Москвы снова перебросило 2 стрелковых полка на восточный берег. Линия обороны здесь была полностью восстановлена.

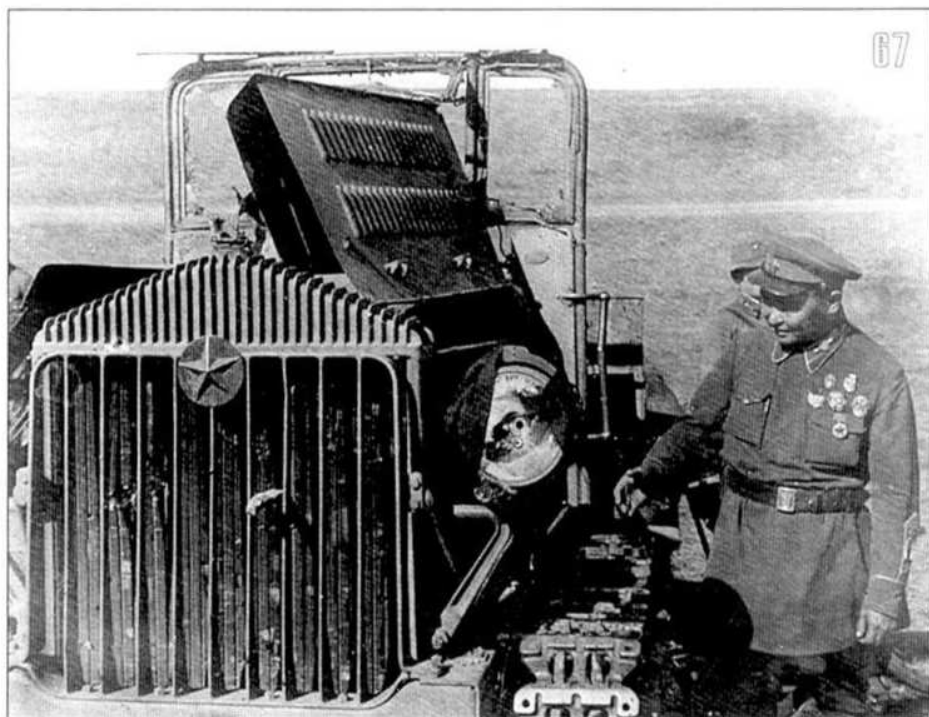
С 13 по 23 июля в боевых действиях наступило временное затишье - стороны собирались с силами. Японцы прекратили свои ночные атаки и перешли к обороне. Десятидневное затишье на

66, 67. Полномочный посол СССР в Монголии И.А. Иванов и маршал МНР Х. Чойбалсан в сопровождении группы командиров осматривают трофейные японские тягачи. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

66, 67. The USSR Ambassador Plenipotentiary to Mongolia I.A.Ivanov and MPR marshal H.Choibalsan accompanied by a group of commanders are examining captured Japanese tractors. The Halha region, July 1939.

68. Осмотр военными руководителями СССР и МНР японской 37-мм противотанковой пушки Тип 94. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

68. The USSR and MPR military leaders examination of a 37-mm Japanese anti-tank Type 94 gun. The Halha region, July 1939.

Халхин-Голе позволило противоборствующим сторонам заметно усилиться.

Комкор Г.К. Жуков принимал самые срочные меры для укрепления плацдарма на восточном берегу Халхин-Гола. Его требовалось удержать во что бы то ни стало для проведения задуманной наступательной операции. Туда была подтянут 24-й мотострелковый полк И.И. Федюнинского и 5-я стрелково-пулеметная бригада. Возводились полевые укрепления, велась разведка противника. Его наступление большими силами не заставило себя долго ждать.

С 23 июля японцы, проведя артиллерийскую подготовку, повели бой за правобережный плацдарм советско-монгольских войск. Однако пробиться к берегу Халхин-Гола атакующим за 2 дня боев так и не удалось и им пришлось с большими потерями отойти на исходные позиции. Оборонявшимся удалось сохранить за собой выгодный рубеж для готовящегося наступления.

Одновременно проходили упорные воздушные бои. С 21 по 26 июля японская авиация потеряла 67 самолетов, советская - 20 машин. Такое соотношение стало возможно во многом благодаря изучению тактики ведения боя вражеских асов, возросшему мастерству и взаимовыручке советских летчиков-истребителей.

Во время боев на Халхин-Голе советским войскам пришлось столкнуться не только с регулярными японскими войсками из состава Квантунской армии. Противная сторона производила массовый заброс на сопредельную сторону групп и одиночек диверсантов и лазутчиков. Все они прошли специальный курс обучения. Степная граница огромной протяженности со стороны МНР охранялась немногочисленными конными пограничными дозорами и особой сложности для перехода на любую сторону не представляла.

Для того чтобы надежно прикрыть восточную границу Монголии, из Забайкальского военного

69. Труп японского офицера, убитого в районе горы Баин-Цаган. Офицер одет в мундир образца 1930 года. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

69. A corpse of Japanese officer killed in the Bain-Tsagan mountain region. The officer wore uniform venture 1930. The Halha region, July 1939.

70. Посол СССР в Монголии И.А. Иванов и маршал МНР Х. Чойбалсан осматривают поле сражения. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

70. The USSR Ambassador Plenipotentiary to Mongolia I.A.Ivanov and MPR marshal H.Choibalsan are examining the battlefield. The Halha region, July 1939.

71. Советско-монгольская делегация осматривает трофеи, захваченные у японских войск. Район реки Халхин-Гол, июль 1939 года (АВЛ).

71. The Soviet-Mongolian delegation is examining salvage captured from the Japanese forces. The Halha region, July 1939.

округа был переброшен сводный батальон советских пограничников под командованием майора А. Булыги, начальника штаба Кяхтинского пограничного отряда. Только за вторую половину июля бойцы батальона задержали 160 подозрительных лиц, из которых несколько десятков были уличены в шпионских намерениях. Пограничникам Булыги была поручена и охрана переправ через реку Халхин-Гол...

В штабе армейской группы усиленно шла разработка наступательной операции. Вносились предложения о переносе боевых действий на

маньчжурскую территорию. Такие предложения высказывались и в Генеральном штабе РККА. Однако И. В. Сталин категорически отверг такие предложения. Маршал Советского Союза М.В. Захаров вспоминал одно из сталинских высказываний по этому поводу:

"Вы хотите развязать большую войну в Монголии. Противник в ответ на ваши обходы бросит дополнительные силы. Очаг борьбы неминуемо расширится и примет затяжной характер, а мы будем втянуты в продолжительную войну"¹¹.

72. Танки Т-26 из состава отдельного танкового батальона 36-й моторострелковой дивизии РККА. Район реки Халхин-Гол, конец июля 1939 года (АВЛ).

72. T-26 tanks from the 36th motorized rifle division independent tank battalion of the Red Army. The Halha region, late July 1939.

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКИХ ВОЙСК (август 1939 года) ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ

После неудачных попыток разгромить советско-монгольские части в мае и июне японское командование решило временно прекратить наступательные действия и закрепиться на линии песчаных бугров и сопок, в 5-6 км к востоку от Халхин-Гола. Но, создавая прочную систему обороны, японцы в то же время готовились к новым активным боевым действиям, по-прежнему преследуя цель полностью овладеть восточным берегом реки. Перед советско-монгольским командованием встала задача подготовить и провести решительную наступательную операцию в целях полного уничтожения японских захватчиков, нарушивших государственную границу Монгольской Народной Республики.

Как показали предыдущие бои, наличных на фронте сил и средств было недостаточно, чтобы провести такую операцию, поэтому из глубины страны были подведены свежие соединения и части: 82-я и 57-я стрелковые дивизии, один полк 152-й стрелковой дивизии, 6-я танковая бригада (до 150 танков БТ-7), 126-й артиллерийский полк,

85-й зенитно-артиллерийский полк, части связи, отдельные танковые роты, 212-я авиадесантная бригада и другие средства усиления.

Все эти войска требовалось сосредоточить, обеспечив переброску их от конечной выгрузочной станции Борзя к району боевых действий. Нужно было также основательно подготовить их к ведению боевых действий в особых условиях и ознакомить с тактикой японской армии.

Для сосредоточения новых частей широко применялись комбинированные марши. Использовался автотранспорт, с помощью которого было перевезено до 18 тысяч человек, для чего потребовалось 720 машин.

В боевой подготовке главное внимание обращалось на изучение приемов ближнего боя, штыковых атак, владение ручными гранатами, на действия в ночных условиях, маскировку и самоокапывание. Все занятия проводились совместно с танками и артиллерией.

Из всех войск, как уже упоминалось ранее, сосредоточенных у Халхин-Гола, 19 июля 1939 года была создана 1-я армейская группа с

73. Танки БТ-7 (с цилиндрической башней) атакуют позиции противника. На башне боевой машины по периметру проведены черная сплошная и белая прерывистая линии, означающие принадлежность танка к 3-му взводу 2-й роты 11-й танковой бригады. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

73. A BT-7 (with cylindrical turret) tank is attacking the enemy positions. Black continuous and white broken stripes are painted on the combat vehicle turret that means the tank is organic to the 11th tank brigade the 2nd company the 3rd platoon. The Halha region, August 1939.

Военным советом во главе. Командование группой возглавил комкор Г. К. Жуков. Военный совет разработал специальный план подготовки операции.

План предусматривал следующие вопросы: сосредоточение и перегруппировку войск, переправу частей через Халхин-Гол и занятие исходного положения, действия войск при выходе на исходное положение, организацию взаимодействия, подготовку военно-воздушных сил.

Под руководством Г.К. Жукова был разработан не только план предстоящей наступательной операции, но и детальный план оперативно-тактического обмана противника. Все передвижения войск в прифронтовой полосе производились только в темное время суток. Это позволило свести эффективность авиационной разведки противника до минимума. Категорически запрещалось вводить войска в исходные для наступления районы. Командный состав, проводивший рекогносцировки на местности, должен был выезжать в красноармейской форме и только на грузовых автомашинах.

Зная, что японцы активно ведут радиоразведку и подслушивают телефонные переговоры, в целях дезинформации противника была разработана целая программа радио и телефонных сообщений. Переговоры велись только о строительстве оборонительных сооружений и подготовке осенне-зимней кампании. Радиообман строился главным образом на коде, легко поддающемся расшифровке.

Особое место в плане и в подготовительных мероприятиях занимал вопрос дезинформации противника с целью создать у него впечатление о переходе наших частей к обороне. Для этого войскам рассылалась "Памятка бойцу в обороне". Передавались ложные сводки о построенных

оборонительных сооружениях и запросы на инженерное имущество. Все передвижения войск производились только ночью. Шум танков, сосредоточиваемых на выжидательных позициях, заглушался шумом ночных бомбардировщиков и ружейно-пулеметной стрельбой. Чтобы создать у японцев впечатление об укреплении нашими частями центрального участка, радиостанции работали только в центре фронта. Прибывшая на фронт мощная звукоусилительная станция производила имитацию забивки кольев, создавая полное впечатление ведения больших оборонительных работ. Чтобы приучить японцев к шуму танков, за 10-12 дней до наступления вдоль фронта постоянно курсировало несколько машин со снятыми глушителями. Японское командование действительно было введено в заблуждение относительно наших замыслов.

Данные о системе оборонительных сооружений противника и его группировке уточнялись воздушной разведкой и ночными поисками.

Огромную работу пришлось проделать по материальному обеспечению операции. К началу наступления нужно было подвезти по грунтовой дороге на расстояние 780 км большое количество боеприпасов, горючего, продовольствия, топлива и других грузов, всего весом около 36 тысяч тонн. Для этого требовалось около 5 тысяч автомашин, а в наличии было только 2600 автомашин, на которых, кроме того, должны были еще перебрасываться прибывавшие пополнения. Все же к началу операции удалось создать следующие запасы: по боеприпасам общего назначения - 6 боекомплектов, по танковым - 9, по горючему - до 5 заправок.

Большое внимание в подготовительных мероприятиях уделялось организации связи и управления. При штабе 1-й армейской группы

74. Бойцы и командиры 57-й стрелковой дивизии РККА осматривают захваченное оружие японской армии. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

74. The 57th rifle division, the Red Army soldiers and commanders are examining captured IJA weapons. The Halha region, August 1939.

75. После штурма японских позиций. Личный состав 5-й стрелково-пулеметной бригады осматривает поле сражения. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

75. After the Japanese position assault. The 5th rifle machine-gun brigade personnel are examining the battlefield. The Halha region, August 1939.

была создана делегатская служба в составе двенадцати офицеров связи с подвижными средствами. Связь командующего группой с командными пунктами командиров соединений обеспечивалась двойным проводом.

Большую подготовительную работу проделала советская авиация. Кроме увеличения числа боевых машин, значительно была расширена аэродромная сеть, что дало возможность приблизить истребительную авиацию к фронту и обеспечить аэродромный маневр. Была создана специальная разведывательная эскадрилья из истребителей, которая непосредственно подчинялась командующему группой и располагалась вблизи от его командного пункта. В зону боевых действий было переброшено 17 самолетов — штурмовиков Р-5Ш. Авиационные командиры личными выездами изучали расположение своих войск.

Систематические дневные и ночные полеты нашей авиации также дезориентировали противника, так как японцы, привыкнув к ним, как к обычному явлению, не связывали их с наступательными действиями наших войск.

Вся подготовка была организована так, что в план предстоящего наступления был посвящен весьма ограниченный круг работников штаба. Командиры соединений были введены в курс дела лишь за 3-4 дня до начала операции. Всему личному составу войск было объявлено о наступлении только вечером накануне начала операции.

Большая политическая работа, проведенная среди войск, обеспечивала их высокий наступательный порыв. Все солдаты и офицеры были воодушевлены единым стремлением "проучить японских самураев, посягнувших на территорию дружественного нам монгольского народа".

76. Командующий фронтовой группой и управлением по координации действий советских и монгольских войск командарм 2-го ранга Г.М. Штерн на командном пункте. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

76. The commander of the Front Group and the Soviet-Mongolian Forces Coordination of Action Department the 2nd class commander G.M.Shtern is at the command post. The Halha region, August 1939.

77. Командующий 1-й армейской группой комкор Жуков и командующий армией МНР маршал Х. Чойбалсан. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

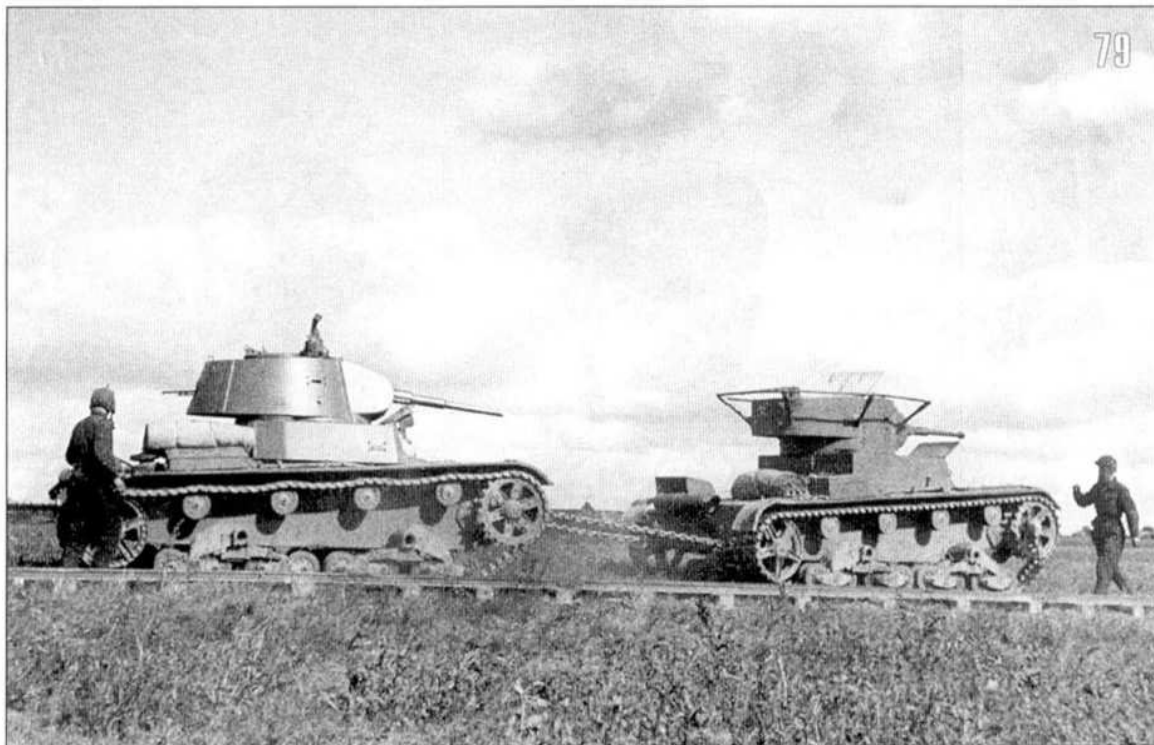
77. The commander of the 1st Army Group corps commander Jukov and the MPR Army commander marshal H.Choibalsan. The Halha region, August 1939.

78. Начальник оперативной группы МНРА корпусной комиссар Ж. Лхагвасурэн (слева) беседует с командирами 6-й монгольской кавалерийской дивизии. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

78. The MPRA Operational Group commander corps commissar J.Lhagvasuren (to the left) is talking to the 6th Mongolian cavalry division commanders. The Halha region, August 1939.

ПОЛОЖЕНИЕ СТОРОН (20 августа 1939 года)

К началу наступления советско-монгольских войск японцы имели в районе боевых действий 7-ю и 23-ю пехотные дивизии, полностью укомплектованные по штатам военного времени, смешанную пехотную бригаду маньчжур, 8-й пограничный гарнизон, 3 тяжелых артиллерийских полка, 3 полка баргутской конницы. Кроме того, из Маньчжурии подходила 14-я пехотная бригада. Для усиления противотанковой обороны японцы перебросили к Халхин-Голу все противотанковые батареи 1-й пехотной дивизии, а также привезли часть тяжелой артиллерии из крепости Порт-Артур. Они значительно усилили и авиацию, сосредоточив в августе в районе боевых действий до 450 самолетов, перебросенных из Китая и Японии.

Противник занимал укрепленный рубеж на песчаных буграх и сопках к западу от государственной границы Монгольской Народной Республики. Передний край его обороны проходил по южной кромке "Больших Песков", по южным и юго-западным скатам высоты "Зеленая", шел по западному скату сопки "Песчаная" (4 км восточнее Дунгур-Обо), далее пересекал реку Хайластын-Гол в 4-6 км от ее устья и продолжался на север, проходя по западным скатам высоты Фуи ("Палец"). Правый фланг упирался в государственную границу в районе озера Одон-Нур.

Главный рубеж обороны занимали следующие части. К югу от Хайластын-Гола - сводный левофланговый отряд, 71-й и 28-й пехотные полки, севернее реки - 72, 64-й и 26-й пехотные полки. Высоту Фуи оборонял разведотряд 23-й пехотной

дивизии под командованием Йоки и 2-я рота 26-го пехотного полка. В ближайшем резерве находились 25-й и 27-й пехотные полки. Кроме того, японцы располагали резервами, которые концентрировались севернее озера Яньху, в районе Номон-Хан-Бурд-Обо, Джин-Джин-Суме, Денден-Суме. Фланги оборонительного расположения прикрывались баргутской конницей.

Оборона японцев состояла из узлов сопротивления и опорных пунктов, созданных на сопках, барханах и соединенных ходами сообщения. Окопы имели полный профиль; блиндажи были с перекрытиями, способными выдержать разрывы 152-мм снарядов. Для машин и лошадей были вырыты глубокие укрытия. Особенно сильно противник укрепил сопку "Песчаная", высоты "Зеленая", Ремизова и Фуи ("Палец"). Вся система сооружений была приспособлена к местности и в сочетании с хорошо продуманной организацией огня представляла довольно прочную оборонительную полосу.

Командовать всей группировкой японо-маньчжурских войск продолжал печально известный командир 23-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Камацубара.

Советско-монгольские войска после частной операции, предпринятой 7-8 августа в целях улучшения тактического положения, занимали плацдармы на восточном берегу реки Халхин-Гол, в 3-5 км восточнее нее.

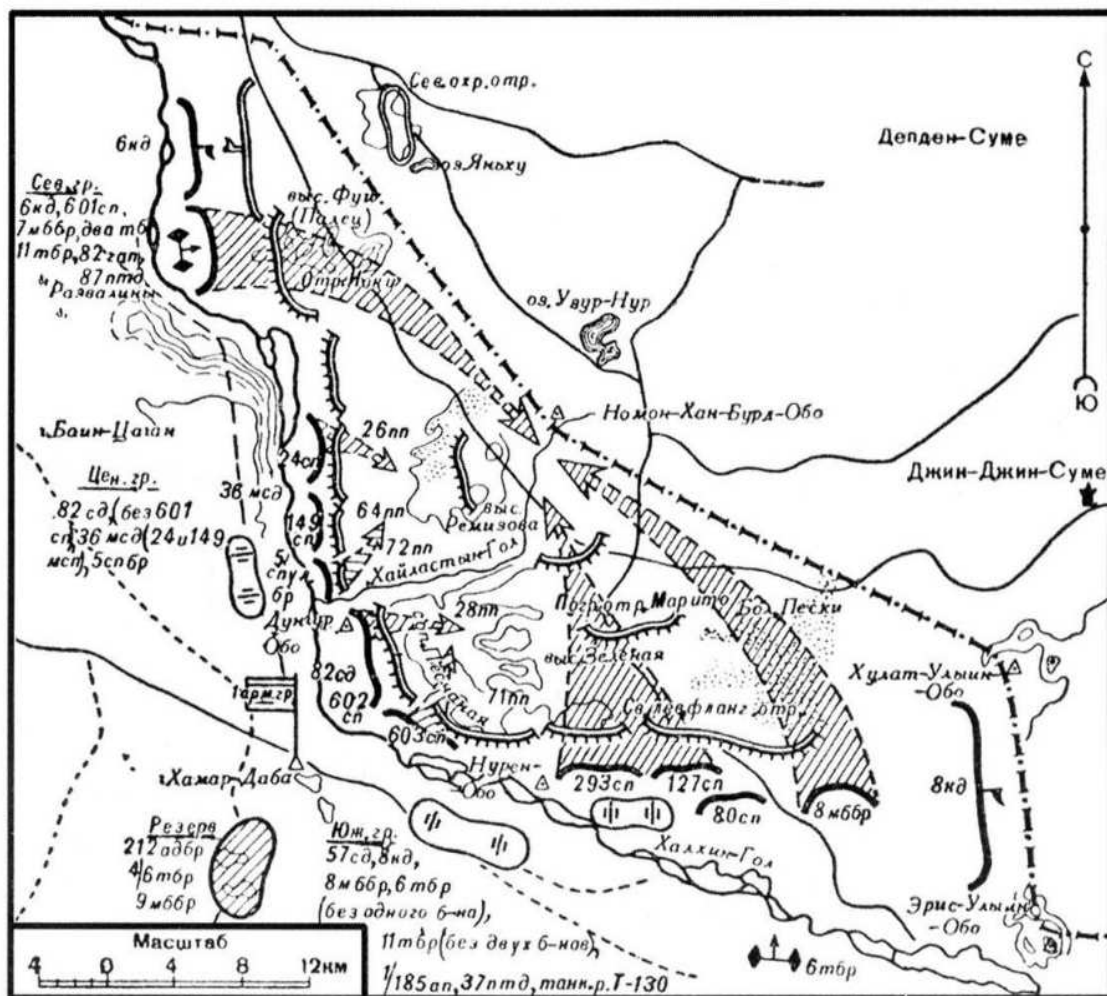
До 18 августа здесь находились 8-я кавалерийская дивизия Монгольской Народно-революционной армии, 82-я стрелковая дивизия

79. Танки Т-26 (образца 1933 года с цилиндрической башней и поручневой антенной и с конической башней образца 1939 года) выдвигаются в район боевых действий. Видимо танк, находящийся слева, неисправен. Танковый батальон 36-й мотострелковой дивизии. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

79. Т-26 (with cylindrical turret vintage 1933, grab antenna and conical turret vintage 1939) tanks moving towards the operations area. Apparently tank (to the left) is damaged. The 36th motorized rifle division tank battalion. The Halha region, August 1939.

Решение командующего 1-й армейской группой на проведение наступательной операции в августе 1939 года.

The 1st Army Group commander offensive operation decree in August 1939.

(без одного полка), 5-я стрелково-пулеметная бригада, два полка 36-й мотострелковой дивизии и 6-я кавалерийская дивизия Монгольской Народно-революционной армии. Все остальные войска оставались на западном берегу. Они начали переправу только в ночь на 19 августа, то есть за сутки до начала общего наступления. Переправа, а затем и развертывание войск на восточном берегу благодаря хорошо проведенной подготовке прошли без перебоев и не были обнаружены противником. Несколько задержалась только 6-я танковая бригада полковника М.И. Павлакина. Она должна была переправиться по заранее разведанному броду, но вследствие поднявшегося из-за дождей уровня воды 6-ю танковую бригаду пришлось направить на переправу 57-й стрелковой дивизии, хотя эта переправа и не была рассчитана для танков.

К рассвету 20 августа все наши части, за исключением 6-й танковой бригады, уже были на восточном берегу реки Халхин-Гол и располагались следующим образом:

- 8-я кавалерийская дивизия вышла к границе западнее высот Эрис-Улайн-Обо и Хулат-Улайн-Обо;
- 8-я мотоброневая бригада сосредоточилась в районе южнее "Больших Песков";
- 57-я стрелковая дивизия (80, 127-й и 293-й полки) заняла фронт южнее "Малых Песков" и высоты "Зеленая";
- 82-я стрелковая дивизия (603-й и 602-й полки) находилась юго-западнее сопки

"Песчаная" в районе между Нурен-Обо и Дунгур-Обо, примыкая правым флангом к 57-й стрелковой дивизии, а левым упираясь в реку Хайластын-Гол;

- 5-я стрелково-пулеметная бригада занимала участок на северном берегу Хайластын-Гола, северо-восточнее устья реки;
- 36-я мотострелковая дивизия (149-й и 24-й полки) развернулась западнее высоты Ремизова, в 2-3 км восточнее Халхин-Гола;
- 7-я мотоброневая бригада и 601-й полк 82-й стрелковой дивизии сосредоточились в 8 км северо-восточнее "Развалин", на восточном берегу Халхин-Гола;
- 6-я кавалерийская дивизия Монгольской Народно-революционной армии прикрывала левый фланг.

Расположение наших войск занимало по фронту 74 км.

7-я мотоброневая бригада, 601-й стрелковый полк и 6-я кавалерийская дивизия смотрели фронтом на восток, тогда как фронт 8-й мотоброневой бригады и 57-й стрелковой дивизии, располагавшихся на правом фланге, был обращен на север.

6-я танковая бригада, следуя на южный участок, находилась еще на переправе.

В резерве командующего 1-й армейской группой, в районе юго-западнее горы Хамар-Даба, были сосредоточены: 9-я мотоброневая бригада, 4-й батальон 6-й танковой бригады, 212-я авиадесантная бригада.

СООТНОШЕНИЕ СИЛ МЕЖДУ СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКИМИ И ЯПОНСКИМИ ВОЙСКАМИ (20 августа 1939 года)

Стороны	Батальонов пехоты	Эскадронов конницы	Пулеметов станковых и ручных	Орудий калибром 75-мм и выше	Орудий ПТО и батальонного типа	Минометов	Танков	Бронемашин	Самолетов			
									Истребителей	Легких бомбардировщиков	Тяжелых бомбардировщиков	Всего
Советско-монгольская	35	20	2255	216	286	40	498	346	376	181	23	581
Японская	25	17	1283	135	142	60 бомбометов	120	неизвестно	252	144	54	450

80. Высокопоставленные политработники МНРА на командном пункте 1-й армейской группы. Справа – заместитель главнокомандующего, начальник политического управления МНРА корпусной комиссар Ж. Лхагвасурэн. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

80. The MPRA political high ranking officers are at the 1st Army Group command post. To the left is a deputy to the Commander-in-Chief, the head of the MPRA Political Department commissar J. Lhagvasuren. The Halha region, August 1939.

Сопоставление вышеуказанных сил и средств показывает, что превосходство было на нашей стороне. В пехоте советско-монгольские войска превосходили противника в 1,5 раза, в коннице превосходство было незначительным, по пулеметам – в 1,7 раза, по количеству орудий – почти в 2 раза, по танкам – в 4 раза, в самолетах,

особенно в истребителях, преимущество было также на советской стороне.

Если учесть, что противник в августовской операции так и не решился применить свои танки, то советско-монгольские войска по танкам и бронемашинам имели абсолютное превосходство.

81. Политзанятия на позициях. Личный состав 185-го арtpолка артиллерии дальнего действия клянётся громить японских захватчиков. На заднем плане 152-мм пушка образца 1910/1934 годов. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

81. The political studies at the positions. The 185th long range artillery regiment personnel are swearing to smash Japanese aggressors. In the background there is a 152-mm gun vintage 1910/1934. The Halha region, August 1939.

82. Командующий фронтовой группой советских и монгольских войск Г.М. Штерн (слева), командир 6-й монгольской кавалерийской дивизии полковник Л. Дандар (в центре), командир 1-й армейской группы Г.К. Жуков. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

82. The Soviet-Mongolian Front Group commander G.M.Shtern (to the left), the 6th Mongolian cavalry division commander colonel L.Dandar (in the center), the 1st Army Group commander G.K.Jukov. The Halha region, August 1939.

83. На рассвете перед наступлением. Бронеавтомобиль БА-6 из состава 8-й мотоброневой бригады на восточном берегу Халхин-Гола. Август 1939 года (АВЛ).

83. At dawn before an attack. A BA-6 armored car of the 8th motorized armored brigade on the eastern bank of the Halha. August 1939.

ПЛАН СОВЕТСКОГО КОМАНДОВАНИЯ

Замысел советско-монгольского командования заключался в том, чтобы, сковав противника с фронта, ударами сильных групп по обоим флангам окружить и уничтожить японские войска между государственной границей и рекой Халхин-Гол. Для выполнения этого замысла было создано 3 группы:

Южная - под командованием полковника М.И. Потапова - в составе 57-й стрелковой дивизии, 8-й кавалерийской дивизии Монгольской Народно-революционной армии, 8-й мотоброневой

бригады, 6-й танковой бригады (без одного батальона), 11-й танковой бригады (без двух батальонов), 1-го дивизиона 185-го артиллерийского полка, 37-го противотанкового дивизиона и танковой роты огнемётных танков ОТ-130.

Северная - под командованием полковника И.В. Шевникова - в составе 601-го стрелкового полка 82-й стрелковой дивизии, 6-й кавалерийской дивизии Монгольской Народно-революционной армии, 7-й мотоброневой

84. Командиры и политработники фронтовой группы оперативного управления советскими и монгольскими войсками на ТВД. В центре комкор Г.К. Жуков, комкор Я.В. Смушкевич и командарм 2-го ранга Г.М. Штерн (4-й справа) во время проведения наступательной операции. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

84. The Front Group of the Soviet-Mongolian Forces Operational Department commanders and political officers are on the theater of war. In the center are corps commander G.K.Jukov, corps commander Y.V.Smushkevich and the 2nd class commander G.M.Shtern (the forth to the left) during the offensive operation. The Halha region, August 1939.

85. Японские солдаты (в обмундировании образца 1930 года), взятые в плен в ходе августовского наступления советских войск. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

85. Japanese soldiers (wearing equipment vintage 1930) captured during the Soviet forces August offensive. The Halha region, August 1939.

бригады, двух танковых батальонов 11-й танковой бригады, 82-го гаубичного артиллерийского полка и 87-го противотанкового дивизиона.

Центральная - под командованием комбрига Д.Е. Петрова в составе 82-й стрелковой дивизии (без 601-го стрелкового полка), 36-й мотострелковой дивизии и 5-й стрелково-пулеметной бригады. Соединения, составлявшие Центральную группу, подчинялись непосредственно командующему 1-й армейской группой. Оперативное руководство осуществлял комбриг Д.Е. Петров. Действуя в центре, между двумя ударными группировками, охватывающими фланги противника, эти соединения фронтальными атаками должны были сковать главную группировку японцев и не допустить их маневрирования в стороны флангов.

В резерве комкора Г.К. Жукова находились 212-я авиадесантная и 9-я мотоброневая бригады и танковый батальон 6-й танковой бригады. Резерв армейской группы сосредоточился в центре позиций у горы Хамар-Даба.

Непосредственное участие в этой операции из состава войск Монгольской Народной Республики приняли 6-я и 8-я кавалерийские дивизии общей численностью около 2260 конных бойцов, из них командиров - 862 человека. Под руководством маршала Х. Чойбалсана действовала командная оперативная группа в составе комдива Ж. Цэрэна, полковников Б. Цога и Г. Эрэндо.

Согласно приказу командующего 1-й армейской группой от 17 августа Южная группа получила задачу наступать в направлении Номон-Хан-Бурд-Обо, чтобы во взаимодействии с Центральной и Северной группами окружить и уничтожить группировку противника южнее и севернее Хайластын-Гола.

Ближайшая задача Южной группы состояла в том, чтобы уничтожить японцев южнее реки Хайластын-Гол и овладеть южным берегом реки; в дальнейшем, наступая на север, во взаимодействии с Северной группой окружить и уничтожить группировку противника севернее Хайластын-Гола. При появлении резервов противника ей надлежало в первую очередь атаковать и уничтожить их. Действия Южной группы обеспечивались на правом фланге 8-й кавалерийской дивизией Монгольской Народно-революционной армии, которой приказывалось занять и прочно удерживать высоты Эрис-Улуйн-Обо и Хулат-Улуйн-Обо.

82-й стрелковой дивизии (Центральная группа) надлежало атаковать противника на участке (иск.) Нурен-Обо, река Хайластын-Гол, нанося главный удар правым флангом и имея целью во взаимодействии с 57-й стрелковой дивизией уничтожить южную группировку японцев.

36-я мотострелковая дивизия совместно с 5-й

стрелково-пулеметной бригадой (Центральная группа) должна была атаковать противника на участке (иск.) реки Хайластын-Гол, безымянный ручей восточнее горы Баин-Цаган, нанося удар левым флангом и имея целью во взаимодействии с частями Северной группы и 82-й стрелковой дивизии окружить и уничтожить группировку противника севернее реки Хайластын-Гол.

Северная группа получила следующую задачу: заняв исходное положение на линии 8 км северо-восточнее "Развалин", наступать в направлении безымянных озер 6 км северо-западнее Номон-Хан-Бурд-Обо, имея целью во взаимодействии с 36-й мотострелковой дивизией и Южной группой окружить и уничтожить группировку противника севернее реки Хайластын-Гол. Ближайшая задача - овладеть песчаными буграми 4 км северо-западнее Номон-Хан-Бурд-Обо. Наступление Северной группы обеспечивалось с севера 6-й кавалерийской дивизией Монгольской Народно-революционной армии, которой было приказано занять и прочно удерживать район западнее озера Яньху.

86. Маршал МНР Х. Чойбалсан во время посещения 6-й кавалерийской дивизии. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

86. The MPR marshal H.Choibalsan during the 6th cavalry division visit. The Halha region, August 1939.

87. Рядовые бойцы и командиры советско-монгольской 1-й армейской группы слушают боевую задачу командования. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

87. The 1st Soviet-Mongolian Army Group soldiers and commanders are listening to the combat task of their command. The Halha region, August 1939.

Резерв 1-й армейской группы должен был к утру 20 августа сосредоточиться в районе 6 км юго-западнее горы Хамар-Даба в готовности развивать успех Южной или Северной группы.

Для артиллерийского обеспечения наступления были созданы: группа ПП (поддержки пехоты) 57-й стрелковой дивизии в составе 57-го артиллерийского полка и 57-го гаубичного артиллерийского полка; группа ПП 82-й стрелковой дивизии - 82-го артиллерийского полка и артиллерийского дивизиона 5-й стрелково-пулеметной бригады; группа ПП 36-й мотострелковой дивизии - 175-го артиллерийского полка; группа ПП Северной группы - 82-го гаубичного артиллерийского полка.

Задачами артиллерии групп ПП являлись уничтожение и подавление огневых средств противника на переднем крае и в глубине обороны в полосах наступления дивизий, сопровождение огнем наступления пехоты и танков. В каждой группе ПП было приказано заблаговременно назначить батареи, которым надлежало продвигаться немедленно вслед за пехотой. Кроме групп поддержки пехоты были организованы артиллерийские группы дальнего действия.

88. Командир Красной Армии осматривает холодное оружие (офицерский меч образца 1935 года) японской армии. На переднем плане станковый пулемет Тип 92. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

88. The Red Army commander is examining IJA arme blanche (officer sword vintage 1935). In the foreground there is a Type 92 machine-gun. The Halha region, August 1939.

Артиллерия дальнего действия (АДД) Южной ударной группы в составе 1-го дивизиона 185-го артиллерийского полка; АДД центральной группы в составе 2-го и 3-го дивизионов 185-го артиллерийского полка, одного дивизиона 175-го артиллерийского полка и 122-мм отдельной дальнобойной батареи.

Перед группами АДД были поставлены задачи: подавить артиллерию противника в районах севернее и южнее реки Хайластын-Гол, подавить его резервы в районе Номон-Хан-Бурд-Обо и песков 7 км юго-восточнее Хайластын-Гола, а также воспрепятствовать подходу резервов из районов Джин-Джин-Суме и Номон-Хан-Бурд-Обо.

Артиллерийская подготовка должна была начаться по особому указанию. Продолжительность ее была рассчитана на 2 часа 45 минут, причем в последние 15 минут планировалось произвести мощный огневой налет всей артиллерии на передний край обороны японцев.

До артиллерийской подготовки авиация должна была произвести одновременный мощный удар

скоростными бомбардировщиками по боевому расположению противника в целях уничтожения его живой силы и материальных средств; перед началом атаки планировалось сделать повторный налет на артиллерию и скопление его войск; с 9 часов 30 минут 20 августа необходимо было быть в готовности к действиям по резервам противника, не допуская их подхода к полю боя.

Истребительной авиации было приказано надежно прикрывать действия скоростных бомбардировщиков и наземные войска, вести разведку на себя и быть в готовности обрушиться всеми силами на подходящие резервы японцев.

Начало общего наступления назначалось на 20 августа.

Все вопросы, касающиеся подготовки наступления, его проведения и взаимодействия родов войск, сначала были тщательно проверены во время рекогносцировок на местности и только после этого отражены в специальных документах и таблицах. Военный совет перед наступлением провел проверку выполнения своих указаний, на месте исправляя все недочеты.

ПЛАН ЯПОНСКОГО КОМАНДОВАНИЯ

Японцы после провала июльского наступления временно отказались от широких наступательных действий. Командование Квантунской армии приказало войскам, действовавшим на территории Монгольской Народной Республики, создать прочную систему укреплений на восточном берегу Халхин-Гола и одновременно готовиться к новому наступлению.

Согласно указу японского императора 10 августа была сформирована 6-я армия, в которую и вошли войска, вторгшиеся на территорию Монгольской Народной Республики. На эту армию возлагалась задача уничтожения советско-монгольских войск. По всему фронту японцы строили оборонительные сооружения, подготавливая одновременно "генеральное" наступление. Замысел японского командования сводился к следующему: завлекая советско-монгольские части в долину реки Хайластын-Гол, собрать сильный "кулак" в районе "Больших Песков" (юго-восточнее Номон-Хан-Бурд-Обо) и ударом по правому флангу уничтожить их. "Генеральное" наступление было намечено на 24 августа. Однако этому плану не удалось осуществиться. Советско-монгольские войска,

перейдя в решительное наступление 20 августа, упредили противника.

Командующий армией генерал Огису Риппо большое значение придавал боевому духу подчиненных ему войск в предстоящей наступательной операции. 10 августа он издал приказ по армии, который был составлен в традиционном японском стиле того времени. В приказе говорилось:

"Получив приказ об организации заново 6-й армии, мы приняли этот великий приказ, склонив головы... Наша радость по этому поводу безмерна... Быстрые и решительные мероприятия имеют важное значение для величия Императорской армии и для дальнейшего развития нашего государства".

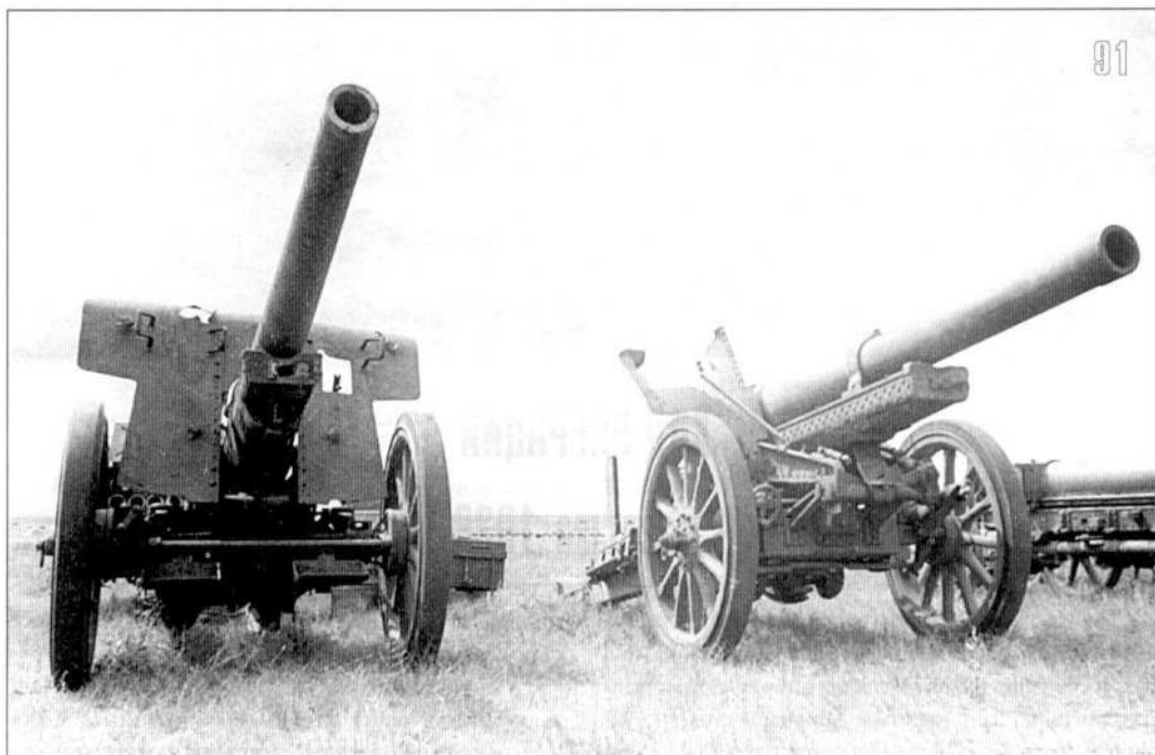
Генерал Риппо и его армейский штаб планировали наступление на 24 августа. При этом был учтен неудачный опыт боев за Баин-Цаган. На этот раз охватывающий удар намечался на правом фланге группировки советско-монгольских войск. Вновь, как и прежде, предполагалось обойти их, прижать к болотистым берегам Халхин-Гола и полностью там уничтожить.

89. Совместная фотография советско-монгольской и японской делегаций на переговорах по прекращению огня в районе реки Халхин-Гол. Слева сидит заместитель командующего 1-й армейской группой комбриг М.И. Потопов. 17 сентября 1939 года, 16 часов (АВЛ).

89. The Soviet-Mongolian and Japanese delegation group photo during the cease-fire negotiations in the Halha region. To the left is a deputy to the 1st Army Group commander colonel M.I. Potapov. 17 September 1939.

90-92. Артиллерия японской армии, захваченная советскими войсками. На фотографиях 90, 91 – 150-мм тяжелые полевые пушки образца 1918 года. На фотографии 92 – 220-мм орудие тяжелой артиллерии. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

90-92. Captured by the Soviet troops IJA artillery. On the photos number 90, 91 there are 150-mm heavy field guns vinture 1918. On the photo number 92 there is a 220-mm heavy artillery gun. The Halha region, August 1939.

ХОД ОПЕРАЦИИ

(20-31 августа 1939 года)

По характеру боевых действий и задачам, выполненным советско-монгольскими войсками в процессе наступления, всю операцию можно разделить на три периода: первый - с 20 по 23 августа; второй - с 24 по 27 августа; третий - с 28 по 31 августа.

Утром 20 августа войска 1-й армейской группы перешли в общее наступление по всему фронту.

В 5 часов 45 минут наша бомбардировочная авиация несколькими сотнями самолетов произвела мощный налет на передний край обороны японцев, на их ближайшие резервы и артиллерийские позиции. Советско-монгольская артиллерия своим огнем подавила зенитные батареи врага. В результате удара с воздуха в тылу противника вспыхнули пожары.

После налета авиации началась мощная артиллерийская подготовка.

За 15 минут до атаки наша авиация нанесла повторный удар. Затем последовал шквальный огневой налет всей артиллерии на передний край обороны японцев.

Утренний туман позволил нашей пехоте скрытно занять исходное положение, а местами -

приблизиться к врагу настолько, что можно уже было предпринять бросок в атаку.

В 9 часов началась атака по всему фронту. Наш удар был настолько неожиданным для противника, что в течение первых полутора часов он не сделал ни одного ответного артиллерийского выстрела.

В первый же день наступления командование 6-й японской армии оказалось в заблуждении, так и не сумев определить главное направление удара советских войск. На поле боя был найден приказ командира 23-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Камацубары, датированный 20 августа. Он гласил: "Противник наступает равномерно по всему фронту, а главный удар наносит на северном участке по высоте Фуи". На самом же деле главный охватывающий удар с начала операции наносила Южная группа советских войск.

В этот день наступления наибольших успехов достигла именно Южная группа. Ее 8-я кавалерийская дивизия (Монгольской Народно-революционной армии), отбросив мелкие части баргутской конницы, вышла на фронт высоты Эрис-Улуйн-Обо, высоты Хулат-Улуйн-Обо. Дальнейшее наступление дивизии было

93. Советский командир подсчитывает захваченные у японских войск трофеи. На переднем плане несколько 70-мм пехотных орудий Тип 92. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

93. A soviet commander is counting IJA salvage. In the foreground there are several Type 92 70-mm infantry guns. The Halha region, August 1939.

94. Танки БТ-7 из состава 11-й танковой бригады перед атакой японских позиций. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

94. BT-7 tanks of the 11th tank brigade before the Japanese positions attack. The Halha region, August 1939.

приостановлено, так как оно было связано с переходом государственной границы. В этом районе 21 августа на нашу сторону с оружием в руках перешло до 250 человек баргутов и китайцев. В течение всего последующего хода операции 8-я кавалерийская дивизия оставалась на занятом рубеже, обеспечивая правый фланг, а затем и тыл Южной группы.

57-я стрелковая дивизия вела наступление в двух эшелонах.

В первом эшелоне наступали 127-й и 293-й стрелковые полки, во втором - 80-й стрелковый полк с задачей действовать из-за правого фланга 127-го стрелкового полка в направлении "Больших Песков".

К исходу первого дня наступления 57-я стрелковая дивизия, преодолевая упорное сопротивление врага, продвинулась правым флангом на 11-12 км и выполнила свою ближайшую задачу. Ее 80-й стрелковый полк к 19 часам вышел на северную кромку "Больших Песков", 127-й стрелковый полк успешно продвигался в северо-западном направлении к отметке 757; 293-й стрелковый полк, сбив подразделения вражеского прикрытия, приблизился непосредственно к переднему краю обороны японцев. Однако неоднократные атаки переднего края главной оборонительной позиции, предпринятые полком в этот день, японцы отбили. В четырехкилометровый разрыв, образовавшийся

95. Танки БТ-7 (с коническими башнями) из состава 6-й танковой бригады. На башнях танков в белом круге нанесены импровизированные двузначные тактические номера. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

95. BT-7 (with conical turrets) tanks of the 6th tank brigade. Improvised two-digit tactical numbers are painted on the tanks turrets in a white circle. The Halha region, August 1939.

между 80-м и 127-м стрелковыми полками, в котором оставались мелкие группы противника, 21 августа был введен разведывательный батальон 57-й стрелковой дивизии.

8-я мотоброневая бригада, с трудом преодолевая полосу песчаных бугров, к исходу 20 августа вышла в район 3-4 км юго-западнее Номон-Хан-Бурд-Обо. Ее разведка достигла линии государственной границы юго-восточнее этой горы.

6-я танковая бригада в этот день участия в бою не принимала, так как опоздала выйти в назначенный ей исходный район.

В ночь с 18 на 19 августа по наведенным саперами понтонным переправам началось выдвижение советских стрелковых и танковых частей на восточный берег реки Халхин-Гол. Наведенный саперами понтонный мост не мог выдержать тяжести танков, вследствие чего было принято решение о форсировании танками реки вброд. Поскольку глубина брода достигала 1,5 м, танкисты использовали подручный материал, изготовили удлиняющие насадки на выхлопные трубы машин, выведя их выше уровня воды. Все люки и всевозможные щели корпусов и башен танков были уплотнены брезентом и промазаны солидолом. В темное время суток провели пробные погружения танков и сделали промеры глубины реки, проверили дно, в береговых откосах сделали спуски к воде. Поперек реки натянули стальной трос для указания направления движения.

В ночь на 20 августа 1939 года бригада приступила к форсированию реки, и танки с выключенными фарами медленно двинулись через реку, погружаясь в воду по основаниям башен. На рассвете появилась авиация противника и стала бомбить места переправ. Форсирование реки затянулось на весь день, но несмотря на

96. Раненый боец 82-й стрелковой дивизии Красной Армии. Центральная группа войск, район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

96. A wounded soldier of the 82nd rifle division of the Red Army. The Central Troops Group, the Halha region, August 1939.

97. 152-мм гаубица образца 1909/1930 годов из состава 57-го гаубичного артиллерийского полка ведет огонь по позициям японских войск. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

97. A 152-mm howitzer vintage 1909/1930 of the 57th howitzer artillery regiment is firing on the Japanese positions. The Halha region, August 1939.

воздействие противника, танки благополучно преодолели преграду и на следующий день бригада вступила в бой.

Центральная группа в первый день наступления продвинулась незначительно. 82-я стрелковая дивизия, имея перед собой сильные узлы сопротивления японцев в районе сопки "Песчаная" и высоты "Зеленая", весь день вела упорный огневой бой и к исходу дня продвинулась только своими флангами на 500-1500 м. Ближайшую задачу - овладение сопкой "Песчаная" и высотой "Зеленая" - дивизия выполнить не смогла.

36-я мотострелковая дивизия наступала с 5-й стрелково-пулеметной бригадой, нанося главный удар левым флангом. 5-я стрелково-пулеметная бригада и 149-й стрелковый полк активными действиями сковали противника. В то же время 24-й мотострелковый полк, усиленный танковым батальоном 57-й стрелковой дивизии, успешно продвигаясь вперед, уничтожил передовые огневые точки врага и к исходу дня вышел к опорному пункту противника на высоту "Песчаник". Встретив здесь сильный огонь, полк далее продвинуться не смог и с наступлением темноты закрепился на достигнутом рубеже.

Северная группа стремительным ударом отбросила за линию границы два полка баргутской конницы и 20 августа овладела передовыми позициями противника, подойдя непосредственно к сильно укрепленному узлу сопротивления, расположенному в районе высоты Фуи ("Палец"). Попытка овладеть с хода этим узлом сопротивления не увенчалась успехом. Части Северной группы вынуждены были развернуть свои главные силы. Завязался ожесточенный бой.

Противник, оказывая яростное сопротивление, отбивал все атаки частей Северной группы.

Почувствовав угрозу на флангах, японское командование с наступлением темноты начало производить перегруппировку. По оценке командира 23-й японской пехотной дивизии генерал-лейтенанта Камацубара, главный удар советско-монгольских войск наносился по правому флангу позиции японцев. В действительности же наши войска наносили главный удар своей Южной группой по левому флангу. Чтобы остановить наступление Северной группы, японское командование приняло меры к усилению узла сопротивления в районе высоты Фуи. С этой целью оно перебросило в район этой высоты 26-й пехотный полк и расположило его на отсечных позициях фронтом на север. Одновременно Северный охранный отряд получил задачу прочно удерживать частью сил район западнее озера Яньху, а главными силами обеспечить тыл и правый фланг японских войск.

Считая положение своих войск, оборонявшихся в центре, наиболее прочным, японцы сняли отсюда один из полков (72-й) и вывели его в резерв на случай парирования ударов с флангов.

Развивая успех, достигнутый в первый день наступления, советско-монгольские части в последующие дни продолжали упорную борьбу внутри оборонительной полосы японцев. На участке Южной группы 6-я танковая и 8-я мотобронева бригады, обойдя фланг противника и с большим трудом преодолевая естественные препятствия, к исходу 21 августа заняли весь район "Больших Песков". Таким образом, наши подвижные соединения уже на второй день наступления вышли на пути отхода южной группировки японцев на восток.

Действуя на правом фланге 1-й армейской группы в первом эшелоне совместно со стрелковым полком и монгольским конным дивизионом, 6-я танковая бригада в составе трех батальонов (4-й батальон действовал в составе 9-й мотобронебригады) прорвалась в глубину обороны противника и, маневрируя, начала штурмовать его опорные пункты с тыла. За период боев с 21 по 23 августа 6-я танковая бригада потеряла 15 танков сгоревшими и 20 подбитыми, уничтожив до двух пехотных батальонов противника. Аналогичную боевую задачу на левом

фланге в составе Северной группы выполняли 2 танковых батальона 11-й танковой бригады.

В то же время стрелковые части Южной группы 22 августа глубоко вклинились в основную оборонительную полосу противника, разгромили его ближайшие тактические резервы и захватили ряд артиллерийских позиций. Стремительными ударами они расчленили оборону японцев на ряд терявших между собой связь узлов, блокировали их и последовательно уничтожали. Каждую огневую точку приходилось брать штурмом. При этом большую роль сыграли наша артиллерия и огнеметные танки. Орудия всех калибров, в том числе и 152-мм, выдвигались на открытые позиции и прямой наводкой с близких дистанций расстреливали огневые точки врага. Огнеметные танки выжигали живую силу из блиндажей и подземных укрытий, а пехота ручными гранатами и штыками довершала истребление японских солдат и офицеров. Особенно упорное сопротивление оказали два опорных пункта, располагавшиеся в 4-5 км к югу от реки Хайластын-Гол. Части 57-й стрелковой дивизии блокировали их и при содействии огнеметных танков уничтожили японские гарнизоны.

К исходу 23 августа вся оборонительная полоса японцев на участке наступления Южной группы была взломана. Остался не взятым только один опорный пункт в районе отметки 757. В то же время 8-я мотобронева бригада, вышедшая к государственной границе юго-восточнее Номон-Хан-Бурд-Обо, заняла оборону фронтом на северо-восток и окончательно отрезала пути отхода южной группировки врага.

На участке Центральной группы продвижение частей 82-й и 36-й стрелковых дивизий было незначительным. Здесь противник по-прежнему оказывал упорное сопротивление на подступах к сопке "Песчаная" и высоте Ремизова.

Северная группа в течение 21-22 августа не смогла овладеть высотой Фуи. Вместо того чтобы частью сил блокировать эту высоту, а главными силами продолжать стремительное наступление в южном направлении, командующий Северной группой продолжал безрезультатные атаки.

Оказывая ожесточенное сопротивление, противник подтянул к высоте часть своих резервов и задержал продвижение Северной группы.

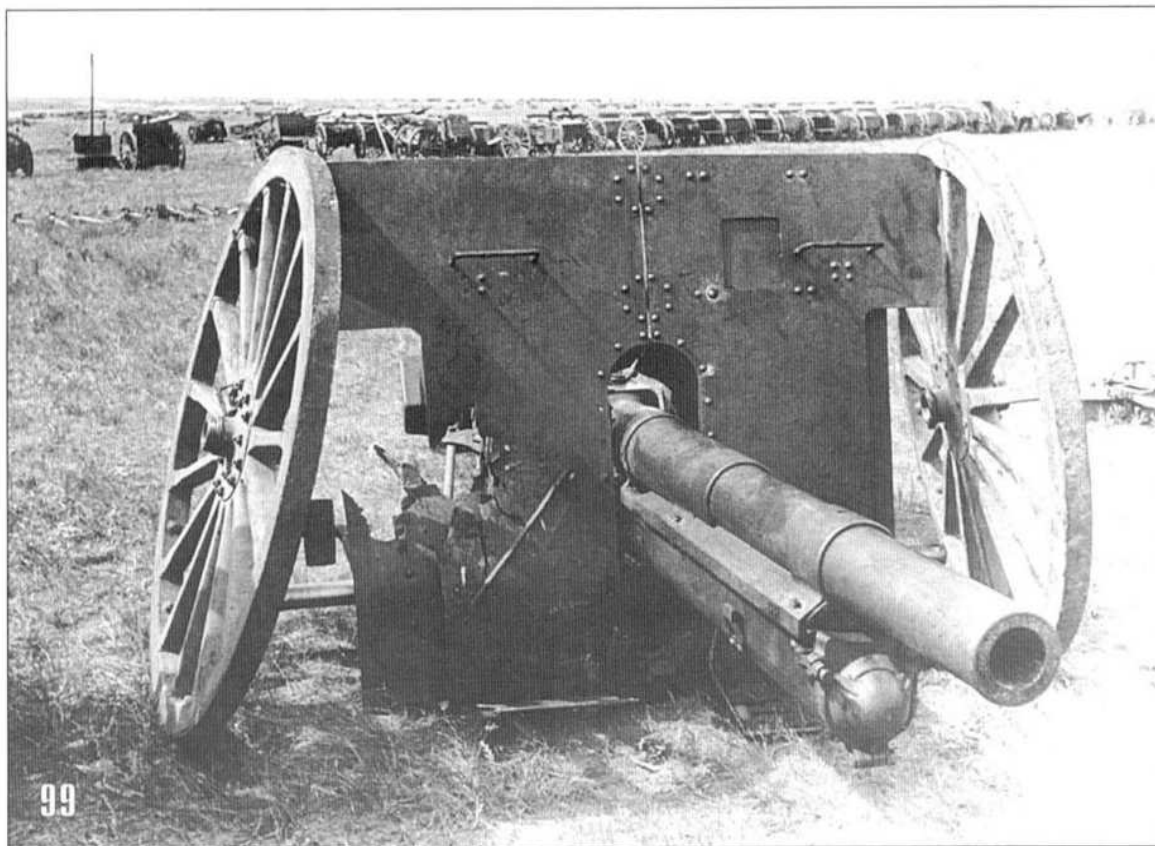
Несколько дней и ночей продолжались ожесточенные бои, которые приняли очаговый характер. Стойкость японского солдата имела свою подоплеку. Командиры внушали ему, что, попав в плен, он все равно будет расстрелян, но прежде его будут истязать до полусмерти. И такое "моральное" воздействие во многих случаях достигало своей цели. В ряде случаев японские военнослужащие на Халхин-Голе фанатично дрались до последнего человека. Нередко вражеские блиндажи и дзоты переходили в руки красноармейцев тогда, когда там уже не было ни одного живого японского солдата.

По приказу командующего 1-й армейской группой в помощь Северной группе еще 21

98. Расчет 45-мм противотанковой пушки образца 1932 года из состава 37-го противотанкового дивизиона в засаде. Южная группировка войск, район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

98. A 45-mm antitank gun vinture 1932 crew from the 37th antitank division in ambush. The Southern Troops Group, the Halha region, August 1939.

99. Японская трофейная 75-мм пушка Тип 38 (образца 1905/1925 годов). Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

99. A Type 38 75-mm Japanese captured gun venture 1905/1925. The Halha region, August 1939.

100. Танки БТ-7 (с цилиндрическими башнями) 6-й танковой бригады на марше. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

100. The 6th tank brigade BT-7 (with cylindrical turrets) tanks are moving forward. The Halha region, August 1939.

101. Посол СССР в Монголии В.И. Иванов осматривает трофейные боеприпасы японской армии. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

101. The USSR Ambassador to Mongolia V.I. Ivanov is examining captured IJA ammunition. The Halha region, August 1939.

августа была выдвинута из резерва 9-я мотоброневая бригада. Бригаде была поставлена задача, не задерживаясь у высоты Фуи, наступать вдоль границы с севера в направлении Номон-Хан-Бурд-Обо с целью перехвата путей отхода северной группировки противника и уничтожения его складов в районе озера Узур-Нур. Выполняя поставленную задачу, 9-я мотоброневая бригада, усиленная одним танковым батальоном 6-й танковой бригады, обошла высоту Фуи с востока и, продвигаясь вдоль государственной границы, 22 августа произвела частью сил налет на базу японцев в районе озера Узур-Нур. Наши танкисты разгромили автоколонну противника, подожгли склады с горючим и боеприпасами и уничтожили батарею, прикрывавшую японскую базу. Уничтожение базы дезорганизовало снабжение япономаньчжурских войск.

Между тем борьба в районе высоты Фуи продолжалась.

Блокированный со всех сторон, японский гарнизон продолжал отбивать все атаки. Противник имел здесь сильные оборонительные сооружения, опоясывавшие высоту со всех сторон. Глубоко врытые в землю блиндажи имели мощные перекрытия, связывались широко разветвленными ходами сообщения и прикрывались проволочными заграждениями.

Только к исходу 23 августа частям Северной группы, усиленной дополнительно 212-й авиадесантной бригадой, удалось сломить сопротивление врага. Японцев пришлось выбивать ручными гранатами и штыками буквально из каждой щели. В плен никто из них не сдавался; после боя из окопов и блиндажей было извлечено свыше 600 трупов японских солдат и офицеров.

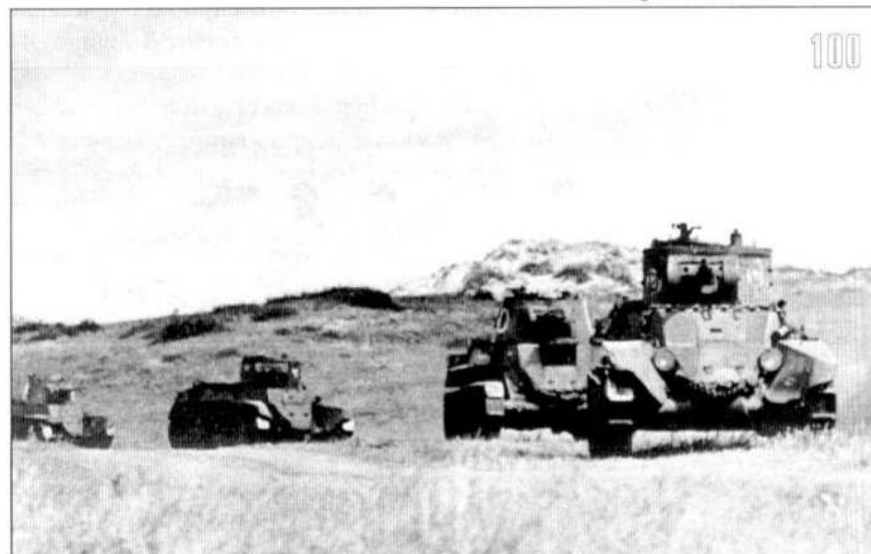
Овладев высотой Фуи, Северная группа продолжала наступление в юго-восточном направлении.

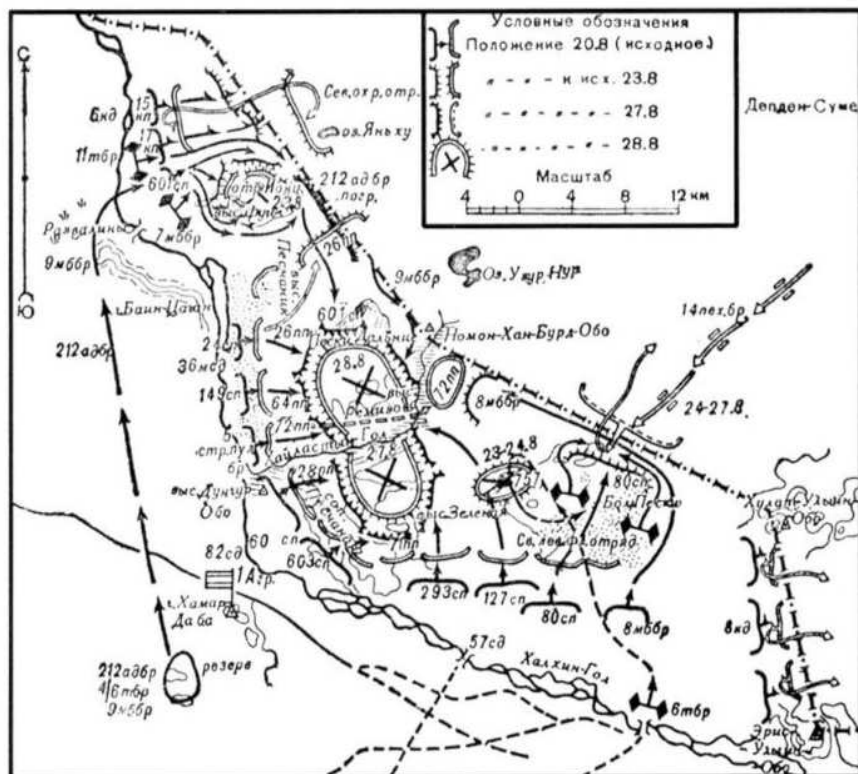
В то же время 9-я мотоброневая бригада, получив усиление - 2 роты пограничников на автомашинах и стрелково-пулеметный батальон 11-й танковой бригады, - 23 августа достигла Номон-Хан-Бурд-Обо и отрезала пути отхода северной группировке японцев на восток. На другой день бригада вошла в огневую связь с частями 8-й мотоброневой бригады Южной группы, замкнув таким образом кольцо окружения противника.

Не менее напряженные бои в первом периоде операции вели наши Военно-Воздушные Силы, оказывая большую помощь наземным войскам. За один только день 21 августа бомбардировщики советской авиации произвели 256 самолетовылетов по районам озера Узур-Нур, Номон-Хан-

Боевые действия в районе реки Халхин-Гол с 20 по 31 августа 1939 года.

Operations in the Halha region from 20 to 31 August 1939.

Бурд-Обо, Джин-Джин-Суме, озера Яньху, Ганьчжур и по железной дороге Халаун-Аршан - Ганьчжур. Они сбросили свыше 86 000 кг авиабомб различных калибров.

Таким образом, уже в конце первого периода операции наши подвижные соединения завершили окружение противника. Стрелковые части, взаимодействуя с танками и авиацией, прорвали передний край и расчленили всю оборонительную систему японцев на ряд потерявших между собой связь очагов, которые успешно ликвидировались наступающими войсками.

К 24 августа у японцев оставались еще три крупных узла сопротивления. Первый находился на северном берегу реки Хайластын-Гол, в районе высоты Ремизова; второй и третий - на южном берегу, в районах сопки "Песчаная" и высоты "Зеленая".

В своем приказе командующий 1-й армейской группой на 24 августа поставил войскам задачу - ликвидировать остатки южной группировки противника и подготовить исходное положение для наступления и уничтожения японцев севернее реки Хайластын-Гол.

Для этой цели он приказал командующему Южной группой объединить действия 57-й и 82-й стрелковых дивизий, обеспечивая себя с востока 80-м стрелковым полком, а также 8-й мотоброневой бригадой и 8-й кавалерийской дивизией Монгольской Народно-революционной армии, атаковать и полностью уничтожить противника южнее реки Хайластын-Гол.

К исходу дня Южная группа должна была подготовить выход 57-й стрелковой дивизии с 603-м полком 82-й стрелковой дивизии на северный берег реки Хайластын-Гол.

36-й мотострелковой дивизии в течение 24 августа надлежало подготовиться к наступлению 25 августа на северную группировку японцев, организовав взаимодействие с соседними частями Северной и Южной групп.

Северная группа получила задачу выйти в район "Пески Дальние" и, войдя в непосредственную связь с левым флангом 36-й мотострелковой дивизии и с правым флангом 9-й мотоброневой бригады, также быть готовой к наступлению против северной группировки врага.

Таким образом, идея решения командующего 1-й армейской группой состояла в том, чтобы, обеспечивая частью сил извне действия главной группировки, плотным кольцом сжать окруженного противника и концентрическими ударами последовательно уничтожить его сначала на южном берегу Хайластын-Гола, а затем и на северном.

В течение 24 августа 57-я стрелковая дивизия продолжала успешно ликвидировать остатки опорных пунктов японцев. К исходу дня ее 127-й стрелковый полк уже вышел непосредственно на южный берег реки Хайластын-Гол, войдя в связь своим правым флангом с 8-й мотоброневой бригадой; 293-й полк также продолжал успешно продвигаться на север. Однако на участке

102. Очередную высоту взяли бойцы 57-й стрелковой дивизии. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

102. The 57th rifle division soldiers took the next height. The Halha region, August 1939.

Центральной группы 82-я стрелковая дивизия не смогла добиться успеха. Японцы, стянув в район сопки "Песчаная" и высоты "Зеленая" все остатки своих сил и огневых средств, находившихся на южном берегу Хайластын-Гола, оказывали упорное огневое сопротивление.

На участке Северной группы 9-я мотобронева бригада, успешно ведя бой с противником, прочно заняла район Номон-Хан-Бурд-Обо.

Бой 24 августа проходил в условиях сильной жары. Температура на градуснике днем достигла отметки 40°. Палящее солнце и беспощадный зной сдерживали натиск и без того утомленных батальонов. В штаб Жукова стали поступать доклады о необходимости передышки в ходе наступательной операции. Однако комкор Г. К. Жуков был категоричен: продолжать наступать. Он опасался, что к месту прерванного сражения могут подойти свежие войска японской Квантунской армии.

Чтобы разорвать кольцо окружения и оказать помощь своим частям, японское командование 24 августа предприняло наступление юго-восточнее Номон-Хан-Бурд-Обо двумя полками 14-й пехотной бригады, подошедшей с востока. Удар противника извне оказался направленным на 80-й стрелковый полк, который занимал оборону по северо-восточной кромке "Больших Песков". Полк стойко выдержал все атаки врага и нанес ему своим огнем значительные потери.

25 августа противник вновь перешел в наступление, нанося удар в стык между внутренними флангами батальонов 80-го полка. Атака японцев сопровождалась массированным налетом авиации. Враг напрягал все усилия, чтобы деблокировать окруженную группировку.

Но и на этот раз он не имел успеха. В помощь 80-му стрелковому полку из резерва были

выдвинуты 6-я танковая бригада и 1-й полк 82-й стрелковой дивизии.

В период с 24 по 27 августа 6-я танковая бригада участвовала в боях совместно с 80-м стрелковым полком, прикрывая Южную группу наших войск с востока. В ходе проведения контратаки противник допустил ряд тактических просчетов, оставив свои фланги открытыми. Это обстоятельство дало возможность широкого маневра для наших танков, которые с флангов расстреливали наступающих, не переходя в атаку. За двое суток боев противник понес большие потери и вынужден был перейти к обороне.

26 августа командующий Южной группой решил контратаковать наступавшего противника, чтобы окончательно ликвидировать его попытки деблокировать окруженную группировку. Эта задача была возложена на 6-ю танковую бригаду. Свой удар танки должны были нанести двумя группами из-за флангов 80-го полка и в такое время, когда японцы, начав атаку, приблизятся к его расположению.

26 августа наши войска атаковали японцев с флангов силами одного стрелкового батальона, трех танковых и двух стрелковых рот. Противнику был нанесен большой урон, но он упорно сопротивлялся. Потеряв 2 танка сгоревшими и 6 подбитыми, наши части отошли на исходные позиции.

Сильным артиллерийским огнем противнику удалось остановить наступление левой группы наших танков, но правая группа, перейдя в атаку неожиданно для врага несколько позднее, подавила противотанковую артиллерию японцев, а огнем и гусеницами уничтожила свыше двух вражеских рот.

Понеся большие потери в трехдневных боях, противник был окончательно деморализован

ударами наших танков и после 26 августа прекратил атаки.

К исходу 26 августа стрелковые части Южной и Северной групп еще более прочно сомкнули кольцо окружения японских войск, окончательно отрезав им все пути отхода на восток.

В то же время наша авиация сильными ударами с воздуха эффективно преграждала подход к району боевых действий новых резервов врага. Только за два дня (24 и 25 августа) наши бомбардировщики произвели 218 самолетовылетов, подвергнув сильной бомбардировке районы Номон-Хан-Бурд-Обо, озера Узур-Нур, Халун-Аршана, Джин-Джин-Суме и станции Нуфунтай, сбросив 96 000 кг авиабомб; истребители провели 10 воздушных боев, сбив с 24 по 27 августа 74 самолета противника.

Между тем внутри кольца шла ожесточенная борьба. Противник, надеясь получить обещанную помощь, продолжал оказывать яростное сопротивление.

К 27 августа части 57-й и 82-й стрелковых дивизий, сжимая кольцо окружения, полностью блокировали японцев, оборонявшихся в районе сопки "Песчаная" и высоты "Зеленая".

В то же время на северном берегу Хайластын-Гола наши части с трех сторон вели концентрическое наступление на высоту Ремизова.

С запада и юго-запада наступали 24, 149-й стрелковые полки 36-й мотострелковой дивизии и 5-я стрелково-пулеметная бригада, с севера - 601-й стрелковый полк 82-й стрелковой дивизии; с востока наступала 9-я мотоброневая бригада, прикрывшись со стороны границы стрелково-пулеметным батальоном 11-й танковой бригады, двумя ротами пограничников и 212-й авиадесантной бригадой.

Приказом командующего 1-й армейской группой 27 августа войскам была поставлена задача окончательно уничтожить окруженного противника. Для выполнения этой задачи частям Северной группы приказывалось совместно с 36-й мотострелковой дивизией занять исходное положение не дальше 700-1000 м от подножья высоты Ремизова и после мощной трехчасовой артиллерийской подготовки одновременно атаковать укрепившихся на высоте японцев. Южная группа, начав атаку в 10 часов, должна была совместно с двумя полками (602-м и 603-м) 82-й стрелковой дивизии уничтожить японскую группировку в районе сопки "Песчаная" и высоты "Зеленая".

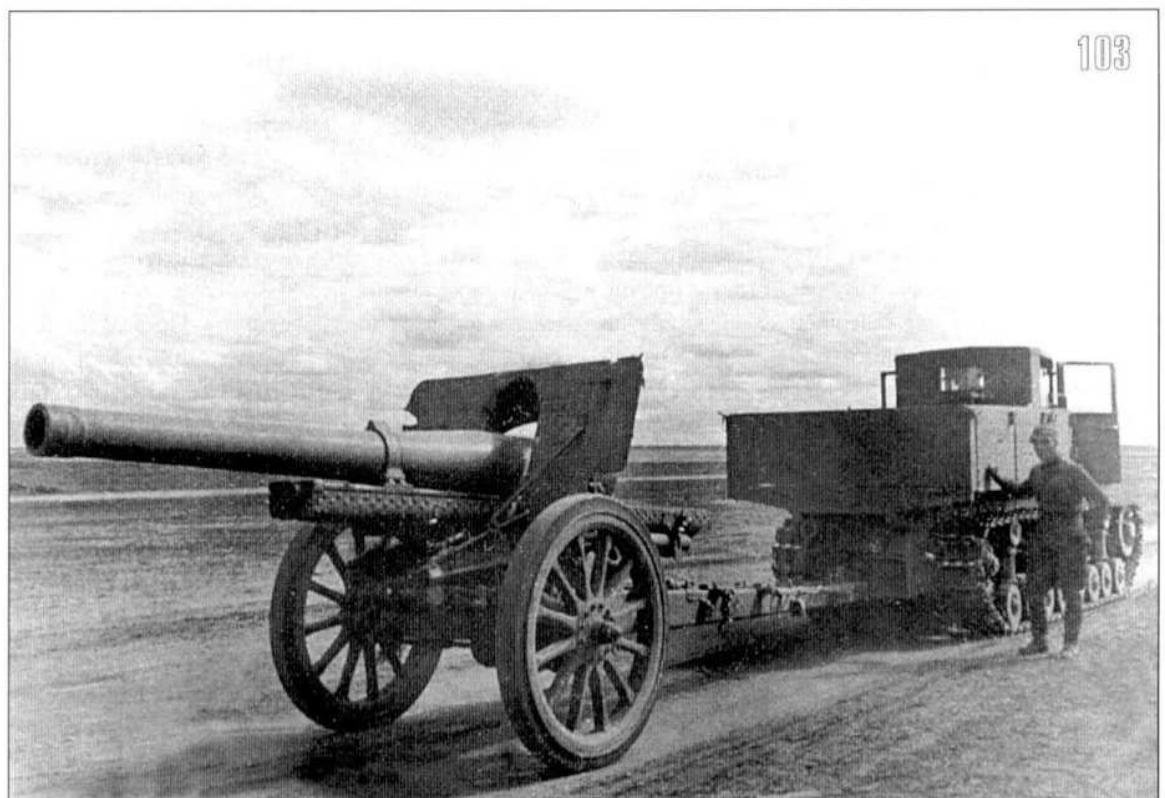
Не выдержав блокады и потеряв надежду на помощь извне, противник 27 августа еще до начала общей атаки наших войск сделал попытку выйти из окружения.

На рассвете группа японцев силой до батальона беспорядочной толпой начала отходить на восток по долине южного берега Хайластын-Гола. Ее накрыли сильным артиллерийским огнем, а затем атаковали; в атаке принимали участие разведывательная рота и одна из стрелковых рот 127-го стрелкового полка, занимавшего позиции непосредственно на южном берегу реки. В результате часть группы противника была уничтожена, а остальные, бросившись на северный берег, попали под огонь 9-й мотоброневой бригады и были полностью истреблены.

Около 11 часов еще одна группа японцев численностью до батальона с 75-мм батареями и несколькими станковыми пулеметами пыталась выйти на восток по южному берегу Хайластын-Гола, но была также встречена и атакована частями 57-й стрелковой дивизии и тоже полностью уничтожена.

103. Тяжелый гусеничный советский тягач "Коминтерн" эвакуирует захваченное у японцев 150-мм орудие в тыл. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

103. A "Komintern" heavy caterpillar soviet tractor is evacuating captured 150-mm japanese gun to the rear. The Halha region, August 1939.

104. Командующий 1-й армейской группой комкор Г.К. Жуков лично осматривает трофейное японское орудие. Район реки Хайластын-Гол, август 1939 года (АВЛ).

104. The 1st Army Group corps commander G.K. Jukov is examining a captured Japanese gun personally. The Halha region, August 1939.

В тот же день, в 17 часов, большая группа японских офицеров и унтер-офицеров пыталась выскочить из кольца, которое все больше и больше сжималось. Однако и она была уничтожена решительной атакой наших подразделений в районе переправы через Хайластын-Гол.

Истребив почти весь японский гарнизон, оборонявшийся в районе сопки "Песчаная" и высоты "Зеленая", при его попытках вырваться из окружения, части 57-й и 82-й стрелковых дивизий к исходу 27 августа полностью овладели всеми укреплениями на южном берегу Хайластын-Гола, а 127-й стрелковый полк переправился на северный берег реки.

К утру 28 августа противник оставался только на северном участке, в районе высоты Ремизова. Здесь японцы имели наиболее сильные укрепления, которые дали им возможность в течение 27 августа удержать эту высоту за собой.

Таким образом, с 24 по 27 августа войска 1-й армейской группы не только отразили все атаки противника, стремившегося деблокировать окруженную группировку, но и предприняли сильную контратаку. Этим было прочно обеспечено успешное завершение операции по уничтожению окруженного врага. Части Южной группы совместно с полками 82-й стрелковой дивизии успешно выполнили задачу разгрома очагов сопротивления японцев на южном берегу Хайластын-Гола и теперь могли быть использованы для удара с юга по узлу сопротивления в районе высоты Ремизова.

28 августа развернулась борьба за последний узел сопротивления в районе высоты Ремизова.

С переправой 127-го, а за ним и 293-го стрелковых полков 57-й стрелковой дивизии на северный берег Хайластын-Гола японский гарнизон, продолжавший сопротивление на этой высоте, был полностью блокирован со всех сторон.

Кольцо наших войск продолжало неудержимо сжиматься. Почти вся японская артиллерия к этому времени была выведена из строя нашими артиллеристами и танкистами. Противник мог пользоваться главным образом оставшимися у него минометами и пулеметами.

Еще в ночь на 28 августа часть вражеского гарнизона пыталась выйти из окружения. Группа японцев в 400 человек, скопившись в песчаных барханах, намеревалась скрытно пробраться на восток по северному берегу Хайластын-Гола, но была обнаружена. Для ликвидации противника выступили 2-й и 3-й батальоны 293-го полка. Переправившись через реку, они атаковали японцев и после отказа сложить оружие полностью истребили их в рукопашном бою.

Вечером 28 августа командир 24-го мотострелкового полка получил лично от командующего 1-й армейской группой задачу уничтожить противника, обороняющегося на высоте Ремизова, и не позднее 24 часов захватить вершину высоты.

Выполняя поставленную задачу, полк при поддержке танков атаковал высоту с севера и к 23 часам ворвался на ее вершину. Последний очаг сопротивления японцев был сломен. В течение ночи на 29 августа продолжалась ликвидация мелких разрозненных групп противника в районе высоты Ремизова. В последующие два дня наши части очищали район боевых действий от последних остатков разгромленного врага. К утру 31 августа территория Монгольской Народной Республики была полностью очищена от японских захватчиков.

28 августа в 21 час (по московскому времени) комкор Г. К. Жуков доложил Народному комиссару обороны СССР о ликвидации япономаньчжурских войск в приграничной полосе Монгольской Народной Республики:

"Москва - тов. Ворошилову.

Японо-маньчжурские войска, нарушившие границу МНР, частями 1-й армейской группы и МНР полностью окружены и уничтожены.

В 22.30 28.8 ликвидирован последний центр сопротивления - Ремизовская высота, где уничтожено до трех батальонов пехоты. Остатки - 100-200 человек, бежавшие в барханы, уничтожаются в ночном бою.

Граница МНР полностью восстановлена. Подробности особым донесением".

На этой победной жуковской телеграмме Народный комиссар обороны маршал К.Е. Ворошилов наложил следующую резолюцию:

"Тов. Сталину.

Направляю только что полученное донесение тт. Жукова и Калугина. Как и следовало ожидать, никаких дивизий в окружении не оказалось, противник или успел отвести главные силы, или, что вернее, больших сил в этом районе уже давно нет, а сидел специально подготовленный гарнизон, который теперь полностью уничтожен...

К. Ворошилов..."¹⁴

Последние схватки продолжались 29 и 30 августа на участке севернее реки Хайластын-Гол. И только к вечеру 31 августа стихли последние выстрелы на монгольской земле. Ни одного японского военнослужащего на ней больше не оставалось.

Все же помощь уничтожаемой 6-й Императорской армии могла прибыть. Командующий Квантунской армией генерал Кенкити Уэда сосредоточил для контрнаступления 3 свежие пехотные дивизии, усиленные другими войсками, но перейти в контрнаступление не успел. Настолько быстро комкор Г.К. Жуков завершил задуманную им наступательную операцию с самыми решительными конечными целями.

С 1 сентября советско-монгольские войска приступили к организации охраны и обороны государственной границы Монгольской Народной Республики.

Активные действия воздушных сил с обеих сторон продолжались и в последний период операции. С 28 по 31 августа советская авиация провела 4 воздушных боя с авиацией врага. Наиболее крупный бой разыгрался 31 августа. С советской стороны в нем принимали участие 126 истребителей, вылетевших для отражения воздушной атаки японских самолетов на боевые порядки нашей пехоты. Со стороны японцев в бою участвовало 27 бомбардировщиков и 70 истребителей. В результате боя японцы потеряли 22 самолета.

Всего с 28 по 31 августа наша авиация сбила 45 японских истребителей и 4 бомбардировщика.

После разгрома в районе между государственной границей Монгольской Народной Республики и рекой Халхин-Гол японцы пытались еще раз вторгнуться на территорию союзного нам государства.

Подтянув свежие части 2-й пехотной дивизии, они 4 сентября двумя пехотными батальонами предприняли наступление на высоту Эрис-Ульин-Обо, но контратакой советских частей, выдвинутых из резерва Южной группы, были отброшены, оставив на поле боя свыше 350 трупов.

В ночь на 8 сентября японцы в этом же районе пытались еще раз наступать, бросив для атаки четыре роты, но снова были отброшены с большими для них потерями.

Когда наземные части японцев были уже разбиты, воздушные бои достигли особого напряжения. В течение первой половины сентября советская авиация провела 6 воздушных боев. Наиболее крупным из них был бой 15 сентября, когда японцы, собрав все имевшиеся у них под

105. Труп японского пехотинца, убитого в боях за высоту Фуи. Солдат носил форму образца 1930 года и легкую обувь на резиновой подошве. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

105. A corpse of Japanese infantryman killed in the height Fui battles. The soldier wore uniform vinture 1930 and rubber base light shoes. The Halha region, August 1939.

106

106. Тяжелое 220-мм орудие японской армии, доставшееся советским войскам. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

106. A 220-mm IJA heavy gun captured by the soviet troops. The Halha region, August 1939.

рукой самолеты, решили нанести удар по нашим аэродромам, лишив тем самым советскую авиацию господства в воздухе. В этом заключительном бою со стороны противника участвовало 120 истребителей, с нашей - 207.

В результате боя японцы потеряли 20 самолетов, у нас не вернулось на свои аэродромы 6 самолетов.

Всего за сентябрь противник потерял в воздушных боях до 70 самолетов. Наши потери составили 14 машин. Таким образом, и эта попытка завоевать превосходство над советской авиацией окончилась для японцев полным провалом.

Получив сокрушительный отпор не только на земле, но и в воздухе, японцы через своего посла в Москве Сигэнори Того обратились к Советскому правительству с просьбой о прекращении боевых действий.

16 сентября 1939 года боевые действия были прекращены.

Затем состоялись переговоры по демаркации границы между Монголией и Маньчжоу-Го. 9 июня 1940 года государственная граница МНР была полностью восстановлена на прежней линии.

Командующий 6-й Императорской армией генерал Огису Риппо счастливо избежал с остатками своих войск уничтожения на монгольской территории. По всей видимости, в ходе сражения он утратил чувство реальности. В обращении к своим подчиненным 5 сентября 1939 года Риппо, самурай по происхождению и духу, писал следующее:

"Несмотря на то, что еще ранее был отдан приказ о переформировании 6-й армии, приходится со скорбью констатировать, что вследствие невыполнения этого приказа

осуществиться великой миссии по защите северо-западного района не удалось...

В настоящее время армия ведет в районе Джин-Джин-Сумэ подготовку к очередному наступлению. Командующий Квантунской армией решил этой осенью помочь нам самыми обученными войсками, находящимися в Маньчжурии, перебрасывает их к месту предстоящих боев под мое командование и намечает срочные мероприятия по разрешению конфликта...

Путь, по которому должны быть направлены мероприятия армии, только один, а именно: сделать армию единой и монолитной и немедленно нанести противнику сокрушительный удар, тем самым растереть в порошок его возрастающую наглость. В настоящее время подготовка армии успешно идет вперед.

Армия встретит предстоящую осень тем, что одним ударом прекратит эту мышиную возню и гордо покажет всему миру мощь отборных императорских войск. В армии все сверху донизу пронизаны решительным наступательным духом и уверены в неизбежности победы.

Армия всегда и всюду готова подавить и уничтожить противника с верою в своего первого маршала-императора"¹⁵.

Командующий японской 6-й армией генерал Огису Риппо выдавал желаемое за действительное. Поражение на Халхин-Голе для японцев обернулось и поражением в моральном плане. Тому есть достоверные сведения. Так, радиоразведкой советских войск был осуществлен радиоперехват радиogramмы начальника штаба Квантунской армии начальнику департамента личного состава Военного министерства Японии о необходимости перемещения на другие должности командира батареи 1-го полевого

107. Советские специалисты знакомятся с устройством 150-мм японских орудий Тип 89. Район реки Халхин-Гол, август 1939 года (АВЛ).

107. Soviet specialists are learning 150-mm IJA guns construction. The Halha region, August 1939.

тяжелого артиллерийского полка капитана артиллерии Цутия и адъютанта Мулинского тяжелого артиллерийского полка поручика Китамура по следующим мотивам:

"1. Во время номонханских боев капитан Цутия, страдая отсутствием духа артиллериста, который (дух) заключается в том, чтобы соединить свою судьбу с судьбой массы, забрался в траншею и, пролежав там, вернулся с боевых операций.

Ввиду того, что полк создается заново, дальнейшее пребывание капитана Цутия в настоящей должности не представляется возможным. Поэтому необходимо немедленно перевести его на другую должность вне войсковой части.

2. Поручик Китамура во время номонханских боев получил от командира полка приказ прорваться через окружение противника и подготовить необходимые мероприятия. Но поручик, заботясь лишь о собственной

безопасности, скрылся в траншею и, не удостоверившись даже в том, что полк полностью уничтожен, сбежал. Поэтому, ввиду того, что полк формируется вторично, Китамура в войсках оставаться не может.

3. Об административных мерах в отношении этих офицеров, а также остальных офицеров, проявивших саботаж в номонханском инциденте, доложу после подготовки материалов. Учитывая состояние полков, необходимо срочно переназначить вышеуказанных двух офицеров"¹⁶.

Перехваченная радиограмма из штаба Квантунской армии в Токио говорила не только о панических настроениях части японского офицерства во время боев на реке Халхин-Гол. Она подтверждала также фактическое уничтожение 1-го полевого тяжелого артиллерийского и Мулинского тяжелого артиллерийского полков, поскольку их пришлось формировать, по сути дела, заново.

108. Советско-японская делегация в день прекращения огня. Большинство офицеров японской делегации одеты в обмундирование образца 1930 года, а сидящий генерал – в форму образца 1938 года. Район реки Халхин-Гол, 17 сентября 1939 года (АВЛ).

108. The Soviet-Japanese delegation on the day of cease-fire. Most of the Japanese delegation officers are wearing uniform vintage 1930, and the general wears uniform vintage 1938. The Halha region, 17 September 1939.

ИТОГИ ОПЕРАЦИИ

За время боев на Халхин-Голе японские войска потеряли около 61 тысячи человек убитыми, ранеными и пленными, в том числе 45 тысяч - в июле и августе. Их потери только убитыми составили около 25 тысяч человек (по другим источникам - 17 045 человек). Это не менее 73% от общего числа участвовавших в боевых действиях войск. В ходе воздушных боев было сбито 660 японских самолетов. Императорская 6-я особая армия утратила почти всю свою боевую технику.

Потери советско-монгольских войск составили свыше 18 500 человек (совокупно убитыми, ранеными, пропавшими без вести и попавшими в плен, больными). В боях на Халхин-Голе погибло и умерло от ран на этапах санитарной эвакуации 6831 человек рядовых бойцов и командиров (из них 1063 командира-офицера). Из числа погибших умерли в госпиталях 647 человек, получивших тяжелые ранения. 28,5% всех боевых ранений пришлось на руки. Советская авиация потеряла в воздухе и на земле 207 самолетов.

За мужество и героизм в боях на Халхин-Голе 70 командирам и бойцам Красной Армии было присвоено звание Героя Советского Союза. 21 человеку это звание было присвоено посмертно. Среди Героев 33 человека были танкистами и 23 - летчиками.

Всего было награждено свыше 17 тысяч красноармейцев и командиров 1-й армейской группы: орденами - почти 5 тысяч человек. Более 9 тысяч удостоились медали "За отвагу" и около 3 тысяч - медали "За боевые заслуги".

Орденосносными стали 24 соединения, части и подразделения. Среди них - 36-я мотострелковая дивизия, 100-я скоростная бомбардировочная авиационная бригада, 7-я мотоброневая бригада, 24-й стрелковый полк, 175-й артиллерийский полк, 22, 56-й и 70-й истребительные авиационные полки, отдельная специальная танковая рота огнеметных танков и другие.

Героизм и отвагу проявили монгольские воины: более 400 человек были награждены орденами и медалями, 6-я и 8-я кавалерийские дивизии были награждены монгольским орденом Красного Знамени. 6-я кавдивизия, как наиболее отличившаяся в боях, стала носить имя Сухэ-Батора.

Пленных в сражении на Халхин-Голе оказалось крайне мало. Стороны после окончания боевых действий провели два обмена военнопленными. Первый - 27 сентября 1939 года, когда советской стороной было освобождено 88 военнопленных. Второй - 27 апреля 1940 года, когда Японии вернули 116 человек. Обмен производился по принципу "один за один" - такое указание дал Народный комиссар обороны СССР маршал Ворошилов.

Приемом пленных с Халхин-Гола и дальнейшей "заботой" о них занимался Народный комиссар внутренних дел А.П. Берия. В справке НКВД СССР, датированной 3 марта 1940 года, о японских военнопленных, захваченных в период боев на монгольской территории, говорилось:

"В период событий на Халхин-Голе 19 июля 1939 года моботделом НКВД было предложено ГУЛАГу НКВД подготовить лагерь к приему военнопленных-японцев".

Такой лагерь был подготовлен в городе Нижнеудинске на 2000 человек.

В связи с тем что военнопленных оказалось только немногим более 100 человек и развертывать для их содержания специальный лагерь было признано нецелесообразным, военнопленные на основании шифротелеграммы Народного комиссара внутренних дел Союза тов. Берия от 30 октября 1939 года № 801 были водворены в отдельный корпус Читинской тюрьмы.

По сообщению начальника УНКВД по Читинской области капитана госбезопасности тов. Портного, в настоящее время в Читинской тюрьме находится 117 военнопленных-японцев.

Из них: 107 человек приняты в конце сентября 1939 года от штаба фронтовой группы. Среди этих 107 человек имеется 13 офицеров во главе с капитаном Като, которые именуют себя "Комиссией по уточнению границы". Взяты они были как нарушители границы, а официально числятся "перемещенными". Капитан Като заявляет, что они заблудились и нарушили границу "случайно". 10 человек офицеров и унтер-офицеров прибыли в Читинскую тюрьму из Бутырской тюрьмы в ноябре месяце по указанию СО ГУГБ НКВД СССР как направленные в распоряжение товарища Штерна.

Никаких указаний об их дальнейшем направлении УНКВД по Читинской области от штаба Забайкальского военного округа до сих пор не имеет.

Личные дела имеются только на 10 военнопленных, прибывших из Бутырской тюрьмы. На остальных военнопленных в тюремном отделе УНКВД имеются списки.

В настоящее время приступлено к заполнению опросных листов и заводятся личные дела.

Начальник 1-го отдела Управления НКВД по делам военнопленных Тишков".

Бои в районе реки Халхин-Гол показали, что противопульная броня легких танков Т-26, БТ-5 и БТ-7, а также пушечных бронеавтомобилей БА-6 и БА-10 пробивается 37-мм снарядами японских противотанковых орудий. Отсюда был сделан вывод о необходимости разработки модели танка с противоснарядной броней, защищающей от огня противотанковых орудий калибра 37-47 мм.

Действия авиации противника, применение им крупнокалиберных пулеметов, шестовых мин, ручных гранат и бутылок с зажигательной жидкостью, противотанковых мин не дали существенно-го эффекта в борьбе с советскими легкими танками (всеми этими средствами было выведено из строя только несколько танков).

Лучшие динамические качества показали танки БТ-5 и, особенно, БТ-7. Для действий в пустынной местности они оказались более подходящими, чем другие танки. Танки Т-26, несмотря на недостаточную мощность их моторов, все же

удовлетворительно маневрировали по песчаным барханам.

Во время боев в мае 1939 года было установлено, что броня малых плавающих танков Т-37А толщиной в 9-мм пробивается бронебойными пулями японских винтовок и крупнокалиберных пулеметов. Выяснилось также низкая проходимость Т-37А на песчаных грунтах. В связи с этим в дальнейших боевых действиях на реке Халхин-Гол эти малые плавающие танки не участвовали и использовались только для связи.

Высокие боевые качества показали огнемётные танки ОТ-26 и ОТ-130 (Т-130), наводившие ужас на японскую пехоту и эффективно уничтожавшие ее как на открытой местности, так и в укрытии. Однако оказалось, что эти танки обладали недостаточной дальностью огнемётания (45-50 м).

Опыт боевых действий показал практическую невозможность использования тяжелых пушечных бронеавтомобилей БА-6 и БА-10 на переднем крае и в глубине обороны противника ввиду их низкой проходимости из-за недостаточной мощности двигателя и других недостатков. Поэтому после конфликта на реке Халхин-Гол новых бронеавтомобильных соединений не создавалось.

Основные потери советские танковые части несли от огня вражеской артиллерии и, в частности, от 37-мм противотанковых пушек и 70-мм батальонных гаубиц Тип 92. Тем не менее, в ходе боев все подбитые и аварийные танки эвакуировались линейными танками на сборные пункты аварийных машин танковых батальонов, где производился их ремонт, в основном агрегатным способом. Для эвакуации подбитых машин каждой роте выделялись два танка, которые, двигаясь за их боевыми порядками, вели бой, а когда представлялся удобный момент, производили эвакуацию поврежденных машин. Только в одной 6-й танковой бригаде за период с 21 по 30 августа было восстановлено 49 подбитых танков. За доблесть и мужество, проявленные личным составом в боях на Халхин-Голе, 6-я танковая бригада была награждена орденом Боевого Красного Знамени.

Потери советско-монгольских войск в танках резко сократились в августе 1939 года в ходе общего контрнаступления за счет применения нового тактического приема: на флангах атакующих танковых подразделений скачками передвигались 2 и более батареи орудий полевой артиллерии (76,2-мм пушки на мехтяге), одна из которых вела огонь, другая в это время производила выдвижение. Батареи вели огонь прямой наводкой по противотанковым орудиям противника. В ходе боев выявились и недостатки в подготовке личного состава, в управлении подразделениями и частями в бою. Командный и рядовой состав недостаточно хорошо знал перископический прицел и почти им не пользовался. Кроме того, башенные стрелки слабо знали устройство танковой пушки и не могли быстро устранять мелкие неисправности. Крупные недочеты были допущены в организации взаимодействия между танками и пехотой. Времени на организацию взаимодействия между

частями и соединениями часто не отводилось и нередко танкистам приходилось уяснять задачи уже в ходе боя.

Управление в бою в звене "рота-взвод" в большинстве случаев часто терялось и осуществлялось личным примером. Командиры батальонов и бригад управляли либо с командного пункта, либо из танка при помощи офицеров связи на танках. Радио явно недооценивалось командирами и мало использовалось для управления частями. К тому же и технические качества танковых радиостанций были низкими. Имевшиеся на командирских танках поручневые антенны часто повреждались осколками, и, кроме того, антенны демаскировали командирские машины. В процессе боевых действий на линейные танки стали устанавливать ложные антенны. Были выявлены также недочеты при проведении маршей на большие расстояния, особенно в организации службы регулирования¹⁷.

В целом опыт эксплуатации техники и ряд тактических вопросов, успешно реализованных в боях с японскими войсками, имели большое значение для развития теории и практики боевого применения советских танковых войск.

Главный итог боев на Халхин-Голе, по мнению многих исследователей, состоит в том, что сокрушительное поражение японских войск во многом повлияло на решение правящих кругов Страны восходящего солнца не сотрудничать с гитлеровской Германией в ее нападении на Советский Союз в июне 1941 года. Такова была цена разгрома на монгольской границе 6-й особой японской армии и цвета авиации Квантунской армии. События на реке Халхин-Гол стали наглядным уроком для официального Токио и императорского генералитета, вышедшего из сословия самураев.

В Стране восходящего солнца из столкновения с советской армией на монгольской границе быстро сделали надлежащие и самые серьезные выводы, но не меняющие милитаристской устремленности Японии перед самым началом II мировой войны. Уже 4 сентября 1939 года влиятельнейшая японская газета "Асахи" вышла с передовой статьей, посвященной анализу конфликта на Халхин-Голе, в которой редакционные аналитики писали следующее:

"Наши военные власти из этих событий вынесли поучительный урок о том, что в будущем военные приготовления нужно довести до совершенства. Военные власти достаточно глубоко продумали этот урок. Нужно до предела насытить армию моторизованными частями. В этом кроется глубочайший смысл событий последнего времени. До сих пор народ не знал до какой степени оснащены моторизованные части Советского Союза. Теперь найдется немало людей, пораженных такой неожиданностью...

Нам нужно твердо усвоить урок, полученный в районе Номонхана. Нужно подготовиться, подтянуться и всеми силами стремиться к завершению обороны страны не только морально, но и материально. Мы почувствовали эту откровенную потребность".

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

1. Советско-монгольские отношения, 1921-1974. Документы и материалы. В 2-х томах. М., 1975, т. 1, с. 102.
2. История Монгольской Народной Республики, с. 36.
3. Советско-монгольские отношения, 1921-1974. Документы и материалы. В 2-х томах. М., 1975, т. 1, с. 104.
4. Другов П.И. Из опыта действий АБТВ на реке Халхин-Гол. Май - сентябрь 1939. Хабаровск, 1940, с. 48.
5. Советско-монгольские отношения, 1921-1974. Документы и материалы. В 2-х томах. М., 1975, т. 1, с. 104-105.
6. Другов П.И. Из опыта действий АБТВ на реке Халхин-Гол. Май - сентябрь 1939. Хабаровск, 1940, с. 54.
7. Советско-монгольские отношения, 1921-1974. Документы и материалы. В 2-х томах. М., 1975, т. 1, с. 108.
8. ЦГАСА, ф. 32262, оп. 1, д. 40, л. 14.
9. Новиков М.В. Победа на Халхин-Голе. М., 1971, с. 67.
10. Минц И. Из истории борьбы Красной Армии против японских захватчиков на Халхин-Голе в 1939 году. - Большевик, 1945, №15, с. 30.
11. Шишов А.В. Россия и Япония (история военных конфликтов). М., 2000, с. 499.
12. Там же, с. 500.
13. История Монгольской Народной Республики, с. 84.
14. Шишов А.В. Россия и Япония (история военных конфликтов). М., 2000, с. 524.
15. Там же, с. 527.
16. Там же, с. 530.
17. Там же, с. 534.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Боевые действия авиации в Монгольской Народной Республике. М., 1940.
2. Бои у Халхин-Гола. М., 1940.
3. Бронетанковые и механизированные войска Советской Армии. М., 1958.
4. Воронов Н. Н. На службе военной. М., 1963.
5. Ворожейкин А. В. Истребители. М., 1961.
6. Воротников М. Ф. Записки адъютанта. Новосибирск, 1970.
7. Герои Халхин-Гола. Пермь, 1966.
8. Действия 1-й армгруппы в Халхингольской операции (май - сентябрь 1939 г.). М., 1940.
9. Другов П. И. Из опыта действий АБТВ на реке Халхин-Гол. Май - сентябрь 1939. Хабаровск, 1940.
10. Дубинский А. М. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. М., 1966.
11. Желанов В. Н. Советская артиллерия в боях и операциях против японских войск в районе Халхин-Гола. М., 1953.
12. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1978, т. 1.
13. Инженерные войска в боях за Советскую Родину. М., 1970.
14. Новиков М. В. Победа на Халхин-Голе. М., 1971.
15. Плотников Г. К. Монгольская Народная армия. М., 1971.
16. Побратимы Халхин-Гола, 1939-1969. М., 1969.
17. Побратимы Халхин-Гола. М., 1979.
18. Попов А. А. Операция на реке Халхин-Гол. Май-сентябрь 1939 г. М., 1943.
19. Прочко И. С. Артиллерия в боях за Родину. М., 1957.
20. Румянцев Н. М. Герой Халхин-Гола. Саратов, 1964.
21. Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1979.
22. Соколов Б. Д. Войска связи Советской Армии в боях у реки Халхин-Гол. - В кн.: Труды Военной академии связи им. С. М. Буденного. Л., 1958, с. 65.
23. Смирнов В. От Мадрида до Халхин-Гола: Записки летчика, 2-е изд. Куйбышев, 1976.
24. Шишкин С. Н. Разгром японо-маньчжурских войск у р. Халхин-Гол в 1939 г.: Краткий оперативно-тактический очерк. М., 1945.
25. Шишкин С. Н. Боевые действия Красной Армии у реки Халхин-Гол в 1939 г. М., 1946.
26. Шишкин С. Н. Халхин-Гол. 2-е изд. М., 1954.
27. Шишов А.В. Россия и Япония (история военных конфликтов). М., 2000.
28. Яковлев Н. 3 сентября 1945 г. М., 1971.
29. Alvin D. Coox. Nomonhan. Japan against Russia, 1939. - Stanford University Press, Stanford, California, 1985.

ЯПОНСКИЕ ТАНКОВЫЕ ВОЙСКА В ОПЕРАЦИИ У РЕКИ ХАЛХИН-ГОЛ

(июль 2-4 июля 1939 года)

ФОРМИРОВАНИЕ СОЕДИНЕНИЯ

Первоначально Квантунская армия не намеревалась использовать танковые войска в районе Номонхана. С 4 по 7 июня 1939 года за несколько недель до операции по форсированию реки Халхин-Гол в Хсинкине проводились плановые учения на картах. Здесь присутствовали все начальники Квантунской армии: от командующего генерала Уэды (Ueda) до начальников и офицеров штабов дивизий из Восточной Маньчжурии, а также группа офицеров Генерального штаба армии из Токио, состоящая из 7 человек. Маневры, проводившиеся в соответствии с текущими оперативными планами, главным образом имели отношение к Восточному фронту в Китае. Оставшиеся районы, помимо авиации, влияющей на всю Маньчжурию, лишь просто упоминались. Военные игры, касающиеся фронта в районе Номонхана, не проводились. В действительности, командование Квантунской армии убедило группу офицеров из Генерального штаба в том, что Номонханский инцидент закончился и у Квантунской армии нет никаких новых замыслов. Успокоенные этой информацией офицеры после окончания учений на картах отправились на различные инспекционные задания. 9 июня 1939 года генерал-майор Ган Хашимото (Hashimoto Gan) и майор Ютака Имаока (Imaoka Yutaka) посетили штаб механизированной бригады под командованием генерал-лейтенанта Масаоми Ясуоки (Yasuoka Masaomi) в Кунгчулинге на юге Маньчжурии.

Два танковых полка бригады Ясуоки – 3-й (средний) танковый полк под командованием полковника Киётаки Йошимацу (Yoshimatsu Kiyotake) и 4-й (легкий) танковый полк под командованием полковника Йошио Тамада (Tamada Yoshio) – включали почти всю бронетехнику Квантунской армии. К августу планировалось увеличить вдвое танковые силы в Маньчжурии путем организации двух новых полков (9-го и 10-го) со средними танками Тип 97. Но в начале июня никто и не подозревал, что бригада Ясуоки готовилась для боевых действий в районе Номонхана. В докладе Ясуока объяснил группе офицеров Генерального штаба, что его задачей является разработка совместно с пехотой плана прорыва и преодоления мощных укрепленных позиций противника на восточной границе Маньчжурии на случай войны с Советским Союзом. Эта операция проводилась в целях обучения, а не боевых действий, хотя теоретически одна механизированная бригада Квантунской армии должна была быть способной вести боевые действия на любом фронте.

На вооружении 3-го танкового полка под командованием Йошимацу, насчитывавшего 376 офицеров и солдат, состояло: 26 средних танков Тип 89 "Оцу", организованных в 2 линейные роты; 4 средних танка Тип 97 "Чи-ха"; 7 танкеток Тип 94 "ТК" и 4 танкетки Тип 97 "Ке-те". 4-й танковый полк под командованием Тамады, насчитывавший 565 офицеров и солдат (128 из которых были в инженерной роте), включал: 3 линейных роты и роту резерва, на вооружении которых состояло 35 легких танков Тип 95 "Ха-го"; линейную роту средних танков Тип 89 "Ко" из 8 машин и 3 танкетки Тип 94 "ТК".

Новый средний танк, поступивший в бригаду, представлял собой одновременно лучший и худший образец японского танка. Небольшые по размеру средние танки Тип 97 "Чи-ха" были новейшими и, наверно, самыми лучшими из своего класса. Впоследствии они стали самыми известными японскими танками. Во время событий в районе Номонхана танки Тип 97 являлись экспериментальными и поставлялись, главным образом, на китайский фронт. В отличие от них 2 варианта среднего танка Тип 89 "Оцу" и "Ко" были устаревшими образцами бронетанковой техники Императорской армии. Это были первые японские основные боевые танки, которые проявили себя еще во время инцидента в Маньчжурии в начале 30-х годов. Так как у "Оцу" был 6-цилиндровый дизельный двигатель (разработанный после 1934 года для использования на танках), он был несколько тяжелее и имел запас хода на 20% больше, чем "Ко" с бензиновым двигателем жидкостного охлаждения. Экипаж всех трех типов средних танков состоял из 4 человек, главным вооружением была короткоствольная 57-мм пушка. У танка Тип 97 был 7,7-мм пулемет, в то время как у танков Тип 89 – 6,5-мм пулемет. Мощный дизельный двигатель В-12 и подвеска позволяли танку "Чи-ха" иметь более толстую броню. Скорость и запас хода по сравнению с устаревшими танками Тип 89 возросли (толщина брони – 20-25 мм против 15-17 мм; запас хода – 210 км против 140-170 км; скорость 38 км/ч против 25 км/ч).

Легкий танк Тип 95 "Ха-го" имел такой же 6-цилиндровый дизельный двигатель с воздушным охлаждением и мощностью 120 л.с., как и у усовершенствованного среднего танка "Оцу", но его масса составляла чуть более половины массы танков Тип 89 (6,7-7,4 т против 12,1-13 т); были тоньше броня и слабее вооружение (броня – 8-12 мм; не очень мощная 37-мм пушка и один 7,7-мм пулемет); максимальная скорость – 40-45 км/ч и запас хода – 250 км. Это был новейший образец, поступавший на вооружение Императорской армии, а его скорость и маневренность ставили танк в один ряд с колесной техникой. Экипаж состоял из 3 человек.

В бригаду также поступили 2 модели танкеток – Тип 94 "ТК" и новая модель Тип 97 "Ке-те". Обе модели предназначались для буксировки техники и подвоза боеприпасов на фронт и отлично подходили для разведки, охраны и связи. Они не были предназначены для ведения наступательных действий, поскольку их огневую мощь составлял единственный 7,7-мм пулемет (в модели танка Тип 97 пулемет мог быть заменен 37-мм пушкой). Экипаж состоял из 2 человек, максимальная скорость – 40 км/ч. Масса модели танкетки Тип 94 с бензиновым двигателем – 3,2-3,5 т, броня – 8-12 мм, максимальный запас хода – 200 км. Масса модели танка Тип 97 – 4,25 т, броня 8-16 мм, максимальный запас хода – 250 км.

На учениях все командиры частей подчеркивали необходимость "усиления артиллерийско-технических подразделений и наращивания танкового вооружения", с чем Имаока и согласился. Из 9 частей, в которых он и Хашимото провели инспекцию, все находились на одном уровне: в процессе создания. У танковых полков не было возможности замены материальной части и личного состава. Имаока, специалист по тылу, пришел к выводу, что офицерам штабов по оперативным вопросам при планировании боевых операций необходимо понять разницу между реальной мощью частей и планируемой на бумаге (гипотетической). Танковые полки Ясуоки производили лишь "внешнее" впечатление. По мнению Тамады, его полк с точки зрения военной мощи был еще очень слабым.

Высшее командное звено Кунгчулингской танковой бригады составляли офицеры пехотного профиля. Ясуока, родом из Кагошимы, генерал-лейтенант с 1938 года, закончил в 1906 году 18-й военно-академический класс и Армейский военный колледж. Во время событий в районе Номонхана ему было 53 года. В 1936 году он стал начальником Танковой школы, в 1938 году командовал 1-й отдельной смешанной бригадой в Кунгчулинге, а затем, после расформирования предыдущих подразделений, 1-й танковой бригадой. Майор Каменосукэ Ногучи (Noguchi Kamenosuke), постоянно работавший с генералом, внешне напоминал феодального лорда, окруженного аурой высокомерия. Майор Юмеки Масуда (Masuda Umeki), старший помощник Ясуоки, характеризовал его как мягкого, но волевого, настоящего командира, заботившегося о своих войсках. Он был высокий и крепкий с редкими серыми волосами и небольшой лысиной. Ясуока носил очки, а курил и пил "чертовски много". Ногучи особенно впечатляло то, что Ясуока всегда был заранее готов к боевым действиям и операциям. Например, находясь в Кунгчулинге, он всегда "делал домашнее задание" и, таким образом, никогда не приходил в замешательство на фронте. Генерал самостоятельно составлял приказы в своем командном автомобиле и мог диктовать их без записей. Масуда считал, что с генералом легко работать, в отличие от его предшественника генерал-лейтенанта Кодзи Сакаи (Sakai Koji), умного, но придирчивого человека, который надоел даже собственному помощнику, пока им не был назначен "толстокожий" Масуда.

Йошимацу, которому в 1939 году было почти 47 лет, закончил в 1914 году 26-й военно-академический класс. В 1936 году в звании подполковника он был отправлен во 2-й танковый полк; следующий год он провел на службе в Китае. В конце января 1939 года Йошимацу стал командиром 3-го танкового полка в Кунгчулинге, в марте получил звание полковника. Как вспоминает Масуда, усатый Йошимацу был прекрасным командиром, который любил своих людей, был спокоен и мягок, обладал хорошим чувством юмора. Ногучи и старший лейтенант Тачио Ирие (Irie Tachio), один из командиров взводов, называют Йошимацу "бедным самураем" из Саги в Кюфу. Другой командир взвода, старший лейтенант Ивао Такешита (Takeshita Iwao), говорил о нем как об отличном командире, которому можно было доверять и который поддерживал дух атакующих солдат. Будучи строгим и суровым во время учений, Йошимацу был внимательным к подчиненным и просто приятным человеком. Под руководством полковника в полку сложился смелый и сплоченный коллектив.

Во время событий в районе Номонхана полковник Тамада был старше Йошимуры на год. Он закончил на класс выше в Военной академии и учился в Армейском военном колледже. В декабре 1933 года Тамада в звании майора был отправлен на подготовку в танковый полк, а в апреле 1934 года был включен в состав 4-го танкового полка отдельной смешанной бригады. В 1936 году он в звании подполковника стал преподавателем в Танковой школе. После присвоения звания полковника Тамада стал командиром 4-го танкового полка. Невысокий и коренастый, он не пил и не курил. О себе он говорил: "Я родом из Тохоку [север Японии], медлителен и невозмутим. В действительности, я не был предназначен для танковых войск. И поскольку я был новичком среди танкистов, мои идеи, касающиеся бронированной техники, не были высоко оценены". Но его подчиненным казалось, что он доволен своей работой. Его считали осмотрительным, довольно упрямым, очень серьезным, точным, интеллектуальным, doskonaльным в своих мыслях и приказах, внимательным и добрым к другим людям. Строгая подготовка Тамады приносила свои результаты при ведении боевых действий.

Кюнчиро Огата (Ogata Kyuichiro) был в Номонханской кампании в качестве полкового помощника Тамады в звании майора. Выпускнику 32-го военно-академического класса в 1939 году было почти 40 лет. Он был хорошо знаком с Тамадой, поскольку неоднократно служил вместе с ним, включая первый учебный период в танковом полку Нарашино продолжительностью 90 дней с декабря 1933 года по март 1934 года и их первое включение в списки Квантунской армии весной 1934 года. Послужив в качестве самого старшего капитана в 3-й роте 4-го танкового полка, Огата прошел курс подготовки, который проводил полковник Тошио Мураи (Murai Toshio). Назначенный заместителем командира полка после того, как на должность вступил Тамада, Огата всегда находил случай пообщаться и поспорить с полковником, главным образом по вопросам подготовки. Поскольку оба офицера не были "специалистами", Огата критически осмысливал рекомендации и жалобы младших офицеров и докладывал о них Тамаде. Огата считал себя смелым и открытым - полной противоположностью полковника. Тем не менее, они подходили друг другу и хорошо работали вместе, сочетаясь, по словам Огаты, как семейная пара. Последний постоянно общался с полковником и, несомненно, оказывал на него большое влияние. Огата получил боевой опыт, когда отряд Сакаи (названный в честь генерал-майора Кодзи Сакаи) был отправлен в Северный Китай с июля по декабрь 1937 года. Назначенный в танковую часть без опыта работы с бронетехникой заместителем пехотного полковника на Китайском фронте Огата фактически управлял танковым полком, достижения которого, по мнению Огаты, были недостаточны. Поэтому его опыт мог повлиять на результат боев в Номонхане.

С разрастанием приграничного инцидента к середине июня 1939 года и прибытием 23-й дивизии вместо 7-й при проведении наступления на реке Халхин-Гол штаб Квантунской армии решил использовать бронетехнику. 16 или 17 июня один из представителей штаба Квантунской армии высказал майору Каменосукэ Ногучи, специалисту по танкам, свою первую неоформленную идею. Он хотел выделить 2 танковых полка в Кунгчулинге для поддержки пехотной дивизии, пересечь верхний Халхин-Гол на западе от Хандагай, сделать рывок на север - к соединению с Хайластым и, ударив по противнику с тыла, во взаимодействии с пехотой, наступающей с востока, взять его в клещи.

Ногучи поставил вопрос об осуществимости возможности взаимодействия пехоты и бронетехники, после чего начался небольшой спор. Ногучи напомнил собеседнику о том, что пехота также должна быть задействована в операции, поскольку одна танковая бригада не настолько сильна, чтобы выполнить поставленную задачу самостоятельно, но обычная немоторизованная пехота не обладала той скоростью, которая позволила бы ей взаимодействовать с танками. В результате будет потеря в скорости, так как бронетехника не может оставить открытой пехоту и будет вынуждена двигаться с ее скоростью. Поэтому было предложено создать отряд, который наряду с легкими и средними танками будет включать моторизованную пехоту, инженерные подразделения, части полевой и зенитной артиллерии, размещенные, главным образом, вокруг Кунгчулинга. Группа Ясуоки, по словам Ногучи, "была рождена за одну ночь". Вечером 19 июня и утром 20 июня 1939 года штаб Квантунской армии в течение 10 часов издал соответствующие приказы о приведении в боевую готовность и сосредоточении подразделений. К тому моменту уже было решено, что группа Ясуоки заменит 7-ю дивизию для наступления на левом берегу реки Халхин-Гол. Штабной офицер Квантунской армии отправился в Хайлар, чтобы доставить приказ Камацубары (Komatsubara) о приведении в боевую готовность, а за ним последовал другой офицер с приказом на сосредоточение.

19 июня 1939 года майор Ногучи узнал, что он должен отправиться к Ясуоке для установления штабной связи. На самолете он был доставлен из Хсинкина в Кунгчулинг, куда он прибыл до наступления ночи. В официальной резиденции Ясуоки он рассказал генералу замысел штаба Квантунской армии, заключавшийся в распределении штатных и приданных средств танковой бригады между Аршаанем и Хандагаем и подготовке операций в Номонханском секторе во взаимодействии с 23-й дивизией с целью отрезать противнику "пути отхода" на левом берегу. По выражению лица генерала казалось, что Ясуока не имеет ни малейшего представления об идее Квантунской армии сформировать группу. Отсутствовали все штабные генералы, поэтому потребовалось время, для того чтобы все организовать.

Группе Ясуоки, основу которой составляли 2 танковых полка, были специально приданы 1-й отдельный полк полевой артиллерии под командованием полковника Кан Мияо (Miyao Kan), батарея зенитных орудий, рота тягачей из полка тяжелой артиллерии (все из артиллерийских подразделений Квантунской армии), 24-й инженерный полк под командованием полковника Шичиро Кавамура (Kawamura Shichiro), взвод радиосвязи из полка связи и 3-й моторизованный транспортный полк, состоящий из 3 рот (всего 120 машин). Из 7-й дивизии в Цицикаре должны были быть отправлены медицинский полк и усиленный батальон 28-го пехотного полка для прикрытия сосредоточения главных сил группы Ясуоки. Они были отданы под его командование по прибытии в Аршаань.

"Моторизованным резервом" 23-й дивизии должен был быть испытанный в боях выделенный временно из 7-й дивизии пехотный полк под командованием Суми, снабженный грузовиками моторизованной транспортной роты и усиленный 2 батареями противотанковых орудий и 2 батареями полковых орудий. Самоуверенный генерал Камацубара (с которым Суми познакомился во время поездки в отдел советской разведки Генерального штаба) сказал, что после того как полк Суми примерно 23 июня на поезде прибудет в Хайлар, он должен будет соединиться с группой Ясуоки около озера Дорот (45 км южнее Чянчуньмяо), сесть на грузовики и находиться в готовности пересечь Халхин-Гол под прикрытием Ясуоки. Как понял Суми, батальон другого полка 7-й дивизии - 2-й батальон 28-го пехотного полка под командованием майора Томизи Кадзикава (Kajikawa Tomiji) - должен был перейти под его командование. Детали еще не были разработаны, была лишь основная идея. Подобное услышал Суми и от энергичного начальника штаба Камацубары полковника Оучи (Ouchi), другого офицера, говорящего на русском языке, которого он знал еще с начальной школы и военного колледжа. Как и Камацубара, Оучи сказал, что наступление находится на стадии планирования и ситуация может немедленно измениться. Суми должен был "пропустить это мимо ушей", отказаться от всех ненужных полковых лошадей и забрать себе штабную машину. "В любом случае, - усмехался Оучи, - я устрою так, что ты получишь Орден Золотого коршуна!"

Тем временем, намного южнее, генерал Ясуока был занят транспортировкой своего отряда поездом на фронт по однопутной железной дороге. Командир танкового взвода старший лейтенант Такешита считал, что дорога очень плохая; он помнил, как его поезд, нагруженный бронетехникой, скользил при подъеме. Между тем Ногучи был удивлен, с какой быстротой были погружены части на железнодорожные платформы. 20 июня в 9.00 утра войска отправились из Кунгчулинга, получив приказ лишь предыдущим вечером. Улыбка же его была грустной - все идет гладко до самого сражения!

Однако на уровне командиров взводов старший лейтенант Ирие из 3-го танкового полка отмечал бесчисленные проблемы, большие и маленькие: "Мобилизация была провалом. Мы не уделили внимания деталям и проверке [нашего оборудования]. Не хватало касок и противогазов. У нас не было времени для личных вопросов. Во время передвижения началась дизентерия. Нужно было больше времени уделить на изучение тактики обеих сторон и подготовку к условиям ведения боевых действий.

На транспортировку отряда в Аршаань ушло 2 дня. 22 июня 1939 года Ясуока начал выгружать 2 танковых полка. Части проверяли свои машины на предмет механических повреждений и дефектов, потому что ничто не должно было быть упущено. Особое внимание было уделено состоянию артиллерийских орудий и боеприпасов, с хорошими результатами были проведены артиллерийские тренировки. В связи с отсутствием холостых снарядов, пришлось использовать дорогие боевые. Уровень выучки стрельбы из пистолетов, по словам Ирие, был неудовлетворительным.

24 июня 1939 года боевая группа Ясуоки отправилась из Аршааня и сосредоточилась в 65 км вблизи от Хандагай, готовясь к продвижению к реке Халхин-Гол. Как говорил один из участников операции, рации в танках были неисправны, а штатная структура не соответствовала поставленным задачам. Что касается разведки, то с весны 1936 года Квантунская армия собрала информацию о местности и общих чертах территории между Чянчуньмяо и Хандагаем, которая оказалась впоследствии полезной в оперативном и тыловом отношении. Штаб бригады Ясуоки и командиры подразделений продумывали продвижение, высылали вперед группы по ремонту дорог, устанавливали отметки и назначали команды контроля движения. Но в Хандагае

Ногучи вскоре заметил, что колонны войск прибывали без грузовиков, и был этим встревожен. Из-за прошедших дождей грузовики застревают в болотах, так как в степи не было ни мощенных, ни улучшенных земляных дорог. Называемые дорогами "караванные пути" в долине Халхин-Гола после продвижения войск стали еще грязнее и болотистее.

С помощью толстых досок и щитов танкисты и пехотинцы кое-как протаскивали гусеничную технику, но грунтовые дороги были безнадежно испорчены, так как танки разворотили все пути, и колесная техника не могла двигаться. Полоса длиной в несколько километров напоминала реку из грязи. Некоторые транспортные части иногда проходили за целый день один километр. Майор Мацуючи Нюмура (Nyumura Matsuichi) говорил, что грязь доходила до лодыжек людей и ведущих мостов грузовиков. Для буксирования колесной техники приходилось использовать танки. Машины часто застревают и ломаются. Эта проблема еще больше усложнялась, когда маршрут проходил по холмистой местности.

Офицер из роты обеспечения 3-го полка на новейшем шестиколесном дизельном грузовике вез танковые снаряды, мины и пулеметы. Ночью 23 июня он отправился из Аршаана и утром попал в болото. Несколько десятков грузовиков завязли в грязи и постепенно погружались в нее, пытаясь выбраться. Солдаты присоединили веревки и канаты и пытались вытащить боевые машины. К 25 июня из 17 ротных машин только 9 прибыли в Хандагай. Всему батальону потребовалось 2 дня с 13:40 23 июня по 25 июня для того, чтобы добраться до Хандагай.

Ясуока напомнил Ногучи, что танки без топлива все равно что "мертвые крепости". Майор извинился и объяснил, что все дерево было порублено инженерными подразделениями на доски для дорог. До сих пор невозможно было предугадать, когда подъедут грузовики. В тот момент фермерский трактор вытаскивал одну за другой машины из грязи. Ясуока заметил, что существует постоянная потребность в инженерных войсках и их нужно было посадить на машины в первую очередь.

Сначала боевая группа Ясуоки не была обеспокоена тем, что пехота могла оторваться на марше, пока танки ждут топлива. Ведь танки могли продвигаться с большей скоростью и после того как они были заправлены. Но согласно первоначальному замыслу, предполагалось нанести удар в тыл противника после того, как части переправятся через реку; теперь же едва хватало топлива и не было достаточно материалов для наведения моста через реку. Как оказалось, японские танки не могли двигаться по неустойчивому понтонному мосту, временно возведенному императорскими войсками через реку Халхин-Гол. Как же рассчитывал отряд Ясуоки, у которого не было средств для наведения моста, переправиться на левый берег? Теоретически танки могли форсировать реку глубиной один метр, но при этом были необходимы точные сведения о реке, и это зависело от твердости грунта ее дна. При детальном рассмотрении намеченной переправы через реку Халхин-Гол она (река) оказалась слишком широкой и глубокой. Обескураживающие доклады разведки только укрепляли общее мнение, что форсирование реки 2 танковыми полками невозможно. Требовалось иное решение. В худшем случае, думал Ногучи, японцы могли использовать некоторое количество танков в качестве "быков" для импровизированного моста. Была также фантастическая идея использовать мосты противника. Советские войска переправили технику на правый берег, так почему бы не использовать их мосты, число которых могло быть от 2 до 5, чтобы переправить японские танки на другой берег? Если же противник взорвал пролеты, то инженерные подразделения, направленные Ясуокой, их восстановят.

Отсутствие реального способа переправиться через реку и пересечь болотистую местность лишь усугублялось нехваткой топлива для танковых частей при ведении продолжительных боевых действий; сложилась ситуация, с которой еще не сталкивался штабной офицер Ногучи. Средние танки при движении буквально пожирали драгоценное топливо. Однако транспортные части Императорской армии стремились ускорить продвижение личного состава за счет топлива, продовольствия и боеприпасов, следуя лозунгу "Все войска на линию фронта!". Ногучи чувствовал, что необходимость в топливе для танков впоследствии будет важнее, чем "вытаскивание" войск или наведение понтонно. Грузовики из-за нехватки топлива не могли перебраться на другой берег реки, но танки должны были достичь реки и, возможно, переправиться через нее. Больше всего Ногучи опасался того, что при доставке топлива только на 1-2 заправки танки не смогут выполнить задачу. Поэтому он самое большое внимание уделил поставкам топлива со складов в Аршаане, куда посзда прибывали без задержек, в Хандагай. В Аршаане он также обсуждал в течение нескольких дней ряд организационных проблем с капитаном Шохеи Като (Kato Shohel), штабным офицером Квантунской армии и своим старым приятелем. Хотя Ногучи сам был офицером Квантунской армии, он не мог обвинять кого-либо в нерасторопности, поскольку был назначен в группу Ясуоки и являлся заинтересованным лицом; но Като, возможно, мог, так же как и офицеры связи, контролирующие 23-ю дивизию. Тыловая служба Квантунской армии отправила запрос маньчжурскому правительству на предмет ремонта худшего участка дороги. Несколько сотен работников прибыли для решения этой задачи под руководством гражданского инженерного отдела, но результаты оказались плачевными.

Полковник Тамада, "надавив" на Ногучи по поводу топливной проблемы, сообщил, что 26 июня погиб старший лейтенант Хангоро Шинода (Shinoda Hangoro). 4-й танковый полк вел разведку возможных путей переправы реки Халхин-Гол, чтобы соединиться с 23-й дивизией в районе высоты Комацу, но из-за нехватки топлива патрули взяли монгольских пони из Хинганской дивизии кавалерии маньчжурской армии. Лейтенант Шинода и несколько новобранцев, выехавшие вперед на разведку на расстояние 3-4 км, были настигнуты броневыми автомобилями и моторизованной пехотой противника. 2 или 3 маньчжурским кавалеристам, сопровождавшим лейтенанта, напуганным противником, удалось вернуться; они доложили о перестрелке и о том, что Шинода был ранен и упал без сознания. Для расследования обстоятельств была отправлена 3-я танковая рота капитана Соичи Тамаки (Tamaki Soichi). Но несмотря на интенсивные поиски, Тамаки не обнаружил следов лейтенанта и его людей. Однако в окрестностях были видны следы гусениц и несколько отдельных солдат, возможно всадники из Внешней Монголии вели наблюдение.

Считалось, что, находясь в сознании, Шинода мог совершить самоубийство, чтобы избежать позора попасть в плен. То, что противник захватил разведчиков живыми или мертвыми, подтвердил полковник Тамада, узнавший, что пропавший японский сержант был обменян после окончания кампании. Командир взвода, на два года младше Шиноды, полагал, что лейтенанта (которого он называл отличным молодым офицером) могли подобрать еще не пришедшим в сознание. Позже, осмыслив, что репатриированного японского офицера ожидает только самоубийство или казнь, Шинода мог навсегда остаться в СССР, что и сделало значительное число военнослужащих Императорской армии. Тамада, чувствуя свою беспомощность, назвал эпизод бессмысленным и нелепым: "Представьте, офицер-танкист убит на лошади!" Ногучи разделял тревогу полковника. Он попытался успокоить командиров передовых частей, связываясь с транспортными войсками, которые днем и ночью прилагали нечеловеческие усилия для того, чтобы подвезти необходимые запасы.

Пока силы Ясуоки находились в районе Аршаана, до личного состава отряда дошли слухи о том, что генералом недовольны в Квантунской армии за "пустую трату времени жаркой весной [в Аршаане]". Ногучи опровергал ложные слухи, но несколько старших офицеров, таких как майор Масуда (офицер-инструктор Ясуоки) и подполковник Хидетеру Таказавы (Takazawa Hideteru) (старший штабной офицер) предложили безумный план для использования момента: танки выдвинутся максимально вперед, пока позволят запасы топлива "ради спасения чести отряда". Затем экипажи снимут пулеметы с танков и будут использовать их вручную. Так будут приложены все усилия, чтобы выполнить задачи, поставленные перед отрядом Ясуоки. Ногучи заявил, что идея ведения боевых действий танковой бригадой в пешем порядке была безответственной и бесполезной.

Этот период новых споров проходил как раз перед авиационными налетами японских ВВС 27 июня 1939 года на авиабазу противника в Тамсаге на территории Внешней Монголии. Квантунская армия горела желанием начать наземную наступательную операцию, после того как ВВС захватили господство в воздухе. Доклады от Камацубары свидетельствовали о том, что противник сосредоточил значительные наземные силы в районе Номонхана, а 24 июня танковые силы Кобаяси были обстреляны артиллерией противника около Чянгуньмяо. Исходя из того, что контрудар был необходим, Квантунская армия 25 июня издала новый приказ на проведение операции. Кроме того что на Камацубару было возложено вести наступление на левом берегу, штаб армии освободил отряд Ясуоки и Хинганскую дивизию маньчжурской армии от непосредственного подчинения и присоединил их к 23-й дивизии. Камацубара должен был уничтожить силы Внешней Монголии в районе Номонхана после сосредоточения главных сил 23-й дивизии.

26-й полк полковника Суми (моторизованный резерв Камацубары), который дошел до озера Дорот, как было приказано, ждал встречи с Ясуокой и грузовиками для комбинированного удара через реку Халхин-Гол. Когда Суми достиг озера Дорот, он не получил дальнейших приказов, не было у него и грузовиков. Он и его подчиненные питались съедобными корнями и растениями и ловили рыбу в озере. Вечером 27 июня Камацубара и Оучи догнали на машине Суми. Как вспоминал Суми, ему сказали, что план по форсированию реки вновь изменился. Поскольку японские танки не могли переправиться через Халхин-Гол в выбранном месте, то механизированные силы Ясуоки будут использоваться на правом берегу под командованием

Камацубары. 3 батальона усиленного 26-го полка обеспечат моторизованную ударную мощь на левом берегу. На следующее утро они должны будут отправиться в Чянчунмяо, где будут получены грузовики.

Хотя воспоминания Суми основаны на его субъективном мнении, группа Ясуоки не знала о том, что теперь их задачей была фронтальная атака на правом берегу вместо прорыва на левом. По указанию "приступить", поступившему из 23-й дивизии, вечером 29 июня Ясуока дал распоряжение войскам на следующее утро выдвинуться в район Халхин-Гола: Тамаде - с 9.00, Йошимаре с 11.00. Для того чтобы обеспечить мобильность 2-го батальона 28-го полка майора Кадзикавы - приданного 4-му танковому полку и усиленного 1-й танковой ротой, получившего задачу немедленно начать разведку местности - Тамада приказал роте обеспечения выделить 12 грузовиков Кадзикаве, а полк Йошимару должен был предоставить еще 6. Кадзикава должен был отправиться в 6.00 утра. Инженерным подразделениям также нужны были грузовики для проведения дорожно-ремонтных работ, поэтому Ясуока выделил им 10 машин из отдельного артиллерийского полка и 2 - из зенитной батареи. Кавалерийские части и подразделения маньчжурской армии из Хинганской дивизии должны были прикрывать правый фланг. Тамада приказал частям взять паек на обед и на ужин. Капитан на грузовике был назначен для выполнения задачи по контролю за движением и инженерными работами.

Ногучи все еще был уверен относительно точного расположения объектов атаки отряда, что вызывало повторяющиеся вопросы офицеров-танкистов в течение всего этого периода. Хотя грузовики начали прибывать в Хандагай, была получена только половина необходимого количества топлива, а материалы для возведения мостов еще не прибыли. Тем не менее, 29 июня в 23.00 штабом отряда на основании разведывательных данных об отходе противника, полученных из 23-й дивизии, был издан еще более срочный приказ. Инженерные подразделения должны были немедленно начать ремонт дороги, так как время выдвижения полка Тамады было продлено до 1.30 30 июня, а полка Йошимару - до 3.30. Выбрав кратчайший путь, пехотный батальон Кадзикавы должен был отправиться в 4.30 (в действительности он отправился в 6.30). Дозор во главе с офицером должен был срочно начать разведку предполагаемых путей отхода противника и мест переправы на реке Халхин-Гол. 2-я танковая рота капитана Рёйчи Китамура (Kitamura Ryoichi) должна была двигаться впереди полка Тамады на расстоянии 2 км от главных сил и отмечать маршрут продвижения. За исключением работы одной радиостанции в штабе полка должно было соблюдаться радиомолчание.

Нехватка топлива не позволила провести внезапную атаку всеми танковыми силами бригады Ясуоки. 4-я рота капитана Санджи Ин (In Sanji) из полка Тамады, имеющая на вооружении средние танки, находилась в Хандагае. Так же, из-за отсутствия грузовиков, была вынуждена поступить рота обеспечения капитана Тамоцу Камияма (Kamiyama Tamotsu), имевшая большие запасы материалов, включая боеприпасы для танковых орудий, выделенных пехоте Кадзикавы. Камияма сумел догнать 4-й полк лишь тогда, когда батальон Кадзикавы вернул грузовики.

Ранее уже упоминалось об отрывочных данных о противнике, собранных японской разведкой, и о том, что советские войска постепенно отходили с правого берега реки с ночи 28 июня. Штаб Квантунской армии с самого начала основывался на ложном представлении о том, что противник постарается оторваться прежде, чем будет вынужден остановиться и вести боевые действия.

Майор Мацуичи Ньюмура (Nyumura Matsuichi), командир разведывательного отряда, приданного группе Ясуоки, лучше других объяснил последовательность событий, которые привели к тому, что японская танковая группировка "понеслась" в наступление. Консул СССР, наверняка, имел двойного агента на территории Маньчжурии. По этому каналу разведка перехватила телеграмму, отправленную якобы комбригом Яковлевым, командиром 11-й танковой бригады, командиру 57-го корпуса Жукову. Суть сообщения было в том, что "из-за постоянных дождей дороги размокли и наши танки застревают один за другим, поэтому необходимо повернуть назад для ремонта техники".

Специалисты-разведчики в Харбине позже уверяли Ньюмуру, что они знали о том, что содержание телеграммы было ложной, неподтвержденной информацией, но их словам, они отправили ее в 23-ю дивизию только "на рассмотрение". В дивизии же информацию восприняли буквально и пришли к выводу, что противник должен был немедленно отступить. Несомненно, вину за этот случай возложили на офицера разведывательного отдела дивизии Сузуки, но даже Ньюмура поверил подробному докладу об отходе противника. Кроме того, дождь шел и в районе Аршаань - Хандагай. Там, где находился Ньюмура и был расположен отряд Ясуоки также стало очень грязно. Позже японцы узнали о том, что песчаная местность реки Халхин-Гол вовсе не была грязной и что, когда идет дождь и вода попадает на дюны, песок становится твердым как бетон, как прибрежная полоса прилива. В действительности Яковлев стремительно шел к Халхин-Голу, но японцы верили в обратное. Как считал Ньюмура, историки могут сказать, что наступление танками планировалось, но он был очевидцем и чувствовал, что японцы находились в неподобающей спешке, чтобы застигнуть противника врасплох. На его совете также лежит ответственность за серьезную ошибку; он, как разведчик, должен был посоветовать действовать осторожнее, но он тоже поверил в правдивость информации. Послание Яковлева было для Ньюмуры отличным примером "инспирированной информации" русских. Он понял, что советская разведка не просто сеет ложную информацию, но снабжает ее правдоподобными сведениями до последнего момента, она соответствует действительности и поэтому воспринимается как достоверная при ее перехвате. Использование Советским Союзом агентов, в частности тех, которые действовали в Харбине, вызывало серьезные трудности.

Так как части Ясуоки двигались в целом по "расписанию", дух офицеров и солдат передовых частей был приподнят, поскольку они не знали ничего об истинном положении дел. Но командир отряда и штаб переживали тревожное ожидание, так как знали, что "корпус Камацубары для японской экспедиции выполнял роль ягненка, приносимого в жертву, а силы Ясуоки использовались в этой роли для корпуса Камацубары". Легкие танки 4-го полка продвигались вперед к назначенному месту на реке (напротив высоты Комацу), которое обнаружили разведывательные части. Ногучи видел самолеты противника, время от времени пролетающие параллельно отряду, несомненно, для ведения разведки.

Продвижение японской группировки характеризовалось игнорированием особенностей местности и направления пути и усложнялось из-за сильных туманов и темноты безлунных ночей. Испорченная дождевыми канавами и болотами дорога была не приспособлена к движению, несмотря на усилия инженерных подразделений, и ситуация только накалялась по мере продвижения танков. Солдаты танковых частей трудились вместе с саперами, пытаясь сделать путь проходимым или по возможности обезопасить труднопроходимые участки местности. В стороне от полос мягкой земли и низменности почва была в общем песчаной; танкам приходилось время от времени останавливаться, чтобы охладить двигатели, перегретые от продолжительной эксплуатации. Грузовики также продвигались с большим трудом.

К 9.00 30 июня передовой отряд Тамады - рота Китамуры - достигла точки 7 км северо-западнее Хандагайского ущелья, образовав "дыру" между ним и главными силами. Тамада попытался перегруппировать свои части и подтянуть колонны, которые растянулись из-за отвратительных дорог, а также провести разведку местности в глубину. В это время Ногучи из своей машины прокричал Тамаде, что его силы, назначенные в передовые, должны были принять под командование усиленный пехотный батальон Кадзикавы.

Тамада занимался сосредоточением разбросанных частей и приведением в порядок материальной части после напряженного движения по бездорожью, когда в 10.35 прибыл лейтенант из передовой роты. В 8.50 капитан Китамура обнаружил 8 или 9 танков БТ, 3 бронированных машины и 2 скорострельных орудия противника, а спустя полчаса начал обстреливать их легкими танками 2-й роты. Хотя у Тамады в распоряжении штаба полка тогда находилось только два взвода легких танков, ремонтный взвод и батарея полевой артиллерии, он решил броситься на помощь Китамура, чтобы не допустить изоляции 2-й роты и потери возвышенности на юге озера Дорот, которая представляла собой благоприятную для ведения боя местность. По пути Тамада "взял на время" у батальона Кадзикавы противотанковую батарею. В 12.30, перегрев двигатели из-за движения по склонам, полковник догнал роту Китамуры и узнал, что она отбросила 8 или 9 танков БТ, поддерживаемых противотанковыми орудиями, 3 бронированных машины и кавалеристов противника и охраняла возвышенность (по терминологии Императорской армии, высота 893), а также вела разведку местности с видом на реку Халхин-Гол.

Усиленный средствами 1-й танковой роты и маньчжурского кавалерийского эскадрона Китамура в 1.20 на расстоянии 3 км обнаружил броневую машину противника, движущуюся на восток для ведения разведки. Тамада, который также наблюдал за противником, одобрил просьбу капитана попытаться захватить боевую машину. Китамура вышел в тыл бронемашине и начал сближаться с ней. Оказалось, что у противника был грузовик с 10 солдатами и скорострельным орудием. Это подразделение даже не попыталось уйти, когда японцы отрезали пути отхода, а развернулось и в 1.50 укрылось в узком углублении в дюнах. Отряд спешился, а лейтенант готовил противотанковое орудие для стрельбы на расстоянии прямого выстрела - около 30 м.

Китамура попал в засаду. Противник одним выстрелом из скорострельного орудия поразил и сжег легкий танк Тип 95, убив капитана и смертельно ранив одного из членов личного состава экипажа. Ногучи вспоминал, что Китамура был всегда доволен отличным двигателем своего танка и постоянно

опережал свою часть. В этот раз, к несчастью, он проследовал слишком быстро и заехал один слишком далеко, вследствие чего был отрезан и уничтожен. Оставшаяся часть танковой роты японцев окружила силы противника и уничтожила орудийный расчет, закончив бой к 14.40. Были захвачены противотанковое орудие, 200 снарядов в кузове грузовика и один военный служащий – тяжело раненый русский сержант, единственный оставшийся в живых. Солдаты из 4-го танкового полка пришли к Ясуоке извиниться за потерю командира. В качестве отпущения они принесли 10 пилоток и вещей мешков убитых солдат Красной Армии.

Тамада вспоминал, что противотанковое орудие противника было превосходным, а бронебойные снаряды намного эффективнее японских. Как сказал один из офицеров Императорской армии, начальная скорость полета снаряда пушки японского танка равнялась 400 м/с и за полетом снаряда можно было наблюдать. Что же касается советского противотанкового орудия, то "мы видели вспышку, затем пробойную в танке, их точность была потрясающей". Впоследствии Ногучи применял захваченное орудие для обороны штаба. Существенным было то, замечал Тамада, что противник придавал орудия танковым частям на танках БТ. В результате столкновения полковник понял, что советское вооружение хорошее, противник обладал быстрой реакцией, упорством, высоким состоянием боевого духа. Как было отмечено в полковом дневнике, "необходимо было быть осторожным в отношении тактики сближения". Другими словами, степень подготовленности противника была выше, чем ожидалось.

Нюмура лично охарактеризовал советского пленного как "отличного солдата, такого же, как и японский". Сначала он отказался отвечать и молчал. В конце концов он заговорил, хотя понять его было очень трудно. В Улан-Баторе советские войска разместили специальный корпус. В частности, отряд, уничтоженный Тамадой, относился к батальону броневых машин Быкова, из которого и был взвод сержанта. Но с самого Быкова (который прибыл на фронт из Борзи) было снята ответственность за провал на первой стадии Номонханской кампании. В Ундурхане находилась часть 11-й танковой бригады с 80 танками-амфибиями Т-37А и двумя батареями полевой артиллерии, имеющими на вооружении восемь 76-мм орудий. Противотанковые орудия калибром 45-мм использовали 2 вида снарядов: бронебойные, оснащенные взрывателем мгновенного действия, и обычные, с короткой задержкой. Советские минометы, имевшие упор в форме "черепаший панцирь", были двух видов – для оборонительного и наступательного боев, первый из которых сначала применялся в районе Номонхана. Красной Армии преподавалось то, что танки японцев были нескоростными и имели недостаточную огневую мощь и поэтому их не стоит бояться.

Нюмура и его личный состав из отряда разведки обыскали тела советских солдат и собрали документы, удостоверяющие их личность. Офицер Красной Армии, лейтенант артиллерии, был симпатичным, вспоминал Нюмура, которому было жалко видеть такого молодого офицера убитым. В планшете лейтенанта были найдены полевой дневник и карта. Теперь стало ясно, что часть Быкова из Забайкальского округа прибыла на фронт 2 или 3 неделями раньше, участвовала в перестрелках и вела разведку каждый день. Угрозу для японцев представляло то, что советские войска ставили отметки планового артиллерийского огня на предполагаемых маршрутах продвижения японцев.

Это были первые реальные данные об 11-й танковой бригаде. Нюмура теперь стал понимать, что правый берег удерживался советскими войсками, а не войсками Внешней Монголии. До того момента считалось, что основу сил противника составляла монгольская армия при поддержке советской. Очевидно, план сражения был отменен, поскольку степень участия русских не была известна. Нюмура доложил по радио о результатах в 23-ю дивизию, в Харбин и в штаб Квантунской армии. Но информация была получена слишком поздно, чтобы повлиять на наступление Ясуоки, бригада которого продвигалась вперед.

В 14.50 с восточной возвышенности Хаахин-Гола полк Тамады обнаружил 8 машин противника (возможно танков) в сопровождении орудий, двигающихся в их направлении на левом берегу реки. 3-я танковая рота Тамады и пехотный батальон Кадзикавы прочесали правый берег и не обнаружили противника. Отряд противника на левом берегу не предпринимал наступательных действий, и поскольку он находился за пределами расстояния прямого выстрела, силы Тамады не открывали огонь.

После 15.00 Ногучи догнал полк Тамады и беседовал с полковником, когда японский самолет со штабным офицером Квантунской армии на борту прилетел с севера. Он сделал круг и сбросил связной тубус, в котором были основные инструкции группе Ясуоки, поступившие из 23-й дивизии. Согласно предварительным указаниям, после которых должны были последовать более детальные инструкции, Ясуока должен был поменять направление движения от Хаахин-Гола и направиться на север в сторону Чянчунью для обеспечения поддержки 23-й дивизии в предстоящем форсировании реки. В приложениях на картах были указаны скрытые запасы топлива, находящиеся южнее озера Дорот. Там колонны должны были дозаправиться и следовать к месту назначения.

Тамада и Ногучи успокоились, потому что танковым войскам больше не пришлось бы со скудными запасами топлива форсировать реку или тащить пулеметы. Топливо поставлялось самолетами и Ногучи предположил, что его друг капитан Като убедил штабных офицеров Квантунской армии в 23-й дивизии организовать поставки по воздуху. Что касается причин неожиданного изменения наступательных планов и выдвижения в сторону Чянчунью, Ногучи под влиянием мнения высших штабов решил, что посылать бронетанковый отряд вдоль Хаахин-гола из Хандагая слишком далеко. Тогда он считал, что после зачистки правого берега отряд мог быть способен преследовать противника до другого берега.

Официальный приказ 23-й дивизии вышел 30 июня в 15.00, в нем указывались задачи сил Кобаяси на левом берегу, полка Суми, составлявшего моторизованный резерв у Чянчунью, и бронетанкового отряда. Ясуока должен был следовать за Кобаяси и Камадубарой до высоты Фуи и нанести удар южнее по направлению слияния рек. Маньчжурская кавалерия должна была атаковать высоту Норо (север Хайластына), для того чтобы отрезать противнику пути отхода в этом направлении.

Хотя группа Ясуоки сосредоточила только часть гусеничной техники, стало необходимым немедленно продвигаться вперед, так чтобы вовремя форсировать реку и вести вместе с главными силами 23-й дивизии наступление, назначенное на 2-3 июля. Так были реализованы размышления Ясуоки, которые соответствовали планам Квантунской армии и Камадубары: "Наступила возможность разгромить противника, поскольку он уже утратил желание сражаться. Наш отряд должен нанести удар по советским войскам на севере реки Хайластын в сочетании с атакой главных сил дивизии на западном берегу Хаахин-Гола, намеченной на 3 июля. Начало операции планируется на утро, если же будут признаки отхода противника, мы начнем наступление раньше назначенного времени".

Возможно, из-за того, что батальон Кадзикавы задержался, Камадубара выделил Ясуоке 1-й и 2-й батальоны 64-го пехотного полка Ямагата, оставив 3-й батальон в качестве дивизионного резерва. Полк Ямагата прибыл в Чянчунью уже вечером 28 июня. Камадубара намеревался направить группировку Ясуока – Кадзикава, но в действительности сражались 2 батальона Ямагата, заменяя батальон Кадзикавы.

В 17.00 30 июня цель назначения передовой части Тамады была отмечена и всем подразделениям Ясуока приказал направляться в район сосредоточения южнее озера Дорот с целью быть в готовности выдвинуться к Чянчунью. Но Тамада решил вообще отменить выдвижение за исключением артиллерийских частей, которые выступили на закате, отчасти из-за необходимости скрыть намерения японцев, а также из-за потери контакта с приданным батальоном Кадзикавы. Большинство проблем Кадзикавы было вызвано постоянными изменениями положения его пехотной части. В Аршаане, куда он прибыл 21 июня, батальон получил грузовики для действий с бронетехникой Ясуоки. Когда грузовики застряли в болотах в районе Аршаана, большей части людей Кадзикавы пришлось больше 60 км пробираться до Хандагая пешком. Там Ясуока приказал своему отряду выделить несколько грузовиков для пехоты. Но поскольку батальон находился под прямым подчинением Ясуоки с 27 июня, даже после передачи его передовой части Тамаде, это не оказало помощи для выдвижения танкового полка. Направляясь к Чянчунью, механизированные части требовали немедленно вернуть грузовики. Личному составу Кадзикавы пришлось совершить еще один марш. Это один из многих случаев слабого взаимодействия при движении по пересеченной местности между японскими танками и пехотой.

Солнце село 30 июня в 20.10. Спустя некоторое время Тамада начал сосредоточение своего полка и около 21.00 его силы начали двигаться к озеру Дорот в условиях дождя, темноты и грязи. Для того чтобы пройти 23 км, отряду потребовалось более 6 часов, а при движении по хорошей местности для этого нужен лишь час. В 3.30 японские подразделения в конце концов завершили сосредоточение в районе озера. Тамада жаловался, что движение должно оперативней координироваться из группы Ясуоки, который отправлял солдат для проведения разведки маршрута, выдвижения и разметки дороги.

Утром 1 июля 4-я рота капитана Ина (единственная, состоящая только из средних танков) и основная часть роты снабжения капитана Камиямы прибыли из Хандагая на место сосредоточения у озера Дорот. Вслед за силами Тамады прибыл и 3-й полк средних танков Йошимуру. Начав марш к озеру

Дорот в 1.00 на сутки раньше, пехотный батальон Кадзикавы прибыл через 14 часов в 11.00. Ясуока приказал своей группе отправиться в Чянчуньюмо в 13.00 с конечной целью разгромить противника на правом берегу Халхин-Гола. Тамада должен был обеспечить дозорную роту, выделить один взвод для обеспечения работ и вести главные силы отряда вместе с остатками своего полка. Затем Ясуока вылетел в Чянчуньюмо для координации операции с Камацубарой.

В 11.30 1 июля Тамада приказал своим силам снова приготовиться к движению. Под руководством Ногучи отряд по плану вышел в 13.00, время от времени наблюдая самолеты-разведчики противника. 1 июля к 17.10 войска достигли места на озере, расположенного в 8 км южнее Чянчуньюмо, где они соединились с 23-й дивизией. Ясуока, вернувшийся из штаба дивизии, издал новый оперативный приказ 2 июля в 12.30. 23-я дивизия и 64-й пехотный полк выдвинулись к фронту, поэтому танковая бригада должна была в 4.00 выслать передовой отряд, на этот раз выделенный 3-м танковым полком Йошимару и батареи из 1-го отдельного полка полевой артиллерии полковника Мияо (Miyao). За ним на расстоянии километра должны подойти силы первого эшелона: штаб отряда, 4-й танковый полк, оставшиеся силы артиллерийского полка, медицинские подразделения и подразделения связи и снабжения водой, которые должны проверять каждый водоем по пути. Все роты снабжения и ремонта должны были следовать за главными силами. Второй эшелон под командованием майора Кадзикавы включающий его пехотный батальон, взвод легких танков, зенитную батарею, эвакороту, отдельную инженерную роту и медицинское подразделение, должен выдвинуться 2 июля после длительной остановки по прибытию в Чянчуньюмо. Вероятно, из-за эпизода с Китамурой, к приказу Тамады было добавлено предписание каждой из танковых рот заблаговременно выделить взвод для подавления противотанковых орудий противника.

Совершив марш за 14 часов и отдохнув около 8 часов, пехотный батальон Кадзикавы покинул озеро Дорот в 19.10 1 июля. Те, кто был на грузовиках, прибыли в Чянчуньюмо 2 июля в 2.00, совершившие марш пешком порядком прибыли в 7.40. Выделенный второму эшелону Ясуокой Кадзикава получил приказ догнать бронетанковую бригаду как можно быстрее. Батальон опять вышел из Чянчуньюмо 2 июля в 1.00, частью - на грузовиках, частью - в пешем порядке. 64-й полк Ямагато, заменивший уставший батальон Кадзикавы, начал марш к Чянчуньюмо днём раньше: 1 июля в 4.30.

2 июля в 4.00 бригада Ясуоки покинула Чянчуньюмо. В 7.00 передовые подразделения Тамады, находясь в 20 км западнее Чянчуньюмо, услышали артиллерийские выстрелы на большом расстоянии в юго-западном направлении. Части выдвинулись вперед, готовые сражаться. Мокрая земля не оказывала влияния на проходимость танков, но для грузовиков это была "старая" проблема. Располагаясь восточнее озера Хозуй, в 14.00 Ясуока заметил, что 64-й полк Ямагато с полудня ведет боевые действия и отряд должен быстро выдвигаться ему на помощь. Сигналом к выдвигению был поднятый японский флаг. Полк Тамады маневрировал. Время было потеряно из-за трудности определения места сбора и дорожных препятствий. К 3.15 первые подразделения достигли восточного побережья озера Манзут и готовились быстро перейти в наступление, выслав дозоры и войска охранения. Артиллерийские снаряды противника, летевшие с возвышенности на левом берегу реки Халхин-Гола, попадали на площадь впереди места сбора.

Японские самолеты-разведчики время от времени приземлялись около КП Ясуоки и предоставляли информацию из 23-й дивизии. В 16.00 Ясуоке было приказано атаковать позиции у слияния рек на рассвете 3 июля. Генерал занимался разработкой приказа на наступление, когда самолет привез информацию о том, что противник отступает группами по 2-3 машины. Около 17.00 генерал вызвал полковника Йошимару, Тамаду и Ямагато на свой КП и довел новый план атаки противника. До того как главные силы дивизии переправятся через реку в течение предстоящей ночи, а утром зачистят левый берег и продвинутся к месту слияния, группировка Ясуоки (с приданными ей пехотным полком Ямагато и батальоном полевой артиллерии) должна была быстро пройти вперед, уничтожить и захватить противника на правом берегу выше Хайластына. Ямагато при поддержке полка средних танков Йошимару должен был атаковать советские позиции вдоль дюн и прижать противника к мосту в месте слияния рек. Действуя на левом фланге второго эшелона, 4-й полк Тамады (без пехоты) должен был поддерживать с тыла 3-й полк и нанести удар в районе моста с внешнего фланга. Полевая артиллерия должна была подавить орудия противника на обоих берегах и поддерживать действия танков и пехоты Ямагато. Время "Ч" было назначено на 18.00. Другими словами, Ясуока в большой спешке по своей инициативе хотел начать наступление вечером 2 июля, а не утром 3 июля, для того, чтобы дезориентировать противника и способствовать выполнению основной операции 23-й дивизии по форсированию реки.

Ногучи впоследствии вспоминал, как устал полковник Ямагато от длительного марша своего полка к фронту и как он использовал саблю вместо трости. Ясуока продержал полковника на КП столько, сколько это было возможно, чтобы он получил легковой автомобиль и догнал свою часть. Между тем Ямагато не обращал внимания на то, что его пехота имеет слишком мало информации о противнике, танки которого вели "подвижную оборону" в определенных районах на правом берегу. Болотистая или песчаная местность была бы трудна для японских танков, но на самом деле это была обширная равнина с небольшими лужами. Один из разведпатрулей Тамады доложил, что в целом местность проходима. Ямагато, Йошимару и Тамада скоординировали намеченные рубежи развертывания и маршруты выдвижения. Они выпили яблочного вина и пожелали друг другу удачи. Тамада вернулся в свою часть и обратился с призывом к 4-му полку, заметив, что они должны использовать благоприятную возможность вступить в бой. Однако он сказал, что знаком с оперативными задачами только в общих чертах.

Важно отметить, что в последних инструкциях 23-й дивизии в полдень 2 июля говорилось о подчинении отряду Ясуоки не только 64-го пехотного полка Ямагато, но и полевой артиллерии - 2-го батальона полевой артиллерии майора Шина Морикава (Morikawa Shin) и части 13-го полка полевой артиллерии полковника Такахиды Айсе (Ise Takahide) из 23-й дивизии, включающей 2 батареи (всего восемь 75-мм полевых орудий и одна из четырех 120-мм гаубиц). Полк Айсе был выделен для отной поддержки наступления главных сил на левом берегу, а Ясуока должен был прикрывать 1-й отдельный полк полевой артиллерии Мияо, состоящий из 2 батарей на механической тяге и имеющий в тот момент на вооружении восемь 75-мм полевых орудий Тип 90. Хотя у Ясуоки теперь было много орудий, все они использовались еще со времен Русско-японской войны. 75-мм орудия Морикавы (Morikawa) не были даже модернизированы, дальность действительного огня составляла лишь 6800 м, а такие же устаревшие гаубицы стреляли не далее 5000 м. Длинноствольные орудия полка Мияо, оснащенные отличительным дульным тормозом, были новые (1930 года) и обладали дальностью выстрела 14 000 м.

Уверенные в отходе противника и стремящиеся ускорить проведение операции по форсированию реки, а также нейтрализовать артиллерию противника на верхнем левом берегу Камацубара и его советники из штаба Квантунской армии в последнюю минуту приняли неудачное решение поменять прекрасную часть Мияо на старые батареи на конной тяге Айсе. Ногучи вспоминал, что смысл решения состоял в том, чтобы заменить 8 орудий Мияо целым полком полевой артиллерии. В действительности только один батальон из полка Айсе реально мог вести боевые действия 2 июля, а заменить орудия на механической тяге было невозможно. Подтянуть силы Мияо (95 гусеничных и колесных машин) было очень сложно, по словам Ногучи, но тогда все мобильные орудия Тип 90 были доставлены на высоту Фуи поддержки наступления дивизии на левом берегу. В тот момент, когда группа Ясуоки собиралась нанести удар по противнику на правом берегу, группировка была ослаблена тем, что из ее состава были выведены артиллерия на механической тяге и моторизованная пехота.

Как и ранее, японское командование имело скудную информацию о количестве советско-монгольских войск. Тамада помнил лишь грубые отметки позиций противника на карте масштаба 1:100 000. По воспоминаниям Ногучи, карты были скопированы с разведывательных фотографий, и информация на них была двух-трехдневной давности и не соответствовала действительности. Согласно этим разведывательным данным, не меньше 2 дивизий противника было развернуто с 20 июня к югу от Номонхана и на обоих берегах Халхин-Гола. Воздушная разведка доложила о большом количестве машин противника, но было несомненно танков или грузовиков. Также было трудно проанализировать концентрацию советских войск. Таким образом, у японцев не было представления о количестве и мощи противника, расположившегося впереди. Было известно, что на правом берегу советские войска соорудили 3 рубежа обороны. Но помимо разведывательных данных нужна была информация от первоисточника, особенно когда дюны затрудняли обзор. Поэтому были предприняты серьезные меры, чтобы захватить пленных - хотя бы одного, вспоминал Ногучи. Но все было безрезультатно. Например, пехотный батальон Кадзикавы получил приказ напасть ночью 28 июня на сотню солдат Внешней Монголии в направлении Халхин-Гола на западе от Хандагая с целью захватить пленных и получить информацию. Усиленная японская пехотная рота наступала в течение 7 часов, но не обнаружила войск противника. Утром 30 июня Кадзикава еще раз отправил пехотный взвод, поддержанный тяжелыми пулеметами и легкими танками, чтобы захватить пленных, но безуспешно. Вечером 2 июля часть Кадзикавы должна была сосредоточиться в районе озера Манзут, но с развертыванием операции контакт с ней был потерян.

Ногути не верил, что противник отходил, в действительности, у него складывалось впечатление, что позиции советских войск на правом берегу усилены. Тем не менее, высшее командование хотело, чтобы танковые силы Ясуоки поспешили. Приказы японского командования часто не соответствовали действительности, они постоянно диктовали "Атаковать, атаковать, атаковать... Халхин-Гол, форсировать Халхин-Гол... до Тамсага" и т.д. Тем не менее, приказы остаются приказами, хотя в этом случае все считали их напыщенными и туманными. Беспорядочное продвижение вперед создавало особые проблемы. Японские части сами по себе были хорошо подготовлены, но в боевой группе Ясуоки они не знали друг друга, никогда не вели совместных боевых действий и не тренировались вместе до того, как 10 дней назад был создан сводный отряд. Для того чтобы как можно скорее выработать сплоченность и согласованность, Ясуока приказал танкам двигаться в необычной линии боевых колонн, хотя противник был все еще далеко.

У каждого японского танка было свое имя, как у кораблей. Танки во взводе Такешиты (Takeshita) 1-й роты 3-го танкового полка носили имена гор, танк лейтенанта Такешиты назывался "Асо". Имя танка другого командира взвода, лейтенанта Тасуо Кога (Koga Tasuo), было "Хаябуса" ("Сокол"), его вторая машина называлась "Хириу" ("Летающий дракон"), третья - "Фубуки" ("Снежная буря"), т.е. "всё, что летает в небе". Танки других взводов носили имена рек, цветов и т.д. Имена были написаны белым цветом хироганой (один из видов иероглифов. - Прим. авт.). Флаг, на котором был изображен символ восходящего солнца - красный круг, полноцветное Хиномару, украшал обе стороны башни, был хорошо виден в бинокль, но был слишком мал, чтобы стать целью. Дополнительно каждая рота номеровала свои танки двумя арабскими цифрами.

Несмотря на проблемы, стоявшие перед бригадой Ясуоки при подготовке к атаке, моральный дух личного состава был высок. Майор Огата шутил с сержантами и солдатами 4-го полка. "Труп пехотинца, - говорил он, улыбаясь, - обычно помещается в очень дешевый деревянный ящик белого цвета. Но если мы, танкисты, умрем здесь, наши замечательные гробы будут стоить 100 000 йен каждый. Наши судьбы - лучше судьбы простых пехотинцев!" Все захлапала и загоготала в ответ на черный юмор Огаты.

В 4-м полку лейтенант Сейичи разделил "последний ужин" из консервированных мандарин и пива со своим взводом. Все выглядели бодрыми и крепкими, а когда лейтенант Сейичи всматривался в лица танкистов, он был полон решимости не потерять ни одного из них. Между тем капрал роты собрал новобранцев и шутил с ними: "Возможно, это последний раз, когда вы можете полюбоваться моей бородкой, так что внимательнее смотрите!"

Так же, как Ясуока "подталкивал" время наступления движением танками вперед еще до форсирования реки дивизией, Тамада тоже не мог дожидаться начала. Негативные факты стали обратной стороной скорости. В хронике 4-го танкового полка 2 июля было записано: "... до места слияния рек по прямой линии было 20 км. К тому же местность и положение противника были неизвестны, приближался вечер. Мы боялись упустить шанс, попусту затягивая всё. В 18.10 2 июля Тамада по своей инициативе повел свою часть впереди группы Ясуоки". Легкие танки, более подвижные, чем средние танки подразделения Тамады, возглавили линию колонн в ромбовидном порядке. Приближалось время первого и последнего участия японских танков в Номонханском сражении.

ТАНКИ В БОЯХ

Еще перед тем, как группировка Ясуоки начала наступление вечером 2 июля, 64-й пехотный полк полковника Ямагато и батальон полевой артиллерии Мориавы были измотаны противником. В 10.00 2-й батальон полка Ямагато, которым командовал подполковник Митсуну, начал боевые действия на высоте 739, расположенной в 4 км южнее озера Манзут. Сначала все складывалось удачно для японцев, и противник был отброшен назад. "Это напоминало преследование, - вспоминал один сержант. - Хотя оно продолжалось 2-3 часа, так хорошо в этом сражении я больше себя не чувствовал". Но как только пехота достигла возвышенности, советская артиллерия, расположенная вокруг высот Хара на левом берегу Халхин-Гола, начала наносить мощные удары по японским войскам. Число задействованных 152-мм гаубиц противника, казалось, не превышало и батареи из 4 единиц, но вспышки орудий можно было увидеть на расстоянии 5-6 км, а разрывающиеся снаряды, напоминающие молнию и издающие звук циркулярной пилы, поднимали облака песка и густого дыма. Потери снизились благодаря амортизирующему действию песчаной почвы, хотя прямые попадания были смертоносны. Японские пехотинцы были преисполнены ужаса перед "неописуемым" заградительным огнем противника, который велся около 2 часов. Потрясенные офицеры и солдаты, которые принимали участие еще в Нанкинской операции, говорили, что эффективность артиллерийского огня русских оставила позади все, с чем они столкнулись в Китае.

Во время продвижения вперед стрелки-пехотинцы рассеялись, чтобы избежать губительного артиллерийского обстрела. Они пытались с минимальными потерями пройти заградительный огонь. К тому времени начала сказываться общая усталость. Капрал, участвовавший в этой операции, объяснил: "Мы просто были измотаны, потратив силы во время трудного марша к Чянчунью и фронту. Все было настолько плохо, что мы делали отчаянные усилия, чтобы лишь держаться, не говоря уже о том, чтобы избежать ударов артиллерии и самолетов. На этих волнообразных гребнях мы могли присоединиться к ангелам, если бы вышли немного дальше. Когда у вас нет сил, ваше тело вам уже не повинуетея".

2-я пулеметная рота капитана Тадаки Учиды (Uchida Tadaaki) использовала 33 лошади для доставки тяжелого оружия и боеприпасов на фронт. Когда начались боевые действия, солдаты разгрузили лошадей и привязали их в тылу на расстоянии 2 км для избежания потерь от артиллерийского огня. Вместе с лошадьми войска оставили свои вещевые мешки, пайки и палатки. Но огонь советской артиллерии на большую дистанцию пришелся на лошадей и уничтожил их вместе с имуществом солдат.

Отсутствие поддержки пехоты стало серьезной проблемой для 3-го танкового полка полковника Йошимару. Предполагалось, что Ямагато и Йошимару будут атаковать во взаимодействии, и генерал-лейтенант Ясуока с самого начала попытался объединить танки со стрелками-пехотинцами. Тем не менее, когда вечером 2 июля началось общее наступление, не было никаких признаков появления пехоты 64-го полка. Справедливо опасаясь, что боевые машины, действуя впереди пехоты, могут быть отрезаны, Ясуока заставил Ямагато двигаться быстрее. Йошимару также связался с Ямагато относительно намеченной координации их частей. В 7.40, под проливным дождем, японский самолет сбросил для штаба тубус с информацией о том, что противник якобы отступает на запад и переправляется через реку. Это было напоминанием Ясуоке о немедленном преследовании противника. Ямагато опять заставил продвигаться к линии фронта. Его уставшие солдаты в 20.00 пошли вперед.

Танковый офицер Ногути был хорошо осведомлен о том, что 64-й пехотный полк измотан и страдал от жажды. Ногути и его коллеги, отправленные Ясуокой ночью 2 июля для налаживания связи с Ямагато, сначала шли пешком, а их танки двигались за ними. Ногути помнил указание солдатам придерживаться правильных интервалов и постоянно находиться под прикрытием. Атмосфера в 64-м полку ему показалась очень мрачной. Ямагато хорошо знал особенности местности, так как в конце мая вел здесь боевые действия; в самом деле, полковник не мог забыть свой неудачный опыт, когда чуть меньше месяца назад здесь был уничтожен Адзума. Несомненно, для того чтобы избежать упоминания того эпизода, что могло быть воспринято пессимистично в условиях новой операции, Ямагато не сказал ни слова в присутствии Ногути.

Полковник, как и его командиры, был уверен, что противник отступает. Свою задачу (одобренную Ясуокой) он представлял следующим образом. 64-й полк должен провести атаку в ночь со 2 на 3 июля против предполагаемого пехотного батальона противника, защищающего сектор высоты 731 в 6 км к северо-востоку от слияния. Затем Ямагато должен был прорваться к реке Халхин-Гол и каким-нибудь образом переправиться через нее по мосту противника.

Замысел Ямагато, хотя и нереальный, имел отношение к задаче, поставленной Ясуокой 2 июля капитану Ретсо Ябуучи (Yabuuchi Retsuo), командиру 1-й роты 24-го инженерного полка Кавамура: захватить мост русских. Поскольку это выполнить было невозможно, Ябуучи должен был хотя бы взорвать "быки", для того чтобы отрезать противнику пути отхода на правый берег. Саперы-подрывники притажили подложки 10-килограммовых упаковок взрывчатки на своих плечах и присоединились для переправы к роте из 200 человек. Это подразделение было первым из боевой группы Ясуоки, которое должно было совершить так называемое преследование вечером 2 июля, действуя как "специальный наступательный отряд". Направляясь на юго-запад в условиях наступающей темноты и ливня, рота Ябуучи натолкнулась на глубокую полосу колючей проволоки длиной от 4 до 10 м. Предположив, что такие оборонительные препятствия предшествуют главным позициям противника, Ябуучи остановил своё подразделение. В этот момент советские пулеметы, число которых было не установлено, открыли огонь. Патроны, каждый десятый из которых был транслирующим, пролетали над головами японцев. Хотя люди Ябуучи не понесли потерь, они слышали зловещий грохот танков, за которым следовал огонь танковых пушек. Огорченный от группы Ясуоки Ябуучи

посчитал ситуацию безнадежной, поэтому он постепенно отвел роту назад и приказал солдатам окопываться и ждать рассвета. Для японских саперов было тяжело ясно видеть впереди цель и не иметь возможности прорваться к мосту. Ябуучи несколько раз отправлял посыльных связаться с главными силами, но они не возвращались до полудня 3 июля. Естественно, командир инженерного полка Кавамура беспокоился о судьбе 1-й роты, с которой он до 3 июля 9.00 не имел никаких контактов. Поэтому полковник попросил 3-й танковый полк пробиться к отсутствующему подразделению.

Когда большая часть полка Ямагато, отставшая от танков, осталась на ночь в районе высоты 731, спустя 12 часов после начала боевых действий 2 июля, у солдат 2-й пулеметной роты было лишь несколько галет в сумках и никакого убежища от проливного ливня. Солдаты нарвали травы, устлали ею дно их "лисных нор" и заснули в этих ужасных условиях, прикрыв лица своими касками.

Что касается японской полевой артиллерии, Ясуока был поражен тем, что около 19.20 майор Морикава снял с передовых позиций артиллерию контрбатареинной борьбы. В действительности 2-й артиллерийский дивизион был отброшен с исходных позиций. Передислоцированная из района высоты Фуи колонна Морикавы, достигнув около 14.00 высоты 739, попала под обстрел противника из 152-мм орудий с левого берега. Японские артиллеристы лежали в углублениях, не имея возможности двигаться. Как их сослуживцы из пехоты, старые офицеры и солдаты артиллерии говорили о разнице по сравнению с их опытом в Китае. Один наблюдатель, лейтенант, назвал заградительный огонь русских "ужасающим". К 20.00 командир батальона, все более беспокоясь о том, что его орудия будут уничтожены огнем противника, решил передислоцировать свое подразделение в тыл. Однако заградительный огонь советских гаубиц был настолько мощный, что Морикава был вынужден отложить любое движение до наступления темноты. Орудия и лошади японцев, расположенные отдельно, были укрыты в углублениях, а наблюдательные группы и батареи окопались в дюнах. Попытки 1-й роты капитана Сензо Соношита (Sonoshita Zenzo) из 64-го пехотного полка Ямагато спасти артиллерийский батальон Морикавы в полночь провалились, так как пехотинцы потерялись. Артиллеристы пролежали всю ночь, не разбивая палаток, несмотря на проливной дождь.

Проблемы Ясуоки с артиллерией на конной тяге Морикавы, танками Йошимару, пехотой Ямагато и Кадзикавы, саперами Ябуучи показывали фундаментальные недостатки в доктрине, подготовке и практике использования боевых механизированных подразделений. Концепции боя для разных родов войск заметно отличались. Что касается танкистов, они всегда считали себя передовой частью пехоты, проводя неожиданные атаки и врываясь на позиции противника. Такой подход хорошо оправдывал себя на театре военных действий в Китае, где у противника не было танков и танкисты были всемогущими "героями сражений", убежденные, что они "звезды", которые выигрывают битвы, что ни один противник не может противостоять им и что пехота, традиционно считающаяся "королевой боя", должна завидовать им. Для операций в Северном Китае был сформирован механизированный корпус (отряд Сакаи - по имени командира. **Прим.авт.**), состоящий из моторизированной пехоты. Поскольку считалось, что это был неудачный эксперимент, корпус был расформирован. Ко времени Номонханского инцидента пехота снова действовала в пешем порядке. Однако на равнинах Хулуи-Вуир были бы достигнуты лучшие результаты, когда танки вели боевые действия во взаимодействии с моторизированной пехотой. Ногучи, в свою очередь, не хватало отряда Сакаи или ему подобного в Номонханской кампании.

В боях 1939 года стало очевидно, что русские уделяют большое внимание тактике взаимодействия танков, пехоты и артиллерии (часто выделяя 10 человек на одну машину поддержки) и что они рассматривают танк, как мобильную бронированную артиллерию. Японское командование, на словах подчеркивая важность мобильности механизированных средств, реально почти не проводило совместных учений с другими родами войск, особенно на открытой местности. Как считал лейтенант Такешита из 3-го танкового полка, "склонность" танковых войск действовать без поддержки пехоты обычно вызывала острую критику в танковых школах и на совместных маневрах. Это была "отвратительная тенденция", которая в высшей степени проявилась в Номонханской кампании.

Многие японские пехотинцы и артиллеристы никогда не видели своих танков в бою на различных участках в районе Номонхана. Лейтенант 13-го полка полевой артиллерии вспоминал, как к их батарее на танке подъехал сержант-танкист, буквально умоляя дать на время артиллериста, чтобы заменить своего убитого. Командир батареи был обязан отказать в такой просьбе, расстроенный танкист уехал, оставив расстроенными и артиллеристов. Это был единственный случай, когда они встретили японский танк. Солдат 64-го полка вспоминал, как приятно было видеть перед наступлением 2 июля свой танк с национальным флагом, но он больше не видел других танков в последующих совместных боевых действиях. Естественно, пехота не всегда могла успевать за танками, а танкисты жаловались, что пехота не поддерживает их. "Но, по правде говоря, - рассказывал один солдат, - я чувствовал разочарование в том, что не было взаимодействующих с нами танков". Пехота не требовала, чтобы взаимодействие с танками было удовлетворительным. Тем не менее, солдатам было очень жаль видеть свой горящий танк. "Каждый раз, когда мы проходили мимо танков, - говорил командир пулеметной роты полка Ямагато, - мы минутой молчания благодарили их за их жертву, скорбя по погибшим, соединив руки в почтении".

Продвигаясь вперед в дождь под темными облаками, вечером 2 июля японские танковые войска, как до этого пехота и артиллерия, попали под артиллерийский огонь с левого берега Халхин-Гола. Около 20.00 на большом расстоянии к северо-западу от предполагаемого расположения 3-го танкового полка Йошимару разлился густой дым и огонь, но посыльные не могли пройти туда. Хотя в штабе боевой группы Ясуоки тоже видели горящие машины, но и там не могли определить, чьи машины горели - свои или противника. Йошимару фактически двигался согласно плану со скоростью 15 км/ч, пересекая углубления и отлогие скаты на равнине, до тех пор, пока его часть не попала под огонь тяжелой артиллерии: 107-мм пушек и 152-мм гаубиц, расположенных на левом берегу Халхин-Гола. Местность покрывалась дымом, создавалось впечатление, что несколько танков подбито, но на самом деле ни одна из машин не была повреждена. Айри провел пробную стрельбу, но поскольку она была преждевременной, его отругал командир роты.

Один раз, пройдя зону заградительного огня, японские танки направились к передовым постам противника, вероятно, занятым моторизированной пехотой. Как сказал один японский артиллерист, "мы прошли их с удовольствием". Через 700-800 м были обнаружены советские огневые позиции, состоящие из бронеавтомобилей, танков и противотанковых орудий, интенсивный огонь которых создавал угрозу продвигающимся танкам японцев, более опасную, чем при стрельбе тяжелой артиллерии на большие дистанции снарядами с бризантным ВВ. Когда оборона была прорвана, русские бросили несколько танков и бронемашин, оставив их разбросанными на равнине. Некоторые подразделения отъехали на грузовиках, другие, оставленные позади, ждали наступления ночи. Было видно, как несколько скорострельных орудий противника и пехотинцев ушли на фланги под прикрытие.

К 20.00 3-й танковый полк достиг возвышенности, упавшейся в пересечение дорог. Это был участок труднопроходимой местности, где, вероятно, советские войска сосредоточили свои противотанковые орудия. Хотя танковыми частям Императорской армии в целом удалось сохранить свой боевой порядок, танк 1-й роты прекратил вести огонь и был выведен из строя. Крупнокалиберный советский пулемет, ведущий огонь с фланга, пробил башню танка, пытавшегося догнать свои подразделения. Командный отсек танка нагрелся до такой степени, что казалось, будто бы он горел. Но фактически броня не была пробита и экипаж не понес потерь.

В то время как полк Йошимару пытался продвинуться к пересечению дорог, советские войска сосредоточили орудия, пехоту и бронированную технику в узком районе возле реки и проводили контратаки с трех направлений. Японские войска более или менее успешно вели боевые действия, но связь между танками была неэффективной ввиду интенсивных радиопередач противника. С течением времени огонь артиллерии советских войск стал более действенным. Советские танковые подразделения неуклонно продвигались через Халхин-Гол с левого берега. Несколько советских бронемашин горели, но японцы также начали нести потери. Некоторые танки Йошимару вынуждены были вылезать в бой при буксировке вышедших из строя своих машин.

Вскоре после 21.00, "осознав отрицательную сторону остановки на долгое время" без поддержки артиллерии или пехоты, Йошимару принял решение отвести и снова собрать полк на некоторое время ближе к тылу. Темная ночь была только на руку. По команде "За командиром" штаб и резервный взвод Йошимару переместились на высоту 731, выслали команды для осуществления связи и ожидали разбросанные роты, что не так-то легко было сделать. Все подразделения старались собраться в течение оставшейся части ночи. До этого момента Йошимару был не способен осуществлять эффективный контроль.

Командир 1-й роты капитан Масаджиро Миятаке (Miyatake Masajiro) был в состоянии эйфории, когда въезжал в бой, буксируя захваченную бронемашину и одно из трех или четырех также захваченных 45-мм орудий. Но все же трое командиров взводов капитана Миятаке погибли в бою. Часть потерь была понесена, когда около 20.00 командир роты потерял связь с командиром 2-го взвода лейтенантом Сабуро Шимизу (Shimizu Saburo) и отправил на поиски его взвода танкетку Кога. Японские радиостанции все еще были заглушены советскими передатчиками. Местность также была неопределенна. Можно было видеть, как советские солдаты передвигаются по своим позициям и капитан Миятаке, дурасься, кричал им "Привет!"

Привет!". Более грозный артиллерийский огонь был слышен в вероятном направлении расположения части Шимизу. Именно поэтому Миятаке отправил Когу с задачей уничтожить оставшиеся противотанковые орудия противника.

Около расположения зенитных установок советских войск взвод Коги обнаружил странную проволоку зеленого цвета - печально известное заграждение из проволоки "фортельяно", которое сыграет свою роль в контексте ужасных событий 3 июня. Однако танкетке Коги все же удалось пересечь проволочное заграждение и продвинуться вперед, но она исчезла в темноте, освещенная только разрядами орудий противника. Другой командир танкетки, Ицу Вакабаяши (Wakabayashi Itsuo), также отдал приказ своему водителю пересечь проволочное заграждение, но водитель ослепительно обошел его и несколько отклонился в правую сторону. Вакабаяши особенно не был обеспокоен мощным артиллерийским огнем, который, как предполагалось, не мог пробить японскую броню. Танки противника - вот, что его волновало больше всего. На расстоянии 300 м 4 неизвестных танка-истребителя внезапно атаковали его с левого фланга. Вакабаяши разорвал японский флаг и попытался снять все, что могло бы напоминать о принадлежности к 4-му полку Тамады. Все сомнения о принадлежности атакующих танков отпали, как только они усилили огонь.

Вакабаяши решил прикритись за откосом, когда в его танкетку с тыла попал снаряд. К счастью для экипажа этот снаряд не разорвался. Сдетонировал только взрыватель, в то время как снаряд "приземлился" за ящиком с боеприпасами. Танкетка Вакабаяши продолжала двигаться, но огонь вспыхнул среди 3 дымовых шашек, находившихся внутри. В результате пожара начали взрываться боеприпасы для пулемета. Хотя электробатарея танкетки была повреждена, топливный бак оставался целым. Японскую технику спас тот факт, что загоревшиеся шашки выделяли облака дыма, в результате чего противник подумал, что уничтожил цель и прекратил вести огонь. Используя огнетушитель, Вакабаяши попытался потушить огонь и выбросить шашки из танка. От дыма задыхался водитель, который открыл передний выходной люк, и, держа ногу на педали газа, продолжал управлять танкеткой, периодически высовывая голову из машины. В конечном счете экипажу удалось прорваться через дымовую завесу.

Справа Вакабаяши заметил 2 японских средних танка, двигавшихся тихо и медленно, несмотря на то что рядом располагались подразделения советских войск. Это были вышедшие из строя танки пропавшего взвода лейтенанта Шимизу. Вакабаяши продолжал двигаться вперед, пока его танкетка не свалилась в траншею, а ее мотор не остановился. К счастью для него самого и его членов экипажа траншея принадлежала одной из частей 64-го пехотного полка. Растерянному и ошеломленному Вакабаяши оказали медицинскую помощь, осмотрев ожоги на обеих руках и раны на ногах, полученные в результате беспорядочной стрельбы пулемета. Было около 22.00.

Другая танкетка горела, лежа на левом боку. Командир взвода Кога уничтожил свою машину. Танкетка лейтенанта после встречи с первым рядом заграждений и пересечения всех позиций расположения орудий советских войск запуталась в 3 ряду проволоки, которая сцепила колеса машины и сделала ее неподвижной под артиллерийским огнем. Когда Вакабаяши захотел вынести труп своего командира взвода, он обнаружил, что тело лейтенанта сгорело вместе с его очками. Говорили, что Кога верный традициям японских офицеров танковых войск, покончил жизнь самоубийством. Верхняя часть тела его механика-водителя сильно обуглилась. Вакабаяши попытался манипулировать рычагами управления танкеткой, но они были поломаны и не работали.

Один из танковых экипажей 1-й роты продолжал двигаться ночью в дождь с открытыми люками, когда они увидели командира взвода Ирие и несколько бегущих солдат. Но вскоре их внимание переключилось на 3 или 4 танка 2-й роты. Были сделаны попытки установить месторасположение первоначального пункта выдвижения полка, но, вероятно, из-за молнии компасы оказались бесполезными. Поскольку никто не мог положиться исключительно на интуицию механиков-водителей танков, некоторые члены экипажа слезли с машин, повязали на спины куски белой ткани, достали свои пистолеты и старались следовать перед танками пешком. В конце концов оказалось, что войска просто прошли один большой круг в темноте при сильной непогоде. Командиры танков приняли решение остаться там, где они располагались, выставив часовых и ждать до рассвета.

Командир 2-й роты и 2 его командира взводов были убиты этой ночью. Танк майора Мориносукэ Киномото (Kinomoto Morinosuke) глубоко проник в систему обороны и преодолевал возвышенность, когда майор был убит в результате артиллерийского обстрела. Остальные танки 2-й роты так и не смогли поддержать Киномото стремительным броском. Действуя позади него, командир взвода Ирие думал, что вся часть уже почти достигла необходимых рубежей, когда в 21.30 он увидел своего собственного пулеметчика, убитого в приблизительно то же самое время, когда был убит Киномото. Рикошет от танкового снаряда, выпущенного с фланга на правом берегу, пробил тонкую броню танка Ирие и раздробил бедро водителю. Ведущий вал танка был разбит, двигатель работал, но машина не двигалась. С мыслью о возобновлении командования своим взводом с другого бронированного средства Ирие слез с машины и подождал пока подойдут 2 других его танка, не догадываясь о том, что оба они завязли в песке и уже никогда не вступят в бой.

Устав Императорской армии запрещал оставлять танк под огнем, даже если машина была полностью выведена из строя. Как часто повторял командир взвода из 3-го полка Кога, члены экипажа должны разделить судьбу своего танка, сохраняя последний патрон для того, чтобы совершить самоубийство. Оценив собственный опыт, Ирие назвал данное утверждение неверным, как в действительности оно было в его случае. Неподвижный танк, застрявший в грязи, был многократно поражен и горел в результате огня противника. Экипажу было запрещено принимать самостоятельное решение в данной ситуации. Поэтому был убит сержант-пулеметчик Ирие, а раненый водитель был захвачен в плен (позже возвращен на родину), хотя детали этого события были еще неизвестны в то время. Ирие мучительно страдал от потерь, полученных в результате бессмысленных и жестких военных традиций.

Думая об этом, Ирие отправился искать остальной личный состав своего полка. После того, как наступила полная темнота, он поменял свою машину на резервный танк, который прибыл для доставки приказаний на сбор. В конечном счете танк неожиданно наткнулся на сержанта и 2 солдат, проходивших мимо. Это был экипаж другой машины подразделения Ирие, застрявшей в грязи. Солдаты несли пулемет, снятый с их танка, и вели боевые действия как пехотное подразделение опять же в соответствии с требованиями устава (когда боевое транспортное средство завязло в болоте, но не было под огнем). Объединившись с этим экипажем, Ирие брел в северном направлении всю ночь через позиции противника, где иногда можно было слышать разговоры советских солдат. Японцы пытались точно следовать по следам гусениц танков, но только заблудились. Бесцельно блуждая, они окончательно промокли под проливным дождем. Пройдя почти весь день без воды, солдаты были благодарны дождю. Солдаты лежали на землю и жадно пили грязную воду. Они собирали дождевую воду в свои каски, пропитывали ей носовые платки и сосали ткань. На рассвете 3 июля группа наткнулась на 64-й полк, который находился в бездействии. Ирие пошел к командному пункту Ямагаты, задав несколько вопросов о сложившейся тупиковой ситуации и снова двинулся на поиски своего танкового полка. Как оказалось позже, по случаю гибели майора Киномото командир 1-го взвода старший лейтенант Мориакэ Сакамото (Sakamoto Moriaki) сделал попытку повторно собрать роту, согласно указанию Йошимару. Однако он столкнулся со многими трудностями из-за танков, которые были выведены из строя или уничтожены. К тому же взвод находился под непрерывным артиллерийским огнем русских. Во время ночных боев японских танковых соединений 2 июля никто из старших командиров не имел связи друг с другом.

Ясуока отправил 2 танковых дозора, состоящих из двух офицеров-наблюдателей в каждом танке, с целью попытаться установить контакт с Йошимару и Тамадой. Разведгруппа, получившая задачу найти 3-й полк, безрезультатно вернулась на следующее утро, а другая, с задачей обнаружить Тамаду, потерялась и исчезла. Только 4 июля этой группе, оказавшейся под перекрестным огнем, помогли выбраться пехотные подразделения.

Майор Ногучи поддерживал связь с основными силами из 64-го пехотного полка до полуночи, а затем Ясуока отправил за ним мотоцикл с коляской. Ногучи направился обратно в штаб соединения. Он двигался бок о бок вместе с десятками пехотинцев. Это позволяло майору сохранить присутствие духа, так как он опасался, что приближение к другому флангу может привести к столкновению с противником, хотя полк Ямагаты располагался на расстоянии немного больше тысячи метров от командного пункта Ясуоки. Около 20.00 офицер управления 4-го танкового полка майор Огата сел на легкий танк для установления связи со штабом Ясуоки, но заблудился на полпути. Во мраке ночи, не зная местность и точное расположение командного пункта соединения, Огата решил, что будет лучше остаться со своим полком, поэтому он вернулся обратно к Тамаде. На фронте Йошимару были слышны звуки отдаленного боя, хотя танковый полк должен был действовать той ночью без поддержки пехотных подразделений или артиллерии.

4-й танковый полк Тамады, продвигаясь вечером в быстром темпе к рубежу атаки, столкнулся с трудностями при сохранении курса через район непрерывных дюн. Масштаб карт был слишком мал, а на магнитные компасы отрицательно воздействовала сталь танковой брони. Ввиду обычного недостатка ориентиров на полупустынной равнине подразделения выбрали для наступления низменности, чтобы избежать заградительного огня советских войск с правого фланга. Лейтенант Суночу вспоминал свое первое боевое крещение, как он дрожал от волнения, хотя снаряды гаубиц

противника рвались между его 4-й резервной ротой и ротой поддержки в тылу позиций. Ближайший снаряд ударил в 2 метрах за его танком. И Суноучи случайно потерял из виду другие 2 танка взвода, которые заволокло дымом. Вдохновленный поведением своего командира роты Суноучи начал периодически выглядывать из башни танка. "Мне было не страшно", - говорил он. "Казалось, все происходящее не отличается от обычных маневров".

Под артобстрелом противника с правого фланга 4-й полк неосознанно отклонился на юго-восток, вместо того чтобы продвигаться в южном направлении, как предусматривалось в первоначальном приказе по бригаде, согласно которому Тамада должен был оказать помощь Йошимару и двинуться с левого фланга на соединение сил. Полк Тамады пересек высоту 752 и к 19.30 прибыл на место юго-западнее от пруда Юзуру, о чем они тогда и сами не знали. Облака были расположены низко, пошел дождь и огонь артиллерии противника с высоты Хара на левом берегу также прекратился. По этому случаю командир 1-й роты капитан Мацумото доложил о мощной системе противотанкового огня, позициях караула и больших пунктах боеприпасов вдоль дюн к юго-западу. Пока основная часть полка сконцентрировалась вокруг штабов, танки Мацумото расположились против позиций противника.

После проведения рекогносцировки местности Тамада принял решение обойти дюны и вести наступление через равнину в юго-восточном направлении. В 20.00 полк опять перешел в наступление, сжигая по пути все заросли камышей, которые могли скрывать в себе противотанковые орудия. В первой фазе наступления японские танки вступили в бой с противотанковыми орудиями, передвигавшимися вдоль линии перекрестного огня в южном направлении, а бронемашин действовали в долине в восточном направлении. Суноучи находил "по-настоящему приятным" вести огонь против советских войск пока снаряд противника не окатил его землей и нарушил "покой его мыслей". К 21.00 силы Тамады продвинулись на 2 км в северо-восточном направлении от озера Ирингин, ведя бой с противником и рассчитывая получить в качестве трофеев 5 или 6 противотанковых орудий. Красная Армия использовала все выгодные стороны местности для перегруппировки и возобновления обстрела полка Тамады, применяя тяжелую артиллерию с северного направления. Тамада думал, что 100 снарядов, вероятно, отстрелянные вслепую из 122-м гаубиц, обрушились на его подразделение. Это было чудом, что ни один танк не пострадал, хотя были жертвы во время наступления подразделений поддержки, находившихся в тылу. Постоянные изменения в дислокации танков под огнем были необходимы.

Со времени гибели капитана Китамуры 30 июня исполняющий обязанности командира 2-й роты старший лейтенант Юсихиса Ито (Ito Yoshihisa) убедил Тамаду возобновить боевые действия. "Японские танки стояли в небольших ямах-капонирах, однако полковник ожидал, что они в конце концов будут замечены противником в любом случае, находятся они в движении или нет, поэтому Тамада предпочел остановиться. Предостерегая всех от излишнего шума, он уже в сумерках продолжал смотреть в бинокль, выглядывая из башни. Обобщив всю имеющуюся информацию, Тамада обнаружил, что 2 или даже 3 советских батареи располагались на возвышенности на расстоянии 3 км в юго-западном направлении; передовые наблюдательные пункты русских были расположены по правую сторону от них. В 2 км на юг на участке перекрестного огня на обратной стороне склона горы находились позиции противника с неустановленным количеством личного состава. По левую сторону от соединения Тамады действовали бронемашин, грузовики, пехота и противотанковые орудия противника.

В тот момент Тамада анализировал ситуацию. Как только полк выдвинулся на фронт в районе Кунгчулинга, Тамада долго обдумывал, как его 40 легким танкам лучше всего вступить в бой с противником, обладающим огромным количеством броневой техники и артиллерии. "Моя никчемная голова", - говорил он, - "абсолютно не работала". Все, что ему удалось придумать, это попытаться атаковать русских с фланга. Во время "вечерних боев" 2 июля полковник собирался отойти вправо, в направлении расположения подразделения Йошимару, но сейчас Тамада чувствовал, что он может попасть в ловушку и наткнуться на перекрестный огонь, в случае если он предпримет такую попытку. Сразу же после 21.00, когда он обнаружил медленно уходящие грузовики и отступающую советскую пехоту, Тамада решил, что они, как и ожидалось, стали отходить. Он немедленно захотел преследовать их и, если возможно, ввязаться в бой. Поскольку артиллерия противника располагалась между японскими подразделениями и перекрестком дорог, первое, что намеревался сделать Тамада, это уничтожить позиции артиллерии. Инструкции штаба для наступления были неопределенными, часто в них говорилось о необходимости "найти хорошую возможность", поэтому он понял, что у него есть запас времени, для того чтобы провести внезапную ночную атаку всеми имеющимися танками в полку.

В боевом журнале 4-го танкового полка ничего не сказано о разногласиях среди его офицеров. Но, по словам самого Тамады и майора Огаты, полковник советовался со своими командирами рот, однако они все были против его идеи ночного наступления. Тамада признавал, что данное поведение офицеров было "естественным, так как в соответствии с руководством по эксплуатации наших танков было запрещено проведение танковым полком ночного наступления". Боевые действия с использованием танков ночью были разрешены только во взаимодействии с пехотными подразделениями с участием не более танкового взвода. Как вспоминал полковник, он не собирался проводить ночную атаку до возникновения особых обстоятельств. Однако у командиров рот была хорошая причина воспротивиться его идее. Огата отмечал, что практически ничего не было известно о местоположении противника - только то, что силы советских войск были расположены "примерно в том направлении" - и что его артиллерия находилась "где-то там", по той простой причине, что артиллерийские снаряды летели "откуда-то оттуда". Командир взвода Томиока добавляла, что в полку никогда не было ночных учений с использованием танков, а Масуда подчеркивал, что ночные операции по применению танков являются обычно очень рискованными, вызывая опасность для них попасть в яму или просто перевернуться. Предполагалось, что ночью танки будут продвигаться по отвоеванной днем территории и охраняться резервными пехотными подразделениями.

Единственным офицером, поддержавшим Тамаду, был Огата, который отказался от бесполезной идеи добраться до штаба бригады и с кем полковник советовался еще до проведения собрания с командирами рот. Огата доказывал, что полк имел задачу, поставленную Ясуокой. Провал наступления нарушил бы его непосредственные инструкции. Что же еще оставалось сделать полку, чтобы их выполнить? Что касается тактических соображений, то Огата не думал, что найти направление движения будет так трудно, так как полк проводил разведку местности обычно на широкой и ровной территории настолько часто, насколько это было возможно. У адъютанта была последняя личная причина защиты проведения ночной операции: как старший офицер полка, Огата осознавал лучше чем кто-либо, как плохо вела боевые действия эта часть в районе Таурана и в северных районах Китая. Бездействие ночью 2 июля, несомненно, наложило бы неизгладимое пятно на военные традиции полка, с чем бы непременно согласились ветераны части. Очень важно то, что Огата считал возможной ночную атаку, хотя некоторые потери были бы неизбежны. Однако если бы операция прошла неудачно, адъютант совершил бы самоубийство; вероятно, командир полка сделал бы то же самое.

В соответствии с записями в боевом журнале 4-го полка Тамада отдал свой приказ на начало ночной операции ровно в 21.00, что оставляло небольшой запас времени для начала боя и наступления на высоту 757, а также совещания с командирами рот. В действительности, Огата вспоминал, что обсуждение с подчиненными офицерами продолжалось около часа, после чего Тамада сам поразмышляла в течение значительного количества времени и опять вызвал адъютанта спросить его точку зрения. Несмотря на то что полковник и его адъютант говорили одно и то же, Тамада не объяснил причины своего поступка в подробностях, вместо этого делая упор на важность выполнения задачи. Именно поэтому он потребовал от всех командиров рот "полной солидарности, единства и отчаянного решения". Вероятно, он также испытывал скрытое чувство чувства ответственности, вызванное тем фактом, что 4-й полк двинулся на восток в то время, когда Йошимару вел интенсивные бои с противником.

Возможно, ближе к 22.00 Тамада довел всем своим офицерам, стоящим на должностях командиров рот и выше, некоторые дополнительные и очень эмоциональные инструкции:

"К сожалению, полку не удалось прорвать оборону противника, находившегося перед нами весь день, но допустить задержку в выполнении поставленной нам задачи нельзя. Если мы пустим все на самотек, то черное пятно останется в нашей истории на долгое время. Если же мы ночью решительно проведем данное наступление, то есть надежда прорвать оборону советских войск. Поэтому с этого момента весь личный состав полка будет искать и уничтожать противника, ведя стремительное наступление всеми силами и средствами. Рискованно вести большую танковую часть в бой ночью, не зная местоположения противника и особенностей местности. Но боевая задача требует этого, и поэтому я очень хочу, чтобы все офицеры и солдаты сались воевать, следуя примеру командира части, сражаясь за честь полка".

Через некоторое время после доведения плана действий Тамада разъяснил детали предстоящей операции. Ничего не было известно ни о реальном местоположении противника, ни о соседних подразделениях своих войск. Наступательную операцию планировалось провести после наступления темноты, точное время было определено позже. Средние танки 4-й роты капитана Ина, двигавшиеся впереди полка и развернувшие свои танки в ряд,

представляли из себя "режущее лезвие атаки". Штаб полка двигался сразу за ними, окруженный 1-й ротой Мацумото слева и 3-й ротой Тамаки справа. Все подразделения выдвигались в походных колоннах. 2-я рота Ито составляла полковой резерв и двигалась рассредоточенной по фронту. Расстояние между подразделениями составляло около 30 м, между танками - 6 м. Тамада не знал, как лучше атаковать позиции противника, двигаясь общей группой или, включив фары и ведя огонь, всецело полагаясь на решения командиров отдельных рот.

Однако, несмотря на это, полковник принял решение и отдал приказ на проведение операции. Жалоб и возмущений не поступило, хотя атмосфера была не из лучших. Если в ней и присутствовал оттенок "трагедии", то только в чувстве умереть со славою, в чувстве, которое пронизывало весь танковый корпус японской армии и которое звало "Наступать, наступать, наступать!" Хотя все возможные приготовления к атаке были сделаны, их оказалось недостаточно. Поэтому среди военнослужащих царил не пессимизм, а просто неопределенность в исходе боя, нехватка обыкновенной уверенности в неизбежной победе. Солдаты чувствовали, что "сейчас они зависят только от воли судьбы".

К 22.30 на район расположения 4-го полка опустилась ночь и черные облака заволокли все небо. В 4-й роте Ин собрал своих командиров взводов, предложил им сигареты и подробно довел указания: на каждом танке должен быть установлен японский флаг, каждое подразделение должно вести наступление в строгом боевом порядке, сосредоточивая все свое внимание на командире роты. Командир взвода Суноучи вспоминал, как он выстраивал в одну линию свои танки на пункте развертывания и обращал внимание командиров танков на надежное их взаимодействие. Лейтенант был возмущен оттого, что победа в ночной операции наконец-то могла быть у них в руках - "такого еще не было в военной истории мира". Немного ранее, в 23.00, командир полка отдал всем подразделениям приказ начать наступление. Средний танк Тип 89 Ина выдвинулся вперед на второй передаче и минимальной скорости около 5 км/ч. Капитан приказал экипажу не вести огонь, противник должен был открыть огонь первым. Танки наступали, и был слышен только лязг гусениц.

Невооруженным глазом было видно, что погода полностью благоприятствовала ночному наступлению: низкие облака закрыли луну, видимость была 10-20 м. Температура 18° и волнистая местность были идеальными для проведения операции. Всех волновал вопрос о сохранении направления атаки, а также поговаривали об общей ответственности за данное мероприятие. Огата, который гордился своим "шестым чувством" и который уже изучил всю информацию о местности, полученную от подразделений разведки, добровольно вызвался помогать управлять полком и вскарабкался на башню танка Ина. Полк выдвигался в смешанных колоннах в юго-восточном направлении, поэтому Огата изредка останавливал его для приведения в порядок, выравнивая все последующие танки по машине Ина. Командир взвода Томиока запретил личному составу выходить из своих танков и продолжал наблюдать, используя свой полесовый бинокль шестикратного увеличения. По словам Огаты установить надежную связь между подразделениями было "трудно, но возможно". С одной стороны Суноучи поднимал японский флаг, пытаясь ускорить подход своего отставшего третьего танка. Когда данное мероприятие не принесло пользы, лейтенант выпрыгнул из танка и закричал на своего ленивого механика-водителя, чтобы ускорить движение.

Поскольку танки были сильно скучены для проведения ночной операции, использование радиосвязи могло привести только к беспорядку; следовательно, наиболее часто применялись визуальное наблюдение и команды в устной форме. Секундные вспышки молнии благоприятствовали ориентации, наблюдению за местностью и расположением позиций противника. Около полуночи Огата заметил следы на равнине, которые в соответствии с показаниями компаса, вели на юго-восток. Данная находка (позже подтвержденная) поддерживала уверенность Огаты в полной правильности его действий, поэтому полк направлялся строго в юго-восточном направлении.

Первые внезапно появившиеся подразделения противника находились в углублениях, обнесенных подобием частокола. Тамада приказал их уничтожить, и эту задачу удалось выполнить довольно легко. Осознавая, что основные обороняющиеся подразделения противника могут находиться очень близко, полковник дал указание командиру 4-й роты, который спрашивал, нужно ли штурмовать советские войска, четко следовать его приказам и решительно вступить в бой. Когда водитель во взводе Суноучи заметил несколько солдат, двигавшихся по правому флангу, и запросил разрешение на их уничтожение, лейтенант инстинктивно приказал сделать это в то время, как он сам вел огонь из своего собственного пистолета по всему, что только напоминало солдат Красной Армии.

После того как полк возобновил ночное наступление, начался страшный шторм с громом и молнией, четко освещавший позиции советских войск. Большинство японских командиров танков вели бой с открытыми люками, наблюдая из башен своих машин, поскольку смотровые щели были слишком узкими для хорошего наблюдения, особенно ночью. Однако когда проливной дождь обрушился на танки, командирам стало трудно работать в таких метеорологических условиях. Суноучи надеялся свои защитные очки, позволяющие ему вести наблюдение, но не свободно дышать. Тогда командиру взвода пришла умная мысль надеть противогаз, хорошо помогавший в сильный ливень. Молния не поразила ни один из танков, но гром прогремел настолько близко, что Томиока решил, что им удалось что-то уничтожить.

Тамада утверждал, что благодаря разрывам молнии каким-то "чудесным" образом удалось обнаружить советские обороняющиеся подразделения до того, как столкнуться с ними. Несмотря на то что Огата полагал использование слова "чудо" неуместным в данной ситуации, он понимал, почему командир полка применил его в своей речи. Многие японские военно-исторические издания сравнивают данное ночное наступление со знаменитой внезапной атакой Нобунаги Ода (Oda Nobunaga) в районе Окехазамы в XVI веке. Атака была успешно проведена в сильный шторм.

Видимо, усыпленные ночной прохладой, советские обороняющиеся подразделения находились в бездействии, пока раскаты молнии внезапно не раскрасили японские танки, располагавшиеся совсем близко. Вслед за этим советские войска открыли огонь из пулеметов, противотанковых орудий и артиллерии. В условиях непосредственного соприкосновения с противником артиллерия была практически бесполезна. Хотя артиллерийские орудия были установлены на минимальный угол прицеливания, снаряды пролетали намного выше японских танков.

Около 12.20 Тамада отдал своему полку приказ на наступление. С точки зрения японского командования, медлить больше не было смысла. Шторм был в разгаре, и молнии постоянно освещали позиции противника. Лейтенанту Суноучи набирающие скорость наступающие танки казались "дикими разъяренными быками". Автоматически снимая противогаз, глубоко дыша и крича, командир взвода одним глазом смотрел на противника, другим - на командира роты. Он приказал своим артиллеристам и пулеметчикам вести огонь в горизонтальной плоскости, пока он заряжал пистолет и молился за победу своих войск. Тамада и большинство личного состава роты средних танков капитана Ина рванулись вперед на 1000 м через позиции пехоты противника. В своем легком танке, экипаж которого состоял из трех человек, полковник сам вел огонь из пушки, пока офицер связи полка старший лейтенант Хидео Накадзима (Nakajima Hideo) руководил водителем танка, рассчитывая дальность стрельбы и вел огонь из пулемета. Экипаж был слишком занят в то время, чтобы распознать свои танки, поэтому один из них, горящий поблизости, достигла роковая судьба.

Пока Ин и штаб полка продвигались вперед, 3-я рота Тамаки наступала по правому флангу на огневые позиции артиллерии. Один из взводов Ина под командованием старшего лейтенанта Такуро Ширагата (Shiragata Takuro) потерялся и переменял направление движения к левому флангу Тамаки. Несмотря на мощный огонь, японские танки даже не замедлили свой ход. Взвод Томиоки не открывал огонь из имеющихся пушек и пулеметов, пока орудия, боеприпасы и личный состав противника были на видимости 100 м на незначительном возвышении. И опять раскаты молнии сыграли важную роль. Хотя взвод поддержки и прикрывал капитана Тамаку, находившегося в отрыве от остальных подразделений, танки Томиоки не имели возможности наблюдать за действиями командира и должны были принимать решения в бою самостоятельно.

Выдвигаясь впереди, танки Томиоки применяли тактику "спирали". Они вели огонь по каждой позиции противника, с грохотом наезжали на артиллерийские орудия и взрывали боеприпасы. Промокнув под дождем, Томиока все же оставил люки танков "открытыми", его водитель тоже открыл свой люк для лучшего наблюдения за обстановкой. Лейтенант, крича, отдавал приказы своему взводу на уничтожение пушек, а затем пулеметов. Батареи советских войск были обложены мешками с песком, а количество личного состава составляло примерно 3 солдата на каждом участке. Узлы коммуникаций были узкими - около полуметра в глубину - и были хороши только для передвижения ползком. В траншеях были специально оборудованы 2 места для пушек, в каждом из которых могло находиться 4-5 военнослужащих, ведущих наблюдение и выполняющих обязанности по подаче боеприпасов. Вообще, на каждом месте первоначально находилось по 50-60 солдат, расположенных по фронту на 700 м и в глубину на 500 м. К 2 часам ночи все 12 единиц артиллерийских орудий противника были уничтожены.

Томиоку привлекали две особенности ведения обороны противником. Первая особенность состояла в том, что советские войска не сделали ни одной попытки провести против танков короткие контратаки. В тех же обстоятельствах японцы бы без колебаний использовали противотанковые отряды

смертников. Вторая особенность заключалась в необычном плане расположения огневых позиций артиллерии. Везде впереди орудий советские войска откопали небольшие углубления, через которые корректировщики в бинокль могли просматривать цели и докладывать о них по радиосвязи. Через данные углубления можно было рассмотреть лица японских солдат, которые, в свою очередь, отрывали ямы, чьи стенки, в отличие от советских окопов, имели вертикальные края, так что в них можно было устанавливать ящики. Поэтому японцы вместо мешков с песком насыпали туда землю; естественно, данные "восточные парашеты" привлекали не только внимание противника, но и огонь его орудий. Однако Томиока заметил, что советские войска избавились от всей выкопанной земли, используя большое количество техники. Таким образом, неожиданно возникали представляющие опасность укрепления в позициях советских войск.

На левом фланге 4-го полка, проходя мимо роты средних танков Ина, выдвигались легкие танки командира 1-й роты Мацумоты, вероятно, предназначенные для выполнения задачи по стремительному преследованию противника. В полковом дневнике очень кратко говорится о разгроме подразделениями Мацумоты пехоты противника и о глубоком проникновении на позиции расположения советских войск в юго-западном направлении. На картах представлена четкая и хорошо организованная наступательная операция, однако Тамада впоследствии не исключал, что подразделения Мацумоты продвинулись левее и столкнулись со слабым сопротивлением небольшого количества пехоты противника. Командир взвода Кацушиге Кувабара (Kuwabara Katsushige) потерял ориентировку и вступил в бой слева от 3-й роты Тамаки.

2-я рота лейтенанта Ито, как резервное подразделение полка, вступила в бой на правом фланге между Ином и Тамаки, где ее помощь была наиболее необходима. Противотанковый или артиллерийский снаряд попал в отсек с боеприпасами, находящийся позади водителя танка. Произошел взрыв, в результате которого боевой отсек вспыхнул желтым пламенем. Лицо и конечности Ито сильно обгорели. Ито сильно обгорели. Лицо и руки пулеметчика также обгорели, к тому же он был ранен осколками снаряда. Пламя огня опалило спину водителя, также раненого осколками. Двигатель танка остановился, а запустить его уже было невозможно. После бесполезных попыток потушить огонь Ито решил эвакуироваться. Он с невероятными усилиями попытался вылезти из башни танка, но от боли потерял сознание и упал на землю. Механику-водителю удалось выползти из кресла, а пулеметчик, страдая от боли, привел в сознание случайно упавшего на него Ито. Танк Ито, из-за всплеск пламени видимый как своими войсками, так и войсками противника, привлекал к себе внимание и огонь советских войск.

С жадной долой возобновить командование своей ротой лейтенант, прихрамывая, медленно шел со своими солдатами, 3 из которых поддерживали друг друга, в поисках своих войск. Командир 2-го взвода лейтенант Масакичи Ниикюра (Шинкюра) (Niikura (Shinkura) Masakichi) подобрал Ито и его водителя, прошедших около 150 м, пулеметчика же, не помещавшегося в танк Ниикюры, подобрала другая машина. Ниикюра продолжал вести бой, уничтожая бронированную технику и прорывая оборону противника. Веда бой отдельно от своей роты, в районе атаки ему удалось соединиться с основными силами капитана Ина. Ито, потерявший в бою зрение и не способный командовать своей ротой, лежал внутри танка Ниикюры. В течение всего этого периода штаб полка оставался в неведении о судьбе вышедшего из строя японского танка.

После того как 4-й полк прорвал оборону советских войск, пошел сильный ливень. Когда все внезапно затихло, полковник Тамада, который был до этого очень занят, руководя боем в роли командира танка, понял, что он и личный состав его штаба остались одни. Без молнии, освещавшей поле боя, он не имел ни малейшего представления о приблизительном местонахождении его рот. Личный состав штаба вылез из своих машин и приступил к обсуждению сложившейся обстановки. Очевидно, что нужно было немедленно принимать меры по сбору полка, личный состав которого находился в темноте в радиусе 1000 м. Командир 4-й роты капитан Ин, двигавшийся позади танков Тамады и Огаты, подняв флаг, подал знак командиру взвода Суноучи. Тот с саблей в руках спрыгнул с башни своего среднего танка и побежал в сторону полковника. Приказ Тамады на сбор был подтвержден указанием Огаты на перегруппировку личного состава вокруг танка командира полка. Суноучи побежал обратно к своему взводу, чтобы сказать солдатам о том, что один из его сержантов был только что убит, предположительно противотанковым снарядом.

На первой стадии после сбора полка Тамада осуществлял контроль только 4 танков: своего, Огаты, Ина и Суноучи. Результаты атаки были под вопросом. Полковник был подавлен. Он заявил, что "поскольку проведение ночной атаки было полностью моей собственной идеей, в результате которой я потерял целый полк, вся ответственность за случившееся ложится только на меня". Огата вспоминал слова Тамады, которые тот произнес в унылом тоне: "Огата, что ты сейчас скажешь обо всем этом?" Заместитель Тамады знал, что имел в виду его командир. В гражданской войне 1877 года великий повстанческий лидер Такамоори Сайго (Saigo Takamori) был смертельно ранен в живот, и, произнеся эти же знаменитые слова, попросил друга отрубить ему голову. Очевидно, Сайго сильно повлиял на Тамаду. Огата также был настоящим представителем рода самураев. Однако закаленный боем заместитель знал, что существовали и смягчающие обстоятельства. Точнее, это данная ночная операция была первым опытом такого рода для Тамады. Полковник, казалось, рассматривал сложившуюся ситуацию как возможно наилучшее положение. Данную оценку Огата не разделял, так как подразделения 4-й роты располагались не так уж далеко, а командир взвода 2-й роты Ниикюра был уже там.

Заместитель решил развеять страх Тамады. Полковник рассказывал: "Когда я сказал Огате, что должен взять ответственность на себя, он ответил: 'Пожалуйста, подожди еще немного. Я попытаюсь определить местоположение и собрать полк'. Первое, что сделал Огата, отправил танк вместе с лейтенантом Ниикурой для установления контакта с остальными подразделениями. За ним последовали работники штаба. Позже Суноучи пошел пешком посмотреть, в каком направлении двигалась 1-я рота, так как был слышен шум гусениц танков. Заместитель, полный страха от того, что, оставшись вместе с Тамадой, он должен будет помогать ему покончить с собой, сказал, что хочет на время отойти вперед. Огата шел пешком с двумя сержантами работников штаба, несущими огромный японский флаг на бамбуковом шесте. Хотя флаг имел большое белое поле, заместитель понял, что таким образом он увеличил его видимость на дальность не менее чем 30 м. Однако его основное намерение не заключалось в том, чтобы собрать разбросанные танки: "Я сделал это только ради своего командира, потому что хотел сделать что-нибудь, чтобы успокоить его, хотя знал, что использовать флаг для сбора разбросанных танков было не совсем эффективно". Пока сержанты шли с Огатой, они кричали в темноту "Ой! Ой!". Чтобы не позволить противнику уничтожить цель, осветительные патроны не использовались.

Через 20-30 минут танк Ниикюры вернулся, объехав территорию по кругу. Лейтенант осторожно выглянул из открытого люка башни. Вероятно, до того как Огата сумел поднять свой флаг, Ниикюра открыл огонь из пулемета. Закричав на лейтенанта и требуя остановиться, заместитель Тамады и его люди смогли спастись от стрельбы и остановить Ниикюру. От лейтенанта Огаты он получил информацию, которая уже была ему известна: "положение действительно сложное, а танки разбросаны по всей территории!" Заместитель вернулся в штаб с сержантами и Ниикурой, принявшим решение успокоить полковника, используя аналитическую информацию: "Несмотря на то что детали нам не известны, наши силы успешно ведут боевые действия. Предлагаю объединить с нами 4-ю роту и другие известные нам подразделения". Дела пошли на поправку, как и ожидал Огата. Вопрос о самоубийстве больше не возникал.

Имея в распоряжении 4-ю роту Ина под артиллерийским огнем, который велся только с огневых позиций противника, расположенных далеко в тылу советских войск, Огата посоветовал, чтобы основные силы Тамады осторожно выдвигались в левом направлении и попытались сконцентрироваться в районе предполагаемого расположения 1-й роты Мацумото. Снаряды пролетали на высоте 50 м от танков и не представляли опасности для японцев. Но если бы противник скорректировал дальность огня, то подразделения полка были бы не способны вести оборону. Полковник согласился и вскоре из района, где предположительно должна была действовать 1-я рота, послышался шум. Прошло несколько минут и Суноучи узнал танки подразделения Мацумото, который пытался собрать свой личный состав и технику после прорыва на юг. Таким образом, Тамада смог еще раз включить в состав своего полка 1-ю роту.

С северного направления появились неопознанные танки с включенными фарами. Предчувствуя контратаку советских войск, Тамада и его личный состав приготовились к удару. К счастью для японцев танки оказались основной частью 3-й роты Тамаки, в число которой входили и отставшие военнослужащие 1-й и 2-й рот, сбившихся в бою направо от основных сил и двигавшихся по кругу все это время. Все подробности подобного развертывания сил были абсолютно новыми для растерянных работников штаба, который с начала боя потерял управление подразделениями. Когда Огата узнал, что Тамаки вернулся, он был "больше чем рад"; было очевидно, что к этому моменту собралась более чем половина подразделений полка. Что касается Тамаки, то он доложил, что его рота уничтожила подразделения полевой артиллерии советских войск, и спросил Тамаду, нужно ли захватить огневые позиции артиллерии противника. Поскольку полковника все еще волновала возможная контратака советских войск и так как ему был нужен каждый экипаж танка для удержания позиций, предложение Тамаки было отвергнуто.

Японские танки все еще находились в глубине обороны советских войск и по ним велся артиллерийский огонь. Огата говорил, что хотя интенсивность огня не была такой большой, как отмечалось в боевом журнале, все же опасность оставалась. Поэтому заместитель Тамады посоветовал начать отход. Между 1.30 и 2.00 часами ночи подразделения под руководством Огаты отодвинулись на тысячу метров к северо-востоку. По мнению Огаты, именно здесь личный состав полка узнал, что вышедший из строя горящий японский танк находился в составе роты Ито.

Вскоре после мыслей о самоубийстве Тамада снова обрел уверенность в себе и начал говорить о проведении новой наступательной операции на оставшиеся подразделения противника. Огата же ответил, что в связи со сложившимися обстоятельствами сделать это будет очень сложно. В полку, собравшему большую часть своих танков, ходили слухи о решении вывода войск ко второму сборному пункту. Рассвет, который должен был наступить через пару часов, непременно, раскрыв бы замысел японцев и вызвал заградительный огонь противника с западного направления. Вместо дальнейшего продвижения японским силам следовало отойти и перегруппироваться на исходном пункте переброски. В этом убедили Тамаду и приступили к выдвиганию в линию колонн.

К 3 часам ночи небо прояснилось и полку удалось продвинуться на 3 км в северо-восточном направлении. Третья остановка располагалась в 4 или 4,5 км от рубежа атаки. лейтенант Суноучи на основе пройденного времени при выдвигании точно заметил несоответствие данных: район сбора казался ближе к пруду Юзуру, чем требовалось. Огата тем не менее был доволен районом остановки, местность прикрывала танки и противника нигде не было видно. С подходом 2-й роты, чье прибытие сразу не было замечено, сосредоточение 4-го полка по существу было завершено.

Однако командир полка переживал, что пропали 2 его офицера. Майор Киёми Миязаки (Miyazaki Kiyomi), занимавшийся боевой подготовкой в полку, уехал на мотоцикле (позже было установлено, что мотоцикл Миязаки сломался, майор и водитель его починили, попытались догнать остальных, но потерялись и наконец отстали от полка). Судьба второго пропавшего - лейтенанта Ито - была установлена до рассвета, когда 4-я рота заметила тусклый свет и услышала далекий лязг гусениц. Экипажи роты Ина сели в свои танки и приготовились вступить в бой с возможными силами противника. Сержант, удалившийся в целях разведки, внезапно наткнулся на средний танк лейтенанта Ниикюры, который вез сильно обгоревшего Ито. Тот слез с машины, извинился перед полковником за сгоревший танк и доложил о ранении водителя. Тамада отреагировал по-отечески, похвалив Ито и его экипаж за отличную работу. Полковнику своевременно не было доложено о том, что танк Ито остался на поле боя. Поэтому проводились тщательные поиски. Например, одной из причин того, что 2-я рота ночью выдвигалась за полком слишком медленно, была попытка найти Ито и его танк. Личный состав полка уже находился во "втором пункте" сбора, а 2-й роты не было. Командир взвода старший лейтенант Тсунейчи Каджия (Kajiya Tsuneichi) подумывал о том, чтобы повернуть и опять атаковать всеми имеющимися танками роты в южном направлении. Это было очень опасно, но Каджия отправился только на двух танках, двигаясь по маршруту на запад, осторожно проникая на территорию, избегая разрозненных сил противника и огня сторожевого охранения. Тогда не удалось обнаружить ни одного следа танка Ито. Так как вспышки молнии прекратились, офицеры группы поиска не были уверены, что они прочесывают именно тот район, где был выведен из строя танк Ито. Но в 4 часа утра лейтенант Ниикюра приехал, чтобы доложить Каджия, что он только что отвез Ито в штаб полка. Каджия и сопровождающий его танк присоединились к полку на третьей остановке.

Только после боя 6 июля Тамада смог изучить обстоятельства, в результате которых был потерян танк Ито. Танк исчез, но появился позже на советской фотографии, на которой были изображены 6 ликующих и карабкающихся на танк солдат Красной Армии. Как считалось проблема для японцев состояла в том, что экипажи танков в танковом корпусе японской армии должны были разделить судьбу их машины. Как вспоминал Тамада: "кто-то приехал из Японии и очевидно встретился с генералом Ясуокой. Говорили, что я, как командир, полка должен был взять на себя всю ответственность за этот прискорбный случай. Однако меня защитили и пришли к разумному решению: такие случаи, как этот, могут иногда возникать при ведении ближнего боя". Поэтому Тамаде было не обязательно совершать самоубийство или каким-то другим образом быть наказанным, хотя данный вопрос его сильно беспокоил. Тем не менее, полковник настаивал на том, чтобы Ито, исполняющий обязанности командира роты, не брал на себя ответственность - заявление, которое расходилось с мнением даже командира взвода Коги. Тамада также рассказывал, что Ито, эвакуированный в госпиталь, не был наказан. Однако командир взвода 3-й роты говорил, что поведение Ито было недостойно выпускника военной академии и что лейтенант был за это наказан. Факт того, что советские пропагандисты торжествовали по случаю захвата японского легкого танка, особенно терзал офицеров как в полку Тамады, так и в полку Йошимару.

Между 4.30 и 5.00 часами утра 3 июля 4-й танковый полк наконец достиг на юго-западе пруда Юзуру, который был по ошибке принят за озеро Ирингин. Другими словами, полк продвигался в северном направлении к третьему пункту сбора, вместо того чтобы идти на запад - типовая ошибка в определении направления, постоянно доставлявшая неприятности частям. Истощенные маршем без сна в течение дня многие члены экипажей дремали в своих танках. В районе пруда Юзуру 4-й полк столкнулся с ротой 64-го пехотного полка и разведывательным подразделением маньчжурской армии из состава сил северного гарнизона.

Пока танковые роты перегруппировывались и пополнялись боеприпасами при содействии подразделений поддержки, Тамада отправил майора Огату найти командный пункт Ясуоки, изучить сложившуюся обстановку предшествующей ночи и задач бригады, доложить о ночной атаке 4-го полка и узнать о его текущих задачах, как только будут закончены все необходимые приготовления. Тем временем была получена информация о том, что тыловой эшелон Тамады, основная часть штаба полка, с 22.00 находится на западе от пруда Юзуру и что на рассвете сбившийся с пути советский грузовик с 12 солдатами натолкнулся на японские войска. Личный состав под командованием офицера связи полка лейтенанта Сотаро Таширо (Tashiro Sotaro) подорвал грузовик, захватил в плен одного военнослужащего, а остальных увез в штаб полка. По захваченным катушкам телефонной проволоки и телефонам стало ясно, что заблудившиеся советские солдаты входили в состав отряда связи.

Тамада оценил потери своего полка как небольшие: 1 солдат убит и 1 офицер и 8 солдат ранено (при общей численности личного состава в четырех линейных ротах 13 офицеров и 302 солдата). Ни рота Мацумоты, ни штаб полка не понесли потери. В отдельности от незначительного количества стрелкового вооружения (в основном пистолеты) полк израсходовал около 16 000 патронов для пулеметов, 1 100 37-мм снарядов для легких танков и 129 57-мм снарядов для средних танков. 4-я рота Ина и рота обеспечения полка израсходовали приблизительно 3000 л каждая, штаб полка - 1100 л, 3 роты легких танков в общем - 7000 л топлива. Полный расход топлива полком к моменту прибытия в последний лагерь после 4.30 утра 3 июля составил 14600 л.

4-й полк уничтожил во время ночной операции (установлено позже лейтенантом Таширо и другими разведчиками) 4 батареи 122-мм гаубиц, 107-мм пушек, 76,2-мм полевых орудий; 10 бронемашин, 2 бронетранспортера, 7 противотанковых орудий, 150 человек личного состава, 5 пехотных минометов, большое количество установленных на машинах пулеметов и 20 грузовиков противника. Японцы свято верили, что советская мотострелковая бригада являлась основой подвижного полка Быкова. Юго-восточные позиции противника на высоте 755, по которым вел огонь 4-й полк, должны были составлять часть обороны войск противника на северном берегу реки.

Доклад об использовании японских бронетанковых войск 2-3 июля 1939 года, составленный на основе воспоминаний участников событий, имеет свое продолжение. Днем 3 июля советской артиллерией и авиацией был разгромлен 3-й танковый полк Йошимару. 2 танка (21 Тип 89 "Оцу" и 1 Тип 97 "Чи-ха"), 7 танкеток и броневедомостей были уничтожены. Погиб и сам командир. Таким образом, бригада Ясуоки потеряла в эти дни не менее 40 танков.

Доклад также свидетельствует о неразберихе и неорганизованности японских бронетанковых частей, тактические воззрения командиров которых находились в зачаточном состоянии. Именно поэтому, а также вследствие малочисленности танковых войск Квантунской армии по сравнению с бронетанковыми силами РККА японцы более не рискнули применять свои танки против советских войск.

MILITARY CHRONICLE

This book is dedicated to the Soviet-Mongolian forces operation in the Halha river region (the Nomonhan Incident) against Japanese aggressors, who encroached on the territory of the Mongolian People's Republic. Battles, which continued from 11 May to 16 September 1939, ended with a total defeat of the Imperial Japanese Army that earnestly showed the Red Army superiority in tactical sphere and in armed forces technical equipment. This book shows Soviet and Japanese views on different events of combat operations, generalizes the experience of combatants infantry forces, tanks and aviation utilization. The book contains 108 photos, 6 schemes and 12 colored illustrations.

Эта книга посвящена операции советско-монгольских войск против японских агрессоров, посягнувших на территорию Монгольской Народной Республики. Бои, продолжавшиеся с 11 мая по 16 сентября 1939 года, завершились полным разгромом японских войск, что убедительно продемонстрировало превосходство Красной Армии в тактическом плане и в технической оснащенности вооруженных сил. В работе показан советский и японский взгляды на различные события боевых действий, обобщен опыт использования стрелковых войск, танков и авиации противоборствующих сторон. Книга содержит 108 фотографий, 6 схем, 12 цветных иллюстраций.

